



НОРАВАНК
научно-образовательный фонд

21-й ВЕК

ЭКСТРЕМИЗМ И “ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПАРИТЕТ”

ИДЕОЛОГИЯ И ГОСУДАРСТВО

РЕЛИГИЯ И ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ВОЙНЫ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СМИ И СТРАТЕГИЯ ТЕРРОРИЗМА

3
2015



21-й ВЕК

ЖУРНАЛ ФОНДА «НОРАВАНК»

21-րդ դար, 21st CENTURY

3 (36)

ԵՐԵՎԱՆ

2015

21-й ВЕК

информационно-аналитический журнал

3 (36), 2015

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Гаспаршвили

Зав. лабораторией МГУ им. М.В.Ломоносова, к.ф.н. (Москва, РФ)

Александр Корнилов

Зав. кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского, д.и.н., профессор (Нижний Новгород, РФ)

Арам Сафарян

Кандидат филологических наук

Артур Атанесян

Заведующий кафедрой прикладной социологии ЕГУ, д.п.н.

Ашот Тавадян

Заведующий кафедрой экономико-математических методов АГЭУ, д.э.н., профессор

Бабкен Варданян

Директор ОО «Учреждение Айк», старший советник министра обороны РА

Вардан Арутюнян

Председатель Правления – Генеральный директор ЗАО «Газпром Армения», к.э.н.

Гагик Арутюнян (координатор)

Исполнительный директор НОФ «Нораванк», к.х.н.

Грануш Акопян

Министр Диаспоры РА, д.ю.н.

Завен Екавян

Доктор, профессор (Лиссабон, Португалия)

Карен В. Карапетян

Доктор экономических наук (Москва, РФ)

Мигран Дабаг

Доктор, профессор, директор Института диаспоры и геноцида при факультете истории Рурского университета (Бохум, Германия)

Мушег Лалаян

Заместитель председателя Республиканской партии Армении

Самвел Манукян

Советник НОФ «Нораванк», аналитик Института политических и социологических консультаций IPSC, к.с.н.

Сейран Оганян

Министр обороны РА, генерал-полковник

Сергей Гриняев

Генеральный директор Центра стратегических оценок и прогнозов, д.т.н. (Москва, РФ)

Эдуард Даниелян

Советник НОФ «Нораванк», заведующий отделом древней истории Института истории НАН РА, д.и.н.

21-й ВЕК

информационно-аналитический журнал

3 (36), 2015

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Гагик Арутюнян

Ответственный

редактор

Лилит Меликсетян

Ответственный

секретарь

Лусине Баграмян

Анна Жамакочян

Арестакес Симаворян

Ваграм Овян

Сергей Саркисян

Эдуард Даниелян

СОДЕРЖАНИЕ

Гагик Арутюнян

Рост экстремизма и фактор

«интеллектуального паритета» 5

Юрий Бондарь

Идеология и государство 16

Рачья Арзуманян

Религия в операционной среде

иррегулярных войн 28

Гагик Тертеров

Информационные операции:

история и современность 40

Светлана Ануфриенко

Средства массовой информации

в коммуникационной стратегии терроризма 50

Александр Манасян

Геноцид армян: императив политического

переосмысления век спустя 67

Алексей Шанявский

Первостепенные задачи на пути эффективной

интеграции Республики Армения

в Евразийский экономический союз 82

Игорь Багрян

Пять измерений государственной экономической

политики. Предложения для Армении 97

Георги Коларов

Развитие военно-технического сотрудничества

между Россией и Латинской Америкой 120

Памятка автору 135

РОСТ ЭКСТРЕМИЗМА И ФАКТОР «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПАРИТЕТА»

*Гагик Арутюнян**

Ключевые слова: экстремизм, мультиполярный мир, «холодная война», «мозговые центры», «умные технологии», управляемый хаос

Сегодня глобальная безопасность во многом зависит от развитий на Ближнем Востоке в контексте формирования Исламского государства. Вместе с тем *ИГ* является лишь верхушкой айсберга: ближневосточные процессы тесно связаны с тем, что происходит в Центральной и Юго-Восточной Азии, в континентальной «желтой, жаркой Африке». Однако обострение обстановки из-за действий радикальных сил сегодня происходит не только в этих регионах. По целому ряду показателей такой же логике подчиняются развития на Украине. Вовсе не случайно, что члены «Правого сектора» называют себя «христианскими талибами», не говоря уж о множестве фактов сотрудничества между украинскими и исламскими экстремистами из некоторых регионов РФ и стран СНГ. Потенциал экстремизма – пока несколько в латентной форме – накапливается и в странах *ЕС*. После долгого перерыва возобновились столкновения на расовой почве и в США. Складывается впечатление, что волна экстремизма накрывает все глобальное пространство, и есть все основания считать это явление важнейшим мировым социально-политическим трендом.

Часть аналитиков коррелирует происходящее с болезненным формированием мультиполярного мира, протекающим в жестком режиме «Холодной войны-2». Передел же сфер влияния сопровождается геополитическими сдвигами. Вместе с тем привязка происходящего только к геополитике тоже несколько проблематична.

* Исполнительный директор НОФ «Нораванк».

Проблемы «экспроприаторской системы»

Сегодня происходит своеобразный бунт против псевдоценностей, базирующихся на финансово-спекулятивной модели экономики, которая стимулирует и абсолютизирует потребительские инстинкты, в итоге формируя общество с канонами социал-дарвинизма. Естественно, что в таких обществах стремительно девальвируют демократические нормы, что позволяет определить современные западные общества как «постдемократические» [1]. Наиболее метко, пожалуй, охарактеризовал эту ситуацию академик Ал.Панарин, написавший, что «после победы Запада в холодной войне наметились симптомы вырождения западной цивилизации в новую экспроприаторскую систему глобального типа» [2].

Известно, что ряды ИГ и других экстремистских организаций пополняются и за счет подобного рода бунтарей как из христианской, так и из мусульманской среды. Протестное движение, организация которого немыслима без современных информационно-коммуникационных систем, направлено также против этой самой системы, которая приобрела черты информационного тоталитаризма. Это проявляется как методичным «промыванием мозгов» (что иногда не совсем политкорректно называют «глобальным оболваниванием»), так и массовым прослушиванием всего и вся, по сравнению с которым пророчества гениального Джорджа Оруэлла выглядят довольно бледно. В таких условиях вовсе не удивительно появление «диссидентского движения», в чем-то напоминающего советское, когда отдельные смельчаки (Ассанж, Сноуден и др.) публикуют «хронику текущих событий» в тоталитарной системе. Для подавления протестного движения применяются самые разные и изощренные методы. Но процесс «уже пошел», и этот бунт, иногда очень даже гармонично, накладывается на глобальную военно-политическую обстановку, делая ее еще более сложной и непредсказуемой.

Проблема восприятия сложности

Не удивительно, что для характеристики современных реалий используются термины «турбулентность», «многомерность» или же «хаос». Между тем представляется, что во всем этом «безумии», согласно шекспировскому герою, скорее всего, присутствует и «некая система». Поэтому сегодня, как, пожалуй, никогда ранее, актуализирована проблема адекватного восприятия и осмысления

окружающих нас реалий. Исходя из этой аксиомы, попытаемся представить свое видение некоторых элементов механизма происходящего. При этом будем придерживаться того известного подхода, который предполагает, что, наряду с естественно-эволюционными процессами, нынешняя «сложность» в мире формируется отчасти и благодаря направляющим действиям центров силы. Именно из-за сложности происходящего излагаемые в дальнейшем некоторые рассуждения следует принимать как версии, но никак не конспирологические импровизации. Вместе с тем, уверен, что лишь подобного рода свободные обсуждения помогут привести к рациональным и прагматичным выводам, что, в свою очередь, поможет ответить на извечный вопрос «что же надо делать?».

Прецеденты политического экстремизма

В информационном пространстве можно встретить множество ссылок относительно связей спецслужб разных стран с террористическими формированиями, в том числе с «Аль-Каедой» и ИГ. Способ не новый: хорошо известно, что радикалы – это та брутальная сила, которую всегда стремятся держать под своим контролем и использовать в собственных целях правительства и специальные службы всех более или менее влиятельных государств. Вместе с тем рассматривать нынешнее повсеместное распространение экстремизма и его превращение в глобальный геополитический фактор лишь как отдельные операции спецслужб (несмотря на их важность) несколько затруднительно. Логика событий, как минимум косвенно, позволяет выдвинуть также версию об искусственном и продуманном распространении экстремизма или, по крайней мере, о влиянии или факторе подобного продуманного плана на происходящее.

Недавно отмечали годовщину Победы над гитлеровской Германией. Та война была также следствием роста экстремизма – фашизма и нацизма. Объективных предпосылок для зарождения идеологии фашизма в Германии было достаточно. Относительно же расизма дело обстоит несколько сложнее: известно, что этот феномен изначально зародился в англосаксонской среде. Дурной пример всегда заразителен, но, по утверждению ряда исследователей, экспорт и дальнейшее продвижение расистских идей в континентальную Европу происходили не совсем спонтанно. Поэтому и данный вопрос обсуждался и обсуждается в контексте роли британского сообщества в деле инициирования вой-

ны. Так или иначе, но про фашизм сегодня вспоминают лишь в историческом плане, между тем тезис о превосходстве отдельного этноса (в несколько иной модификации – и отдельной религии) над другими и сегодня весьма актуален. Смысловые вирусы собственной исключительности заложены в технологиях «цветных революций», и ими с энтузиазмом заражаются совершающие подобные революции общества. Свежий пример – Украина.

Поэтому есть основания предполагать, что сегодня распространение эпидемии экстремизма – это технологизированная возможность развязывания конфликтов в выгодной для «заражающих» редакции. Для этого иногда полезно даже «объявить» войну «экстремизму». Во всяком случае, о такой возможности свидетельствуют военно-политические развития последних лет.

«Умные технологии», «мозговые тресты» и «управляемый хаос»

На первом этапе операции проводились по традиционным канонам: Афганистан и Ирак были разбомблены, оккупированы и т.д. Потом в ход пошли более «умные технологии». Для реализации политики в Большом Ближнем Востоке США широко использовали разработки корпорации *RAND*. Внимание к продукции этого известного центра, особенно в контексте понимания «ближневосточных сложностей», просто необходимо: достаточно перечислить названия лишь некоторых трудов *RAND*-а: «Гражданский демократический ислам: партнёры, ресурсы и стратегии»¹, «Создание умеренной мусульманской сети»² и т.д. Очевидно, что приписывать успех «арабской весны» или «евромайдана» лишь революционным технологиям Джина Шарпа будет некоторым преувеличением: эти перевороты (кстати, классические примеры экстремизма) зиждились на глубоких знаниях социально-политических и этно-религиозно-психологических характеристик конкретной страны и общества. Но это тоже еще не все: *RAND* и Шарп предоставляли знания и технологии, т.е. «тактическое оружие», но не политическую философию и идеологию, т.е. глобальную стратегию.

Еще недавно у всех аналитиков на устах были слова об «управляемом хаосе» на Ближнем Востоке. Некоторые эксперты справедливо связывали это явление с разработками **Института междисциплинарных исследований** или Инсти-

¹ Cheryl Benard, «Civil Democratic Islam. Partners, Resources, and Strategies», http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1716.html.

² «Building Moderate Muslim Networks», <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG574.html>.

тута критичной сложности в Санта-Фе. Сегодня к этому термину апеллируют в меньшей степени, что тоже, на наш взгляд, симптоматично, и к этому мы вернемся. Созданная под патронажем Пентагона и Госдепа, эта структура должна была адаптировать теорию хаоса для прикладных геополитических целей. Характерно, что одним из основателей института был лауреат Нобелевской премии, знаменитый физик Мюррей Гелл-Манн, а основой деятельности Института стали концепты другого Нобелевского лауреата – Ильи Пригожина о «хаосе и порядке» [3].

Возможно, на внедрение своих идей в реальную политику великие ученые смотрели как на увлекательную, к тому же хорошо оплачиваемую, умственную игру (что, в общем-то, свойственно физикам теоретикам). Труднее представить, что они, безгранично поверив в универсальность физических законов, посчитали, что эти законы будут «работать» и в непредсказуемой человеческой – общественной среде. Полагаем, что решающим фактором оказалось участие в этих разработках Збигнева Бжезинского и других спецов от дипломатии и спецслужб. Будучи по своему профессиональному определению менее одаренными, они могли бы, повинувшись своим геополитическим инстинктам, волевыми усилиями заставить все-таки скрестить политику с теоретической физикой. Если мир – шахматная доска, а геополитика подчиняется канонам этой игры (думать же всегда полезно), то почему нельзя на политическом поприще использовать и физику... Так или иначе, симбиоз произошел, и в политической аналитике появился расхожий термин «управляемый хаос», из которого, по замыслу его авторов, должен был возникнуть «новый порядок».

Ргоху-геноцид

На Ближнем Востоке было и есть множество объективных проблем военного, социально-экономического и религиозно-конфессионального характера [4]. Известно также, что реальная политика редко бывает особо гуманной. Вместе с тем представляется, что некоторые современные политические технологии, содержащие иногда не совсем корректные и механистические тезисы от «мозговых трестов», особенно дегуманизированы. Они иницируют и промотируют военно-политические и общественные процессы, которые приводят к массовой гибели людей и уничтожению цивилизационных ценностей. Эти технологии

по форме изложения весьма политкорректны и вроде не содержат элементов расизма или фашизма. Однако они привели к гуманитарной катастрофе, вполне сопоставимой с той, что имела место в эпоху Второй мировой. Правда, механизмы в данном случае намного более утонченные, войны ведутся чужими руками, другими словами – в режиме *проху*.

К примеру, на Ближнем Востоке происходит «геноцид в режиме бегущей строки»¹: число погибших достигает 2 млн., а беженцев перевалило за 15 млн. Геноцид сопровождается культуроцидом, на грани исчезновения оказались христианские (и в их числе армянские) общины региона. Все это, казалось бы, не имеет непосредственного отношения к тем, которые разрабатывали и применяли сомнительные концепции типа «управляемого хаоса». Невосприятие механизма «*проху*-геноцида» мировым сообществом связано с развитием техники профилактической информационной манипуляции: например, в Сирии все дело представляется как гражданская война «демократической оппозиции» против диктатора Асада. Для подавления же возможных протестов пресловутого мирового сообщества (чтобы избежать прецедента, имевшего место в годы Вьетнамской войны) применяются разные методы. Дело доходит до повсеместного распространения наркотических средств, что в принципе можно окрестить психологической войной против собственного общества². Не исключено, что на «оболванивание» направлена и фетишизация (особенно на фоне имеющихся проблем) идей «однополовых браков» и тому подобных технологий управления массами. Между тем не вызывает сомнения, что геноцид на Ближнем Востоке должен быть расследован в формате международного трибунала как преступление против человечества. При этом вовсе не обязательно, чтобы это был именно Гаагский суд.

Цивилизационное измерение

Не менее драматичными оказались последствия информационного-психологического характера: само название *ИГ* внедрило в сознание глобального сообщества ассоциацию Ислама с терроризмом, что приводит к усилению межкультурного антагонизма в духе концепций Хантингтона.

¹ Гагик Арутюнян, Мультиполярные реалии, Ближний Восток и геноцид в режиме «бегущей строки», http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=12307&sphrase_id=47943.

² Гагик Арутюнян, Информационные операции: история и современность, http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=13489&sphrase_id=47952.

Но, наряду с этим, в контексте протекающих на Ближнем Востоке и в Восточной Европе процессов осложняются также отношения между народами, принадлежащими к общей этнокультурной среде. В частности, применяемые ныне в рамках концепции «мягкой силы» манипуляционные технологии позволяют деформировать «цивилизационные коды» даже тех сообществ, которых ранее принято было называть «духовно близкими». Между тем потеря собственных «цивилизационных координат» приводит к большим проблемам практически во всех сферах жизнедеятельности. В подобных обществах, как правило, развивается также нетерпимость, которая подчас перерастает в военно-политическую конфронтацию со «своими» же, как это происходит на Украине. В этом контексте следует выработать как концептуальные, так и организационные (по сетевому принципу) технологии, которые позволили бы восстановить идентичность и цивилизационную общность (а тем самым – необходимый для общего развития синергизм) искусственно разделяемых народов.

Политические последствия

Следует признать, что военно-интеллектуальные усилия дали весьма ощутимые результаты. Сегодня Евразия в значительной степени окружена поясом нестабильности (пресловутая «Анаконда»), а радикальные группировки, иногда небезуспешно, проявляют активность в России и Китае. К тому же, Россия и Иран втянуты в конфликты на Украине и в Йемене, попутно захваченные и продаваемые боевиками *ИГ* нефть и газ сбивают цены на углеводороды и т.д., и т.п.

Казалось бы, основные геостратегические задачи выполнены. Но далеко не полностью, так как в дело вмешались другие физические закономерности, намного более простые и действительно универсальные, а именно ньютоновский закон о том, что «действие рождает противодействие».

Россия и КНР, каждая по-своему, стали противодействовать американским планам и предпринимать необходимые меры. Иран, во многом благодаря своей уникальной общественно-политической системе, оказался стойким к всякого рода цветным революциям, и кошмар Ливии или Сирии там не повторился. Против революционной анархии восстали и в значительной мере восстановили прежний порядок египетские военные. В контексте «сопротивления» ряд государств стал координировать свои усилия в форматах ШОС,

БРИКС и ЕАЭС. Возможно, именно по этим причинам в информационном контенте наблюдается существенное снижение популярности термина «управляемый хаос»: ведь многое говорит о том, что «хаос» вышел из-под контроля, функционирует по собственным и непрогнозируемым законам, как, собственно, и подобает общественно-человеческому хаосу...

На этом фоне появились известные проблемы у самих Соединенных Штатов. В свое время Пол Кеннеди предостерегал, что «сумма глобальных интересов и обязательств США намного превосходит возможности защитить их одновременно», и определил это явление как «имперское перенапряжение». К тому же, это «перенапряжение» сопровождается также типичным «головокружением от успехов». Однако и в состоянии «перенапряжения» и «головокружения» американцы способны на многое, особенно с учетом того, что у них огромный перевес над своими конкурентами в научно-инновационной и военно-технологической сферах.

Неопределенность перспектив

Согласно заявлению начальника штаба сухопутных войск США, для ликвидации ИГ потребуется до десяти лет¹, между тем президент Обама ранее называл срок в три года. Вспомним, что в 2003г. для разгрома Иракской армии потребовались три недели. Примечательно, что относительно конфликта на Украине мало кто рискует называть какие-то сроки, но есть все симптомы того, что противостояние там принимает хронический характер.

Рост неопределенностей в новой Холодной войне обусловлен также тем, что мир стал многоцентричным. Сегодня, в отличие от прошлой подобной войны, в ней участвуют не только сразу несколько крупных геополитических акторов, но и ряд влиятельных коммерческих компаний и общественных организаций транснационального типа. У каждого из этих субъектов глобальной политики свои представления о будущем (большей частью – весьма смутные), которые естественным образом далеко не совпадают. По этим причинам выдвигать прогнозы или предлагать корректные сценарии будущего объективно

¹ США назвали сроки ликвидации «Исламского государства», <http://www.u-f.ru/News/u328/2015/06/12/716371>.

затруднительно. Обычно в таких случаях апеллируют к прогнозам *NIC*¹, но складывается впечатление, что факторы *ИГ*, Украины и глобальный рост экстремизма еще недостаточно учтены в разработках этой и подобного рода других организации.

Но вместе с тем, если попытаться экстраполировать современные реалии в перспективу, то основной тренд, как это мы уже отметили, это рост экстремизма. Этот процесс усилится и на европейском континенте по двум параллельным механизмам. Во-первых, это «эффект бумеранга»: потоки недовольных беженцев от «хаоса» являются питательной средой для террористических организаций, уж не говоря о специально внедренных в ряды беженцев эмиссаров *ИГ*. Во-вторых, протест зреет и у этнических европейцев, для которых актуализируется проблема выживания как вида. В этом контексте обоснованными прогнозами можно считать и интуитивные пророчества в художественной форме [5].

Некоторые выводы

Изложенные выше возможные тренды не противоречат ранее высказанным прогнозам, согласно которым мир трансформируется, усиливается интеграция вокруг новых центров влияния, параллельно которой будет происходить фрагментация глобального пространства по цивилизационным и иным признакам. По некоторым сценариям, США стремительно теряют монопольные позиции, по другим же, возможно, *Pax Americana* сохранится.

Между тем реализуемость подобных сценариев зависит не только и даже не столько от экономических и военных показателей, сколько от того, сумеют ли Россия, Китай и другие страны конкурировать со сверхдержавой в сфере «умных политических, гуманитарных и организационных технологий»². В этом контексте ситуация сравнима с тем периодом середины прошлого века, когда ведущие державы не могли считаться таковыми, если не обладали ядерным оружием. Данное обстоятельство, в частности, довольно остро воспринимается в КНР, где Госсовет принял решение о создании целого ряда «мозговых тре-

¹ National Intelligence Council, Global Trends, <http://www.dni.gov/index.php/about/organization/national-intelligence-council-global-trends>.

² См., например, *Гагик Арутюнян*, Прогнозирование и формирование будущего, 21-й Век, #3(19), с.5, 2011, *Гагик Арутюнян*, История, информационные войны и интеллектуальный паритет, http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=13442.

стов». Перед ними поставлена задача, «чтобы некоторые из них добились глобального влияния» [6].

Представляется, что полноценный мультиполярный миропорядок возможен лишь при формировании «интеллектуального паритета» между ведущими странами, с выработкой соответствующих механизмов «сдерживания “умных технологий”».

Июль, 2015г.

Источники и литература

1. *Колин Крауч*, Постдемократия. – М.: Изд-во Государственного университета-Высшая школа экономики, 2010.
2. *Александр Панарин*, Народ без элиты: между отчаянием и надеждой. «Наш современник», №11, 2001.
3. *Пригожин И., Стенгерс И.*, Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
4. *Гагик Арутюнян*, О некоторых вопросах стратегии США в контексте Иракской проблемы, 21-й век, #3(5), с. 105, 2004 (на армянском языке).
5. *Елена Чудинова*, Мечеть Парижской Богородицы. – М.: Изд-во: Яуза, Эксмо, Лепта-Пресс, 2005.
6. О развитии «мозговых центров» в КНР, Зарубежное военное обозрение, #4, с. 92, 2015.

ԾԱՅՐԱՀԵՂԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՃԸ ԵՎ «ՄՏԱՎՈՐ ՀԱՎԱՍԱՐՈՒԹՅԱՆ» ԳՈՐԾՈՆԸ

Գազիկ Հարությունյան

Ամփոփագիր

Ծայրահեղականության նկատվող աճը պայմանավորված է ոչ միայն բազմաթիվ աշխարհի ձևավորման ցավագին գործընթացով և բողոքի շարժման ակտիվացմամբ, այլև «խելացի տեխնոլոգիաներ» արտադրող ամերիկյան «ուղեղային կենտրոնների» գործունեությամբ, որն ուղղված է աշխարհաքաղաքական մրցակիցների դեմ: Նման տեխնոլոգիաներին արդյունավետ հակազդեցությունն այլ պետությունների կողմից հնարավոր է համապատասխան հումանիտար տեխնոլոգիաների ոլորտում նրանց «մտավոր հավասարություն» ձեռք բերելուց հետո միայն:

РОСТ ЭКСТРЕМИЗМА И ФАКТОР «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПАРИТЕТА»

Гагик Арутюнян

Резюме

Наблюдаемый рост экстремизма обусловлен не только болезненным процессом формирования мультиполярного мира и ростом протестного движения, но и деятельностью генерирующих «умные технологии» американских «мозговых центров», направленной против геополитических конкурентов. Эффективное противодействие подобным технологиям со стороны других государств возможно лишь после достижения ими «интеллектуального паритета» в сфере соответствующих гуманитарных технологий.

THE GROWTH OF EXTREMISM AND THE FACTOR OF “INTELLECTUAL PARITY”

Gagik Harutyunyan

Resume

The growth of extremism observed currently is caused not only by painful process of multi-polar world formation and protest movement rise, but also by activities of American think tanks that generate “smart technologies.” Effective counteraction to such technologies by other countries is possible only when they achieve an “intellectual parity” in the area of relevant humanitarian technologies.

ИДЕОЛОГИЯ И ГОСУДАРСТВО

*Юрий Бондарь**

Ключевые слова: идеология, национальные традиции, государство, функции идеологии, религия, национальная идея, общерусская цивилизация, основные принципы идеологии

Специфика идеологии

Идеология – это система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений [1, с. 81]. В идеологии осознаются и оцениваются отношения людей к властным структурам и друг к другу, а также формулируются цели и программы социально-политической и экономической деятельности человека, направленной на закрепление избранной социально-политической и экономической модели развития.

Идеология органично связана с существующим образом жизни. Она также испытывает на себе влияние современных знаний, исторических традиций, общественных и нравственных устоев. Идеология не может быть абстрактной и оторванной от реальной жизни общества и человека. Идеологию невозможно у кого-либо позаимствовать. Она формируется в конкретных условиях и теоретически оформляется с учетом исторического времени и национальных традиций. Эффективно функционировать в обществе способна лишь та идеология, которая выражает интересы и потребности подавляющего большинства граждан.

Любое государство, любая политическая система всегда ориентируются на достижение определенных целей, которые выражаются в соответствующих идеалах, смыслах, убеждениях. От этого напрямую зависит эффективность государственной деятельности. Государство, лишенное идеологии, беззащитно.

* Кандидат политических наук, доцент, ректор Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Ему могут быть навязаны любые, даже губительные для него реформы. Стремление создать деидеологизированное государство неминуемо ведет к развалу механизма государственного управления, социально-экономической катастрофе, деградации духовно-нравственных отношений. Идеология помогает людям с разными интересами прийти к осознанию общих ценностей, способствует установлению в обществе атмосферы согласия и созидания. Благодаря идеологии государство может правильно определить свое место на международной арене, адекватно реагировать на глобальные вызовы современности.

Идеология государства – это не совокупность заимствованных идей, взглядов, представлений под определенную политическую конъюнктуру. Об идеологии народа нельзя сказать: это было, это прошло. Идеология имеет дело с тем, что вечно – с духом народа, его историей. Поэтому совершенно некорректны попытки написать идеологию государства с чистого листа, абстрагируясь от исторического развития и уже сложившейся в народном самосознании социально-политической системы ценностей, ибо подлинным субъектом идеологии и реальным творцом истории выступает сам народ. Задача же ученых, политиков, идеологов в том и состоит, чтобы уловить идеологические скрепы народного бытия, которые инвариантны по отношению ко всей истории народа, т.е. прошлому, настоящему и будущему.

Структурными элементами идеологии являются политические теории и идеи, социально-политические идеалы, ценности, политические программы, политические символы. Для идеологии характерна неразрывная связь с политической символикой, которая выражает принадлежность человека к определенному этническому и государственному сообществу, движению, организации. Так, по мнению выдающегося социолога П.Сорокина, красный цвет знамени преследуется не потому, что он красный, а потому, что он является символом мыслей, желаний и чувств, враждебных существующему капиталистическому строю.

Специфика идеологии состоит в том, что идеология, в отличие от науки, включает в себя не только знание о социально-политической жизни, но и социально-политические ценности, ценностное отношение к историческим и политическим процессам, оценку моделей исторического развития, соотноше-

ния политических сил; она выражает интересы государств, политических партий или социальных движений.

В отличие от экономических законов, складывающихся независимо от общественного сознания, закономерности идеологического развития формируются и функционируют, проходя через общественное сознание людей. В этой связи при выяснении механизма функционирования идеологии важно учитывать диалектическую взаимосвязь идеологии, общественной психологии и общественного сознания. Важно, чтобы эти уровни идеологии проникли во взгляды, мировоззрение, мироощущение граждан. Только в таком случае идеологическая система ценностей будет выполнять и воспитательную функцию. Поэтому отказ от идеологии, желание строить государство вне всякой идеологии несостоятельны именно по причине невозможности реализации такой установки. На практике идеологический вакуум заполняется деструктивными, примитивными, иррационалистическими взглядами и концепциями. Задача государства в том и состоит, чтобы формирование идеологии происходило на рациональных и гуманных идеях и принципах, на собственной исторической почве.

Термин «идеология» ввел французский философ Антуан Дестют де Траси, который в своей книге «Элементы идеологии», опубликованной в Париже в 1801-1815 годах, определял идеологию как учение об идеях, позволяющей разработать основы политики и этики, сформировать истинную способность суждения и оценки в различных областях человеческой деятельности.

В современной социальной и политической философии представлены различные концепции генезиса идеологии: социально-классовые психоаналитические, объективно-рационалистические, этатистские, экзистенциалистские, структуралистские, постструктуралистские, постмодернистские. Каждая из них выдвигает свой критерий идеологии. Гносеологический критерий – отношение к действительности. Социально-классовый критерий – выражение интересов социальных классов и групп. Психоаналитический критерий – рационализация влечений и воли к власти. Экзистенциалистский критерий – рационализация витальных влечений различных классов. Этатистский критерий – рационализация влечений господствующего класса, апология существующего строя. Постструктуралистский и постмодернистский – критерий бессозна-

тельного и совокупности нерационализируемых характеристик человеческих представлений о социальной действительности.

Идеология появляется после разделения умственного и физического труда, то есть в классовом обществе. Профессиональные философы, историки, поэты, жрецы одновременно были и идеологами в той части своей деятельности, которая касалась социальной проблематики, взаимоотношений человека, общества и государства. В этот период идеология вплетена в ткань философских, исторических, поэтических, мифологических сюжетов, находится в лоне нерасчлененного гуманитарного знания. В древнее время идеология ближе всего соприкасается с мифологическим, религиозным сознанием. Это и понятно, ибо объектом идеологической и религиозной деятельности как раз являлась человеческая жизнь во всех своих аспектах.

Несмотря на содержательное сходство идеологии и религии, между ними, тем не менее, существует принципиальное различие. В чем это различие между идеологией и религией?

Идеология представляет собой единство социально-политических знаний и социально-нравственных ценностей. Религия же – всего лишь катехизис моральных заповедей. Знание в религии – это догматика, которая никак не связана с реальной жизнью человека и которой верующий практически не интересуется.

Идеология обладает характером всеобщности, она одинаково обращается ко всем гражданам без разделения их по религиозному признаку. Религия носит ограниченный, конфессиональный характер. Она апеллирует не ко всем гражданам, а лишь к верующим, притом к верующим своей конфессии.

Идеология всегда связана с реальными пространственно-временными координатами человеческой жизни. Она стремится устроить счастье человека в посюстороннем мире. Религия же рассматривает реальную жизнь человека всего лишь как подготовку к будущей загробной, вечной жизни. Основным признаком религии выступает вера в сверхъестественное и убежденность в возможности общения с ним. Поэтому религия и церковь достаточно индифферентно относятся к социальной неустроенности человека, к существующей социальной несправедливости, к социальной поляризации общества.

Идеология вскрывает причины несправедливости, неравенства, несправедливого обогащения с целью устранения этих опасных явлений для созидательной жизни человека, ясно и четко формулирует необходимость разработки сильной государственной социальной политики. Религия же в решении социальных вопросов не выходит за рамки филантропии. А всякая филантропия основана на социальном неравенстве, на разделении общества на богатых и бедных, на тунеядцев и трудящихся. Филантропия как раз процветает на производстве бедных, их ограблении и развращении. Истинная взаимопомощь возможна только между равными. Ограничиваясь филантропией, религия и церковь фактически оправдывают социальную несправедливость и социальное неравенство.

Такое же различие между идеологией и религией можно наблюдать и в вопросе формирования нравственного поведения человека. Социологическое наблюдение: когда религиозность в обществе усиливается, а идеология ослабевает, то совершается гораздо больше преступлений, чем тогда, когда религиозность ослабевает, но идеология усиливается. В самом деле: строительство храмов, монастырей идет интенсивным темпом, количество приходов в постсоветских странах значительно увеличилось. Казалось бы, моральные заповеди религии должны все более проникать в сознание и быт человека, взаимоотношения между людьми должны становиться добрее, терпимее, гуманнее. А на практике все наоборот. Количество стяжателей, воров, убийц, растлителей нисколько не уменьшается, а все более возрастает. Все это свидетельствует о том, что религия стоит особняком от реальной жизни человека, устраняется от борьбы с социальной несправедливостью, с негативными явлениями. Поэтому нельзя основать нравственного поведения на христианской религии не по причине того, что религия неверна, а в силу того, что религиозные принципы пригодны только для ограниченного и в чем-то отрешенного от земного мира людей. К тому же, христианство, как и ислам, распадается на разные конфессии, между которыми существует не меньше противоречий, чем, к примеру, между самими мировыми религиями. Вот почему стремление строить духовность, нравственность на религиозной основе не только идеологически несостоятельно, но и политически ошибочно. Представим себе, что в своем понимании возрождения нравственности мы исходим из религиозного подхода, расходится по конфессиональным квартирам и оттуда вещаем об истинности своей рели-

гии и о наступающей эпохе борьбы между различными цивилизациями. А затем от слов перейдем к делу. Разве безумие прошлого не подтверждает безумия дня сегодняшнего?

Основные функции идеологии

Среди социальных функций идеологии необходимо выделить прежде всего познавательную, ориентационную, мобилизационную, интегративную, нормативно-регулятивную функции, которые обусловлены необходимостью как идеологического воспитания молодого поколения, так и идеологического санкционирования политической практики. «Идеология, определяя цели политики, формирует ориентиры политической деятельности, осуществляет выбор средств ее реализации, мобилизует широкие слои для участия в осуществлении политики» [1, с. 83]. В конкретно-исторических условиях важно различать и использовать те или иные функции идеологии. В настоящее время на первый план как раз и выходят такие функции идеологии, как познавательная, ориентационная, интегративная, нормативно-регулятивная. Опасно, когда в общественное сознание внедряется культ денег, когда человека ориентируют на праздное, нетрудовое существование, на приобретение богатства любой ценой. Общество, как целостный социальный организм, не может обогатиться за счет самого себя, не работая, а спекулируя. Поэтому такие понятия, как добро, совесть, честность, порядочность, трудовой смысл жизни сегодня выдвигаются на первый план в формировании идеологии государства.

Политические идеологии в постсоветской Беларуси

Для постсоветской Беларуси, как и для других постсоветских республик, характерна идеологическая пестрота, обусловленная наличием многопартийности. Условно политические идеологии в постсоветской Беларуси можно разделять на три вида: 1) идеологии социалистической и левопатриотической ориентации, 2) прозападно-либеральные идеологии, 3) национал-экстремистские идеологии. Для прозападно-либеральных и национал-экстремистских идеологий характерен агрессивный антикоммунизм. Поэтому в современной Беларуси правомерно выделение двух принципиально-противоположных политических идеологий – коммунистической и антикоммунистической.

В период 1991-1995гг. в государственной политике, официальных средствах массовой информации доминирующее положение занимала антикоммунистическая идеология, которая в этих областях абсолютно вытеснила идеологию коммунистическую. Антикоммунистическая идеология тесно переплеталась с идеологией антироссийской. Пасквили на русский народ печатались в солидных изданиях, антиисторическое невежество выдавалось за якобы объективный взгляд на историю России и СССР. Более того, национал-экстремисты выступили с территориальными притязаниями к Росси, в частности, на ряд районов Смоленской, Брянской и Псковской областей. В январе 1994г. с программной статьей «О русском империализме и его опасности» выступил глава национал-экстремизма в Беларуси, лидер Белорусского Народного Фронта З.Позняк. В этой программной статье ненависть и клевета на русский народ и советскую действительность достигли апогея. «Россия – это имперское общество с неограниченным сервильным сознанием». Русские – это «лоскутный народ без очерченной национальной территории». «Беларусь выйдет из СНГ». «Наш путь – это путь балтийских стран, путь возвращения в европейскую цивилизацию». «Будут запрещены все коммунистические организации на Беларуси». «Наша нация (белорусская. – **Ю.Б.**) глубоко и тяжело больна».

Специфика идеологической ситуации в Беларуси в рассматриваемый период заключалась в том, что подобная антикоммунистическая и антироссийская идеология не пользовалась кредитом доверия у подавляющего большинства белорусского народа. Навязываемые идеологические концепции (антикоммунизм, неолиберализм) шли вразрез с самосознанием белорусского народа. Становилось очевидным, что необходимо приведение государственной политики в соответствие с идеологическими предпочтениями большинства граждан Республики Беларусь. Государственное оформление идеологических предпочтений белорусского народа было осуществлено инициативами президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко на исторических референдумах 1995-1996гг.

В результате республиканских референдумов 1995-1996гг. экстремистские идеологии неолиберализма, антикоммунизма, антирусизма ушли из государственной политики, стратегический курс развития Республики Беларусь

получил адекватную государственную символику, общенародную внутреннюю политику, грамотно выстроенные международные приоритеты, а исторический выбор Беларуси национальные идеологические принципы и ориентиры.

Национальная идея белорусского народа

Какова национальная идея белорусского народа? Поверхностно мыслящие исследователи хватаются за понятие «белорускость» и выдвигают его в качестве национальной идеи белорусского народа. На первый взгляд, это кажется вполне обоснованным. Кто же из белорусов может выступать против «белорускости»? Это выглядело бы антипатриотично. Но как это ни покажется парадоксальным, именно понятие «белорускость» не является национальной идеей белорусского народа. Почему? Потому, что оно оторвано от конкретно-исторических условий своего возникновения и носит сугубо абстрактный характер. Если специфицировать это понятие, то есть выявить его исторический генезис и идеологический смысл, то нетрудно будет установить, что под понятием «белорускости» прозападные организации протаскивали не национальную, а антинациональную идею противопоставления белорусов и русских, сознательно обрубали белорусские корни от общерусского древа. Объективно под понятием «белорускости» скрывается идея освобождения территории Беларуси от белорусского народа. Отсюда и лозунг прозападных деятелей идти «в Европу» и быстрее заимствовать западные ценности. А это означает не что иное, как денационализацию белорусского народа, его исчезновение. Поэтому президент А.Г.Лукашенко подчеркнул, что «для нас единственно верное решение – оставаться на родной, сложившейся веками белорусской почве», поскольку «собственные традиции, идеалы, ценности, цели и установки составляют становой хребет нашего народа» [2, с. 20].

Таким образом, понятие «белорускости» не имеет никакого отношения к белорусской идеологии и не может быть национальной идеей. Говорят, что национальная идея белоруса сводится к толерантности, отзывчивости, доброжелательности. Это верно, но этого мало для выяснения специфики нашей национальной идеи. Ибо любая национальная идея, выполняющая консолидирующую функцию в рамках данной нации, характеризуется таким набором человеческих качеств, которые образуют меру данного национального характера,

его золотую середину. Подлинно национальная идея специфицируется в историческом развитии данного народа и закрепляется в его национальном генетическом коде. В этом смысле национальной идеей нашего народа является идея союза с Россией, единства белорусов и русских. Именно эта идея четко прослеживается в самосознании белоруса на всем протяжении его исторического развития, начиная от народных движений эпохи средневековья за воссоединение с братским русским народом и кончая народными референдумами 1995-1996гг. Именно вокруг идеи союза с Россией сегодня происходит главное идеологическое противостояние между сторонниками подлинной независимости и агентами «европеизации» нашей республики.

Основные принципы идеологии белорусского государства

Выдающийся русский и украинский языковед XIX века Александр Потебня справедливо отмечал, что «никто не имеет права вlagать в язык народа того, чего сам этот народ в своем языке не находит» [3, с. 146]. Эту мысль Александра Потебни с полным основанием следует отнести и к идеологии.

Фундаментальное влияние общерусской цивилизации на формирование белорусского национального характера не вызывает сомнений. В связи с этим важное значение имеет выяснение характерных признаков общерусской цивилизации, которые одновременно являются сущностными понятиями белорусского государства. Перечислим их.

Социальная справедливость. Это понятие выстрадано нашим народом в ходе его многовековой истории. Социально-политический идеал белорусов – общество социальной справедливости и равенства, а не конкурирующих между собой людей. Вот почему принципы рыночной экономики нельзя экстраполировать социально-политические и человеческие отношения. В противном случае будет создано не демократическое государство, а олигархическое, не правовое, а беззаконное.

Народовластие. Это понятие в истории нашего народа сформировалось в противовес западно-латинскому принципу общественного и государственного устройства. Понятие народовластия получило свою окончательную прописку на рубеже XVI-XVII веков, когда на территории Беларуси учредилась широкая сеть православных братств. Деятельность братств отражалась на всех институ-

тах общерусской цивилизации, начиная от устройства церковных организаций и кончая гражданскими сообществами. Историческое значение православных братств состоит в том, что они в труднейших условиях сумели убедить белорусское общество в необходимости возложения защиты национального развития от посягательств иезуитов и правительства Речи Посполитой на плечи самого народа. По глубокому замечанию Михаила Кояловича, «история западной России получает с тех пор по преимуществу народное направление» [4, с. 207]. Эта исключительная роль православных братств в истории Беларуси дает право говорить о феномене народного правления в противоположность западно-латинскому деспотизму, который являлся главным орудием духовного, национального и социального угнетения белорусского народа. Православные братства за исключением денационализированных магнатов и высшей православной иерархии – митрополита и епископов, которые отреклись от своей цивилизации, объединили вокруг себя весь белорусский народ. Православные братства, являясь выразителями интересов трудового люда Беларуси, по мысли Михаила Кояловича, «составляли исключение не только в западнорусской церкви, но и во всем мире христианском» [5, с. 73].

Труд и солидарность. Государству, обществу, гражданам нужны не реформы ради «рыночной экономики», не конкуренция в ущерб человеческой солидарности, не лицемерная благотворительность богатых в пользу бедных, не отстранение государства от решения экономических и социальных проблем ради якобы свободы частного предпринимательства, а трудовая и эффективная экономика, работающая в интересах народа. Человек труда, труженик – вот кто образует стержень идеологии белорусского народа.

Дружба народов. Прежде всего, братских народов – белорусов, русских, украинцев. Общество не может продвигаться по пути прогресса без идеологии доверия и взаимного уважения между людьми различных национальностей, без объединения их усилий, без использования их гуманистического и созидательного потенциала.

Союзность. Особенность исторического развития Беларуси состоит в том, что белорусская государственность изначально формировалась как союзная государственность. Именно не уния, а союз. Общеизвестно, что попытки польской шляхты привлечь белорусское крестьянство к своей борьбе против Рос-

сии всегда терпели крах. Ибо белорусы прекрасно понимали, что их враг – не Россия, а польский пан и латинский иезуит. Прогрессивное значение вхождения Беларуси в состав Российской империи заключается в том, что, находясь в лоне своей родной общерусской цивилизации, белорусский народ избежал грозившей денационализации и тем самым сохранил предпосылки для последующего национального и государственного возрождения.

Поэтому принцип союзности является атрибутивным признаком всей структуры идеологических ценностей нашего народа. Вот почему образование белорусско-российского Союзного государства отвечает духу идеологии белорусского государства.

Нынешние попытки так называемых евроинтеграторов навязать нашему Отечеству западные ценности, уже дискредитировавших себя на Белой Руси в XVI-XVIII веках, кроме недоумения и тревоги ничего вызвать не могут. Подобные ценности ведут к смене пространственно-временных и духовно-нравственных ориентиров нашего народа, к отрыву Беларуси от своей общерусской цивилизационной природы. Только идя исторически апробированной общерусской цивилизационной дорогой, дорогой союзной государственности, может плодотворно развиваться белорусская национальность и белорусская государственность.

Май, 2015г.

Источники и литература

1. Семигин, Г.Ю. Идеология / Г.Ю. Семигин // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 2. – 794с.
2. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. – Минск, 2003. – 191с.
3. Потебня, А. Мысль и язык / А. Потебня. – Харьков, 1892. – 267с.
4. Коялович, М. Чтения по истории Западной России / М. Коялович. – СПб., 1884. – 324с.
5. Коялович, М. Литовская церковная уния / М. Коялович. – СПб., 1859. – Т. 1. – 379с.

ԳԱՂԱՓԱՐԱԽՈՍՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆԸ

Յուրի Բոնդար

Ամփոփագիր

Հոդվածում վեր է հանվում գաղափարախոսության և պետության փոխկապվածությունը: Վերլուծվում են բելառուսական պետության գաղափարախոսության պատմական և քաղաքակրթական ասպեկտները:

ИДЕОЛОГИЯ И ГОСУДАРСТВО

Юрий Бондарь

Резюме

В статье раскрывается взаимосвязь идеологии и государства. Анализируются исторический и цивилизационный аспекты идеологии белорусского государства.

IDEOLOGY AND STATE

Yuriy Bondar

Resume

The article reveals interlinks of ideology and state. The historical and civilizational aspects of the ideology of the Belarusian state are also analyzed.

РЕЛИГИЯ В ОПЕРАЦИОННОЙ СРЕДЕ ИРРЕГУЛЯРНЫХ ВОЙН

*Рачья Арзуманян**

Ключевые слова: иррегулярная война, иррегулярные военные действия, насильственные новые религиозные движения, духовное повстанчество, религия, идеология

1. Введение

Темой статьи является переосмысление роли религии в операционной среде иррегулярных военных действий (ИВД) и иррегулярных войнах и, в частности, существующей таксономии повстанчества в контрповстанческих доктринах Запада. Ряд теоретиков критикуют «Боевой устав 3-24, контрповстанчества, армии и морской пехоты США» [13] за недостаточное внимание к роли религии в иррегулярных военных действиях. Например, критики замечают, что религия упоминается в уставе только несколько раз, и если проблема религии идентифицируется и обсуждается, то делается это в рамках оценки культурного контекста операционной среды. Дэвид Килкаллен, которого можно назвать одним из главных архитекторов контрповстанческой доктрины США, защищая устав, считает, что критики недопонимают как природу современных конфликтов, так и назначение военной доктрины [5]. Килкаллен отмечает, что, хотя почти все «исторические повстанческие движения имели сильную религиозную размерность», повстанчество не является фундаментально религиозным по своей природе. Религия кооптируется повстанцами как способ манипулирования местным населением и циничного оправдания актов политического насилия и терроризма [6]. Другими словами, религия рассматривается как свойство социальной среды, которое используется руководством повстанчества для оправдания и/или проведения экстремальных форм насилия. Религии отказывается в праве быть основой конфликта, инициируя духовное повстанчество (*spiritual insurgency*) [7].

Такой взгляд и отрицание правомерности термина «духовное повстанчество» является следствием разделения сферы религиозного и политического на

* К.т.н., политолог, эксперт по проблемам военной и национальной безопасности, НКР.

Западе. При этом игнорируется тот факт, что для большинства обществ в Третьем мире религиозная и политическая реальности не разделяются. Такое искаженное восприятие приводит к непредвиденным последствиям и результатам. Придерживаясь секулярного взгляда на общество, Запад оказывается не в состоянии предсказать и остановить насильственные действия религиозных экстремистов. Это вынуждает ряд западных исследователей расширить исследовательское поле и рассматривать религию в качестве одной из движущих сил в операционной среде ИВД.

2. Идеология и политическая теология

Религии могут выполнять функцию идеологии, отвечая на социальные и политические вызовы. Религиозные идеологии отличаются от секулярных тем, что они формируют программу действий, апеллирующую и опирающуюся на сакральное. Другими словами, это теологически обусловленные действия, базирующиеся на высшем (божественном) законе. Например, идеология религиозных фундаменталистских движений рассматривает, каким образом можно внедрить в общество определенные политические механизмы, институты, базирующиеся на высших предписаниях.

В своем анализе фундаменталистских движений в США и Иране Мартин Риезенброт аргументирует, что идеология определяет «интересы и ценности», но также восприятие прошлого и ожидания будущего. Как следствие, она оказывается в зависимости от теологической или политической позиции движения и может рассматриваться как «религиозно-теологический традиционализм», а сами движения – как «радикальные правые движения» [11]. В базирующемся на фикхе (традиционном исламском правоведении) понимании Ислама религия рассматривается как основа социального, экономического и политического поведения, когда религия и политика сливаются, а религиозные и политические институты функционируют как единое целое. Речь идет о максималистском понимании религии, в противоположность минимализму секулярного Запада.

В книге «Мертворожденный бог» [8] Марк Лилла замечает, что в большинстве цивилизаций человек обращается к сакральному, когда пытается отразить политические вопросы, а мышление принимает форму политической тео-

логии. Лилла аргументирует, что великое (но искусственное) разделение религии и политики не только относительно новый феномен (последние четыре века), но и свойствен он только христианскому обществу (Западу). Большая часть мира не отделяет политическую философия от космологии и теологии.

Религиозная идеология, точнее политическая теология, является сплавом социальной и политической реальности с сакральным с целью обеспечить связь между сакральным, человеком и миром, формируя предписания для действий. Аргументируя, что религия и политика являются «изоморфическими», Джеймс Уэллман замечает: «(Религия) и политика структурно связаны; символические и социальные границы всегда связаны. Любой акт не только символичен, но появляется из сложной решетчатой конструкции (сети) культурных и политических слоев убеждения, мощи и силы» [15]. Другими словами, между религией, политическим и политической теологией не существует ясного различия, границы искусственны, а паттерны мышления и поведения оказываются тоталистическими (*totalistic*) и базирующимися на сакральном.

3. Религия в доктрине контрповстанческих операций

Хотя многими военными теоретиками «Боевой устав 3-24» оценивается как огромный шаг вперед, он критикуется за ряд недостатков, о чем говорилось выше. Основная часть критики указывает на чрезмерное обобщение различных форм контрповстанческой активности и разработку секулярных теорий насилия. Современная контрповстанческая доктрина игнорирует отличительные и уникальные черты конфликта, оформляемые и направляемые религией [13]. Ральф Петерс замечает, что контрповстанческая доктрина разработана для «сказочных конфликтов» и не подходит для «подпитываемого религией, направляемого этническим фактором гипернасилия» современного повстанчества [10]. По мнению Петерса, происходит игнорирование насилия, инспирированного верой, – такого, как проводимые религиозными экстремистами акты терроризма или джихад, преследующий цель восстановление Исламского халифата. Повстанчество рассматривается только как секулярная политическая активность, что является ошибкой.

Аналогичным образом Фрэнк Хоффман замечает: «Некоторые видят в религии идеологию, другие просто опускают ее как иррациональный фактор.

Третьи преуменьшают ее влияние или отмечают, что некоторые лидеры повстанцев бессовестно эксплуатируют религию в своих посланиях. Наша собственная секулярная ориентация часто затуманивает важность данного фактора в современной войне» [3]. Хоффман отмечает, что хотя в доктрине говорится о религии, в частности о религиозной идентичности и экстремизме, в ней не обсуждаются детали того, как апеллирование к сакральному или религии влияет и/или изменяет операционную среду ИВД.

Таким образом, можно сказать, что роль религии в конфликте, особенно акты религиозного насилия, рассматриваются в контрповстанческой доктрине поверхностно. Хотя доктрина упоминает религиозный экстремизм и зарождающуюся форму революционного повстанчества, приводя «Аль-Каеду» как пример новой формы глобального сопротивления, она не обсуждает роль религии в оформлении насильственных коллективных действий. Она не идентифицирует религиозное насилие как качественно различающуюся от секулярно-политической формы, не выделяет и не обсуждает в деталях духовное повстанчество как отдельную категорию.

Доктрина также не принимает во внимание различие в метриках, в частности времени, на основе которого протекает секулярно-политический и религиозный конфликт. Большинство современных регулярных конфликтов могут быть оценены в рамках жизни участников и сравнительно быстро ведут к тем или иным результатам, в то время как религиозная борьба продолжается на протяжении многих поколений. Марк Юргенсмейер замечает, что нет нужды «идти на компромисс в целях и борьбе, которая ведется в божественном времени и с обещанием небесной награды» [4]. Мирче Элиаде отмечает, что нерелигиозные акторы живут в обычном времени, в то время как религиозные через участие в сакральных событиях (священной войне) – в сакральном [2]. Для религиозных акторов актуальное линейное время несущественно, так как конечное состояние и результат будут достигнуты только по воле Бога.

Религия в контрповстанческой доктрине США рассматривается как элемент идентичности, механизм рекрута сторонников и бойцов и пр., но не как фрейм, оформляющий насильственные действия. Доктрина качественно обесценивает функцию и роль религии, отделяя ее от политического и низводя до контекста, но не сути и причины насилия. Простая идентификация и призна-

ние, что повстанческие движения придерживаются определенных религиозных верований, не является достаточным. Критически важно понять, каким образом религия инициирует, двигает и оформляет конфликт. Точка зрения и подход, которого придерживается духовное повстанчество, требует глубокого понимания религиозных мотивов, стоящих за конфликтом. Как утверждает Петерс, это может быть достигнуто только через признание и осознание «прямоты, честности и энергетической мощи веры наших врагов, которую мы должны понять в нем, чтобы затем эффективно бороться...» [10].

4. Духовное повстанчество

Идея повстанчества как фундаментально религиозного по своей природе феномена не нова, хотя Стивен Мец идентифицировал духовное повстанчество как «относительно» новую форму, сформировавшуюся после окончания Холодной войны» [9]. В статье «Будущее повстанчества» Мец аргументирует в пользу того, что духовное повстанчество является «эволюционировавшим потомком традиционной революции» [9], которое сначала стало частью, а затем заменило традиционные, базирующиеся на марксизме, революции. Различие между традиционным (секулярным) и духовным повстанчеством заключается в том, что духовное возглавляется и направляется для части повстанцев ясным однозначным поиском смысла и справедливости. Мец считает, что рядом с духовным развивается коммерческое повстанчество. В отличие от духовного, которое подчеркивает смысл и справедливость, коммерческое повстанчество характеризуется преследованием выгоды и власти. Другими словами, духовные повстанцы выбирают скорее исполнение долга, чувство справедливости и смысл, нежели удовлетворение основных материальных потребностей. Мец далее замечает, что сущностью духовного повстанчества является отрицание определенного режима или социального порядка, включая социальные, экономические и политические системы, ассоциирующиеся с ним. Рост духовного повстанчества являлся прямым результатом коллапса объединяющих идеологий Холодной войны. Неудача коммунизма и капитализма, но также различных форм паннационализма привели к духовно-политическому вакууму, который заполнили местные идеологии, базирующиеся на этничности или религии. Хотя Мец может рассматриваться как один из первых современных западных военных теоретиков, концептуализи-

ровавших духовное повстанчество в качестве отдельной категории, вместо того чтобы рассматривать его вместе с секулярными формами, концептуализация осталась во многом не разработанной. Однако он инициировал необходимый старт для дальнейшего развития концепта.

Духовные повстанческие движения являются не секулярно-политическим конструктом с незначительной религиозной размерностью. Скорее это насильственные религиозные движения, руководимые и направляемые религиозными мировоззрениями, политической теологией, выбирающие тотализацию социальной трансформации (в частности, уничтожение религиозных противников) через использование санкционированного свыше насилия. Духовное повстанчество не есть продукт деятельности традиционного религиозного института, например церкви, но теологически обоснованная и санкционированная свыше активность. Будучи относительно координируемой и управляемой, она направляется на достижение сакральных целей или задач - создание утопического общества, базирующегося на сакральном. Духовное повстанчество это не общность прихожан, то есть сформированная формальными процедурами и связанная близостью группа, собирающаяся на регулярной основе для молитвы. Скорее это слабо связанная широкая неформальная общность верующих, стремящаяся к достижению сакральных целей, обычно во главе харизматического лидера пророческого типа [7].

5. Насильственные новые религиозные движения и духовное повстанчество

В данном случае термин новые насильственные религиозные движения (*violent new religious movements*) (ННРД) будет использоваться для идентификации религиозных практик или общин верующих, которые используют или стремятся использовать насилие для достижения сакрального конечного состояния и целей [7]. В работах ряда исследователей, занимающихся проблемами религии, показывается, что духовное повстанчество может рассматриваться как форма ННРД. При этом выделяется девять тем, являющихся общими для обоих движений:

1. члены верят, что они имеют исключительный доступ к сакральному и сакральным знаниям (гнозис);
2. члены воспринимают внешний мир как нелегитимный и коррумпированный;

3. мир представляется дуалистичным по своей природе и разделенным на сакральное и профаническое и необходимо насилие для (символического) очищения мира;
4. спасение может быть достигнуто только через уничтожение зла и коррумпированного влияния и насилие является необходимым для (символического) очищения мира;
5. насилие является проявлением высшей воли и санкционировано свыше (то есть божественное, при необходимости, предполагает и разрешает использование насилия, манифестируемого в виде священной войны);
6. необходимость нового социального порядка, то есть реструктурирования общества, которое должно моделировать сакральное, обычно в форме идеализированного и мифического прошлого;
7. в обоих случаях движения формируются и обеспечиваются центральным пророческим характером;
8. участники видят себя в качестве агентов сакрального и солдатами Бога; и
9. целью движения является имплементация высшего закона (то есть политическая теология), которая руководит всем мышлением и поведением.

Духовное повстанчество как форма ННРД. Было предложено несколько типологий ННРД, однако наиболее подходящей в данном случае следует признать таксономию Роя Уоллиса и Катарины Вессингер. Уоллис выделяет три главные формы ННРД [14].

1. Движения, отрицающие мир (*world-rejecting movements*). Имеют дуалистическое мировоззрение и отрицают современный мир и существующий социальный порядок как воплощение зла, коррупции и беззакония. Отрицание может принять форму насильственных действий, таких как акты терроризма, массовые убийства, или форму изоляционизма и социального ухода.
2. Жизнеутверждающие движения (*world-affirming movements*). Рассматривают существующий социальный порядок как приемлемый, отрицают идею дуализма и стремятся решать собственные проблемы без посторонней социальной помощи.
3. Примиряющиеся с миром движения (*world-accommodating movements*). Фокусируются на внутренней религиозной жизни и достижении внутренней духовной чистоты.

Категоризация Уоллиса не является жесткой, и ряд параметров и критериев, на основании которых она осуществляется, не вполне соответствует процедуре формирования категорий, определения границ между ними и пр. Среди трех категорий только отрицающие мир движения могут рассматриваться как ННРД. Согласно Уоллису, ННРД обладают персональной или групповой концепцией сакрального, которая определяется как метафизическая реальность, знаниями и доступом к которой обладает только группа. Находящиеся вне группы не имеют доступа к сакральному.

Центральная идея концепции Уоллиса заключается в том, что ННРД рассматривают существующий социальный порядок как нелегитимный и находящийся вне сакрального. «Человечество потеряло связь с Богом и духовным, и в преследовании чисто материальных интересов добилось успеха в создании загроможденной среды, мира полного конфликтов, жадности, лицемерия и отчаяния» [14]. Уоллис замечает, что ННРД характеризуются желанием полностью разрушить существующий социальный порядок как условие рождения нового мира. Участники группы находятся в ожидании конца времен, когда революционное движение разрушит старый мир через насильственные действия и на его руинах будет создан новый, зиждущийся на сакральном. Члены ННРД не только самоидентифицируют себя как революционеры, но также как агенты сакрального, а в ряде случаев как пророки или приверженцы высшего мира. Другими словами, они являются не просто революционерами, но скорее священными революционерами, а в некоторых случаях мучениками, которых поддерживает и направляет мир сакрального [14].

Вессингер выделяет три категории ННРД:

1. Атакующие (*assaulted*). Рассматриваются обществом как опасные и обычно находятся под наблюдением органов правопорядка.
2. Ранимые (*fragile*). Страдают как от хронических внутренних факторов, вызывающих стресс, так и внешних сил, порождаемых в мейнстриме общества, которые подвергают опасности их абсолютные интересы, то есть достижение спасения.
3. Революционные. Придерживают теологии насилия и считают, что только насильственное и тотальное разрушение общества приведет к духовному спасению.

Категории Вессингер также не жесткие, и группы часто обладают атрибутами нескольких категорий [7]. Вессингер также считает, что ННРД характеризуются верой, что они участвуют в божественном плане разрушения источников зла и коррупции в обществе. Исходя из нерушимости сакрального, они имеют целью принести насилие в социополитическую среду, которую рассматривают как коррумпированную и незаконную. Цель, во имя которой разрушаются базисные институты государства и общества, – их хаос и гибель и подготовка мира к возрождению. При этом новый мир формируется как воображаемый (мифологический) старый, сакральный мир – примордиальный мир, созданный богами [14].

Дуалистическая природа мира и незаконность существующего социального порядка и мира являются также фундаментом духовного повстанчества. Духовное повстанчество, как и ННРД, бросает вызов и стремится разрушить существующий социальный порядок и восстановить связь современного мира с сакральным, чтобы воссоздать утопическое общество примордиальных сакральных времен. Дэвид Бромли (*David Bromely*) замечает: «Процесс включает отрицание, отделение от общего социального порядка и усиление внутренней солидарности и тотализма (*totalism*) коллективистской организации. Групповая жизнь интенсивно ритуализируется, а сама группа конструирует себя в качестве участника агонистической драмы космических пропорций и стремится к грядущему взаимодействию и интеграции с трансцендентальной реальностью» [1].

Цель духовного повстанчества не в отрицании материальных благ и возможностей современного мира (хотя некоторые из движений, такие как «Талибан», «Исламское государство», являются сторонниками жесткого отношения и отрицают некоторые аспекты современного мира), но наделении общины верующих (повстанцев) полномочиями по изменению существующего социально-политического порядка и созданию нового, базирующегося на традиционных концепциях цивилизации, в котором община верующих управляет самостоятельно и без внешнего влияния. Для «Аль-Каеды» и схожих исламистских движений это означает исключение конкуренции с неисламскими системами управления, внедрение шариатского права и восстановление традиционной жизни для уммы (общины верующих) [7].

Ключевым параметром, который отделяет духовное повстанчество от ННРД, является критическая масса. Здесь под критической массой понимается

связь между напряжением в обществе и организационной гравитацией, которая включает (но не ограничивается) структурную глубину, способность притягивать или приобретать ресурсы (такие, как оружие) и разделяемые намерения по использованию коллективного насилия для достижения сакральных целей. На одном уровне критическая масса оказывается связана с масштабом (то есть способностью организации иметь в своем распоряжении достаточное количество членов для эффективной организации определенной активности), на другом – это мощь, полнота, возможности и подготовленность организации.

Традиционные ННРД – это относительно небольшие организации, имеющие слабую структуру и ограниченные ресурсы для эффективного «проецирования мощи» в форме коллективного насилия против превалирующего социального порядка. Духовное повстанчество является более развитой формой, обладающей массовой поддержкой, организационной целостностью, возможностями и ресурсами, которые позволяют ему проводить широкомасштабные и длительные насильственные кампании против превалирующего социального порядка. Обе формы движений находятся в некотором общем континууме и традиционные ННРД теоретически могут стать духовным повстанчеством через аккумуляцию потенциала и достижение критической массы [7].

Таким образом, можно говорить о недооценке религии в западных контрповстанческих доктринах. Обзор исследований по религии, анализ исторических и текущих примеров религиозных конфликтов говорит в пользу того, что духовное повстанчество является скорее формой ННРД, нежели одной из форм секулярного повстанчества. Это приводит к постановке проблемы осмысления проблемного пространства, классификации религиозных конфликтов в доктринальном поле, тем самым «узаконивая» вовлечение религиозных акторов в операционную среду ИВД.

Июнь, 2015г.

Источники и литература

1. Bromley, David. G. "Social and Cultural Elements of Radical Organizations," in T. Robbins and S. Palmer (Eds.) *Millennium, Messiahs, and Mayhem: Contemporary Apocalyptic Movements*. London: Routledge 1997, pp. 31-46.
2. Eliade, Mircea. *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion*. W.R. Trask, trans., San Diego, CA: Harvest/HBJ. 1987.
3. Hoffman, Frank G. Neo-Classical Counterinsurgency, *Parameters*, Vol. 37, No. 2, Summer 2007, pp. 71-87.

- http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/articles/07summer/hoffman.htm.
4. *Juergensmeyer, Mark*. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. Berkeley: University of California Press, 2000. Цит. по Lauder, *Religion and Resistance*, p. 7.
5. *Kilcullen, David*. "Religion and Insurgency," *Small Wars Journal*, May 2007. <http://smallwarsjournal.com/blog/religion-and-insurgency>.
6. *Kilcullen, David*. "Countering Global Insurgency," *Small Wars Journal*, 2004; Kilcullen, *Religion and Insurgency*.
7. *Lauder, Matthew A*. Religion and Resistance: Examining the Role of Religion in Irregular Warfare. Defence R&D, Canada, Toronto, March 2009, p. 4. <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a501625.pdf>.
8. *Lilla, M*. The Stillborn God: Religion, Politics, and the Modern West. New York: Alfred A Knoff, 2007.
9. *Metz, Steven*. The Future of Insurgency. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 1996, 10 December 1993, pp. 6-7. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=344>.
10. *Peters*, Politically Correct War.
11. *Peters, Ralph*. "Politically Correct War: US Military Leaders Deny Reality," *The New York Post*, 18 October 2006. http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/1012/pete/peters_pcwar.html.
12. *Riesebrodt, Martin*. Pious Passion: The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran. D. Reneau, trans, Berkeley: University of California Press, 1993.
13. *Rubenstein, Richard E*. Alchemists of Revolution: Terrorism in the Modern World. NYK: Basic Books, 1987.
14. U.S. Department of the Army. *Field Manual (FM) FM 3-24 and MCWP 3-33.5 Counterinsurgency*. Washington, D.C.: Department of the Army, 2012.
15. *Wallis, Roy*. "Three Types of New Religious Movements," in L. Dawson (Ed.) *Cults in Context: Readings in the Study of New Religious Movements*. Toronto: Canadian Scholars' Press, 1996, pp. 39-72.
16. *Wallis, Roy*. "Three Types of New Religious Movements," in L. Dawson (Ed.) *Cults in Context: Readings in the Study of New Religious Movements*. Toronto: Canadian Scholars' Press, 1996, pp. 39-72.
17. *Wellman, James K. Jr*. "Religion and Violence: Past, Present, and Future," in Wellman, James K. Jr (Ed.). *Belief and Bloodshed: Religion and Violence Across Time and Tradition*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2007. Цит. по Lauder, *Religion and Resistance*, p. 10.
18. *Wessinger, Catherine L*. How the Millennium Comes Violently: From Jonestown to Heaven's Gate. NY: Seven Bridges Press, 2000.

ԿՐՈՆՆ ԻՌԵԳՈՒԼՅԱՐ ՊԱՏԵՐԱԶՄՆԵՐԻ ՕՊԵՐԱՅԻՈՆ ՄԻՋԱՎԱՅՐՈՒՄ

Հրաչյա Արզումանյան

Ամփոփագիր

Հոդվածի նպատակն է վերիմաստավորել կրոնի դերն իռեգուլյար ռազմական գործողությունների և իռեգուլյար պատերազմների միջավայրում, մասնավորապես՝ ԱՄՆ հակաապստամբական հայեցակարգում: Հայեցակարգը որակապես արժեգրվում է կրոնի դերն ու գործառույթը և առանձին կատեգորիայով չի առանձնացնում հոգևոր ապստամբությունը՝ որպես սեկուլյար-քաղաքական ձևից որակապես տարբերվող

երևույթ: Նման մոտեցումը հետևանք է Արևմուտքում կրոնական և քաղաքական ոլորտների բաժանման: Կրոնական հակամարտությունների պատմական և ընթացիկ օրինակների վերլուծությունը թույլ է տալիս խոսել այն մասին, որ հոգևոր ապստամբական շարժումները ոչ թե սեկուլյար-քաղաքական կոնստրուկտ են, այլ նոր բնի կրոնական շարժումներ, որոնք օգտագործում կամ փորձում են օգտագործել բռնությունը նվիրական նպատակին հասնելու համար: Կարելի է խոսել արևմտյան հակաապստամբական հայեցակարգերում կրոնի թերագնահատման մասին, ինչը խնդրի վերանայման անհրաժեշտություն է առաջացնում հայեցակարգային դաշտում:

РЕЛИГИЯ В ОПЕРАЦИОННОЙ СРЕДЕ ИРРЕГУЛЯРНЫХ ВОЙН

Рачья Арзуманян

Резюме

Целью статьи является переосмысление роли религии в операционной среде иррегулярных военных действий и иррегулярных войнах и, в частности, в контрповстанческой доктрине США. Доктрина качественно обесценивает функцию и роль религии и не выделяет в отдельную категорию духовное повстанчество как качественно различающуюся от секулярно-политической форму. Такой подход является следствием разделения сферы религиозного и политического на Западе. Анализ исторических и текущих примеров религиозных конфликтов позволяет говорить о том, что духовные повстанческие движения являются не секулярно-политическим конструктом, а новыми насильственными религиозными движениями, использующими или стремящимися использовать насилие для достижения сакрального конечного состояния и целей. Можно говорить о недооценке религии в западных контрповстанческих доктринах, что приводит к постановке проблемы осмысления проблемного пространства и классификации религиозных конфликтов в доктринальном поле.

RELIGION IN THE OPERATIONAL ENVIRONMENT OF IRREGULAR WARS

Hrachya Arzumanyan

Resume

The article aims at reconceptualization of the role of religion in operational environment of irregular military operations and asymmetric warfare, in particular, the counter-insurgency doctrine of the USA. The doctrine qualitatively devaluates the function and role of religion and does not distinguish the spiritual insurgency as qualitatively distinct from the secular/political form. This approach is caused by separation of religious and political domains in the West. The analysis of historical and current conflicts shows that spiritual insurgency movements are not secular/political constructs, but rather, they are new violent religious movements that use or try to use violence for achieving some sacred goals or end-state. The Western counter-insurgency doctrines appear to underestimate the role of religion, which leads to problems in recognizing the range and classification of religious conflicts in doctrinal terms.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

*Гагик Тертеров**

Ключевые слова: информационные войны и операции, информационная безопасность, нарко-инфовойны, наркотрафик, стратегемы

Информационные войны и операции, их значение в современной политике и в других сферах жизнедеятельности сегодня стали предметом широких обсуждений. Однако иногда складывается впечатление, что суть подобных войн представляется и трактуется несколько упрощенно, что в свою очередь затрудняет решение более чем сложных задач по обеспечению информационной безопасности. Для более адекватного восприятия современных «информационных реалий» полезно знать как эволюцию, так и современное состояние этого вопроса. Поэтому сначала совершим краткий исторический экскурс, а потом сжато рассмотрим современные представления об информационных операциях и войнах.

Операция «Троянский конь»: современная версия

В качестве классического примера информационной операции, проведенной в далеком историческом прошлом, зачастую упоминается разработанный и реализованный Одиссеем план захвата Трои (XII век д.н.э.). Это событие, как правило, представляется как операция по дезинформации (обману) противника, не более того. Однако более обстоятельный анализ позволяет вскрыть глубину замысла и высокий уровень стратегического мышления греков в ту далекую пору.

Как описывает Гомер (VIII век д.н.э.) в своей гениальной эпической поэме «Илиада», греки около десяти лет осаждали Трою, однако захватить город не удавалось. Их усилия, возможно, прошли бы даром, если бы Одиссей не предложил остроумную идею. По его замыслу греки соорудили огромного де-

¹ На основе лекции, прочитанной во время «Нораванковских чтений» 22.05.2015.

* Эксперт.

ревянного коня (известный нам «тroyанский конь»), в котором поместили отборный отряд греческих воинов. Затем войско ахейан собрало палатки, загрузило корабли и покинуло морское побережье, но направилось не в Грецию, а к одному из ближайших к Трое островов, оставив на берегу «деревянного коня».

Простодушные тroyанцы, обрадовавшиеся «побегом» греков, начали с интересом изучать деревянного скакуна, не понимая его смысла и цели. Т.е. в *дезинформационной операции* Одиссея важное место занимал известный эффект *психологического воздействия*, когда непонимание того или иного явления, как правило, смущает, дезориентирует людей и побуждает их к необдуманным шагам: подобные проявления мы наблюдаем и сегодня. Именно в этот момент начинается вторая фаза операции: приступает к выполнению своего задания тайный агент Одиссея в Илионе Синон. Он начинает «помогать» тroyанцам разобраться в обстановке, убеждая их, что «тroyанский конь» – подарок богини Афины, и поэтому надо снести крепостную стену, ввести «коня» в Трою и хранить как святыню. По всем признакам Синона следует считать первым письменно запрототолированным *«агентом влияния»* и *«агентом-агитатором»* одновременно: ведь ему удалось своим красноречием повлиять на процесс «принятия решений». Очевидно, что без усилий Синона греческий план вряд ли осуществился бы. Однако это было еще не все.

Против переноса «деревянного коня» в Трою резко выступил жрец Лаокоон, заявивший, что это – очередное коварство греков, которое принесет городу большое несчастье. Иными словами, мудрый жрец, который к тому же обладал способностями предвидения, пытался отстаивать интересы Трои и проводить *контрагитацию* против Синона. Может, слова Лаокоона имели бы воздействие, если бы в тот момент из моря не выползли бы две огромные змеи и не задушили жреца и его сыновей (по другой, более жестокой версии, змеи убили только его сыновей, чтобы Лаокоон всю жизнь продолжал скорбеть об их смерти и сожалеть о содеянном). Не вызывает сомнений, что история со змеями – мифологическая аллегория. В реальности, скорее всего, хитроумный Одиссей предвосхитил события и, помимо тайных агентов вроде Синона, сформировал в Трое еще и «специальную агентурную группу», в задачу которой входила нейтрализация оппонентов Синона. С заданием они справились и каким-то способом ликвидировали Лаокоона. Таким образом, наглядно иллюстрируется та

истина, что хорошо организованным *«агентам влияния»* часто удается нейтрализовать тех, кто защищает свои *«национальные интересы»*. Внезапная смерть Лаокоона послужила решающим аргументом для троянцев, чтобы те приняли предложение Синона: стены города разрушаются и деревянный конь размещается в городе.

Остальное уже, как принято говорить, было делом техники. Ночью вооруженные греки вышли из «троянского коня», убили праздновавших свою «победу» и поэтому, скорее всего, не очень трезвых троянских стражей. Скрывавшееся же на ближайшем острове греческое войско, получив условный знак, поспешило в Трою. Дальнейшее, пожалуй, в особых комментариях не нуждается.

Однако нельзя исключить и вероятность того, что «деревянный конь» – плод художественной фантазии Гомера. Возможно, что великий грек тем самым просто увлекательно изложил применяемую в ту пору стратегию завоевания укрепленных городов посредством многоходовых, в том числе и информационно-психологических операций. Впрочем, в любом случае Троянская операция – классический пример реализации «стратагемы», что означает хитроумный план, оригинальный путь к достижению военных или политических целей. С тех пор прошло более 30 веков, однако разработанный Одиссеем агентурно-информационный метод и сегодня в тех или иных модификациях применяется на политическом и военном поприще.

Искусство стратагем в Европе в дальнейшем была развито как в Греции, так и в Римской империи (известен труд Секста Юлия Фронтин *«Стратагемы»*). На Востоке особое внимание этой сфере уделили китайцы, и наиболее систематизированные каноны не прямых действий были изложены в труде китайского стратега и философа Сунь Цзы (VI век д.н.э.) *«Трактат о военном искусстве»* (см., например, [1, 2]).

Если попытаться обобщить концепцию Сунь Цзы, то приоритетными в борьбе с врагом являются косвенные, зачастую сугубо информационные действия, посредством которых нужно добиться «разрушения всего хорошего, что есть у врага, втянуть его выдающихся представителей в преступные действия, сделать их посмешищем перед обществом, использовать для сотрудничества самых отвратительных личностей». Примечательно, что одно из основных положений концепции Сунь Цзы – «создай у противника беспорядок и хаос, и ты

победишь его» – сегодня положено в основу разработанной для Пентагона американской корпорацией *RAND* концепции информационных войн так называемого второго поколения (см. далее).

Информационные операции в той или иной форме применялись практически во всех войнах, которые вело человечество. Более того, в начале XX века, во время Первой мировой войны, были созданы специальные государственные структуры, которые занимались именно разработкой и реализацией подобных операций. К примеру, в Великобритании было создано Министерство информации под руководством лорда Бивербрука, в задачи которого входило проведение активной агитационной и пропагандистской работы против стран – противников Антанты. Это министерство широко использовало дезинформационные операции в контексте общей политики Британской империи и стало прототипом «Министерства Правды» в культовом романе-антиутопии гениального английского писателя Джорджа Оруэлла «1984». Как известно, «Министерство Правды» функционировала под лозунгом «Правда – это ложь». Примечательно, что Оруэлл предсказал также появление компьютеров, с помощью которых сотрудники «Министерства Правды» периодически редактировали историю, исходя из логики новых политических событий. Отметим, что англосаксы с присущим им бережным отношением к интеллектуальному капиталу и традициям сохранили и развили методы информационно-психологического воздействия. Они сегодня занимают лидирующее положение в мире.

Другой мощной структурой для ведения информационных войн стал созданный еще 1920г. большевиками Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) – «агитпроп», который в дальнейшем функционировал под разными названиями. Однако этот орган со временем потерял свой революционный пыл, впал в догматизм и изрядно деградировал, поэтому проиграл Холодную войну и бесславно кончил свои дни с распадом СССР. Отметим также информационную структуру Третьего рейха во главе с рейхсминистром «народного просвещения и пропаганды» Йозефом Геббельсом. Следует признать, что министерству удалось в начальный период мобилизовать население Германии вокруг идей национал-социализма. Однако, как известно, они также кончили свои дни весьма плачевно. Но вернемся в нашу эпоху.

Эволюция современных информационных войн

Современное содержание и терминология информационных операций начали формироваться в 1991г. [3]. В 1998г. уже была разработана «Объединенная доктрина информационных операций» Министерства обороны США. В этом документе, в основу которого были положены разработки «мозгового центра» – корпорации *RAND*, представлены, в частности, следующие определения понятий «информационная операция» и «информационная война»:

- информационная операция – действия, предпринимаемые с целью затруднить сбор, обработку, передачу и хранение информации информационными системами противника при защите собственной информации и информационных систем.
- информационная война – комплексное воздействие на систему государственного управления противостоящей стороны и ее военно-политическое руководство, которое уже в мирное время может привести к принятию благоприятных для ведущей информационную войну страны решений, а в ходе вооруженного конфликта способно полностью парализовать функционирование управленческой инфраструктуры противника.

Из приведенной формулировки следует, что инфовойна – это реализация инфогенных угроз технического и духовно-психологического типа. Разработки в данном направлении продолжаются, и в настоящее время в практическую плоскость переместилась концепция информационных войн «второго поколения». И если война первого поколения рассматривается как некий важный компонент наряду с традиционными средствами, то во втором поколении она приобретает полностью самостоятельное значение. Среди задач, которые предполагается решать с помощью информационных войн этого типа, выделим следующие:

- формирование атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника;
- манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны с целью создания политической напряженности и хаоса;
- распространение недоверия и подозрительности, обострение политической борьбы между партиями, провокация взаимоуничтожения;

- нанесение ущерба жизненно важным интересам нации и государства в политической, экономической, оборонной и других сферах.

Нетрудно заметить, что некоторые положения информационных войн этого поколения напоминают «Стратегемы» Сунь Цзы. Известно также, что методология инфовойн широко применяется в «цветных» революция, когда, не прибегая к боевым действиям, воздействующая сторона решает стоящие перед ней политические или идеологические задачи. Следует подчеркнуть, что при наличии мощных и неконтролируемых информационных потоков, (которые также создают виртуальный «хаос» в сознании общества (см. например, [4])) практически невозможно запрещающими (или только запрещающими) методами противостоять инфогенным угрозам. Эффективное противодействие возможно исключительно при наличии критической массы интеллектуально-духовных ресурсов у данного общества и умения оптимально использовать эти ресурсы также в контексте информационной безопасности. Другими словами, революции возможны лишь в странах с дефицитом интеллектуальных ресурсов и неэффективной системой идеологического и социально – экономического управления.

Вместе с тем в 21-ом веке теория и практика «стратегам» развиваются стремительно и сегодня в мире появились информационные войны уже третьего поколения.

Самофинансируемые нарко-психологические войны против внутреннего врага

Шагают бараны в ряд, бьют барабаны,
Кожу для них дают сами бараны.
Бертольд Брехт (1898-1956).

Информационные операции направлены против внешнего врага, и их основная цель – нарушить адекватное восприятие действительности и тем самым заставить противника совершить действия, которые направленные против собственных же интересов. Известно, что к такому же примерно результату могут привести не только вербальное или психологическое воздействие, но и психотронное¹. Другим средством подобного рода являются наркотики, и в

¹ Прокофьев В.Ф., Проблема психотронного оружия и психотронной войны
<http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/348/1965>.

этом контексте весьма поучительны «опиумные войны» Британии против Китая в 19-м веке. Некоторые интерпретируют эти войны как торговый конфликт: мол, британцы тем самым хотели лишь компенсировать свой импорт из Китая поставками опиума. Но более вдумчивые исследователи указывают, что «вскрытие» китайского рынка для поставок наркотиков (чему сопротивлялись китайские императоры) преследовало задачу «оболванить и разложить» склонных к потреблению наркотиков чиновников и китайское общество в целом. А стратегической целью являлась политическое подчинение Китая. Британский дипломат – современник опиумных войн, высказался в том духе, что «пока Китай остается нацией наркоманов, нам не стоит бояться того, что эта страна превратится в серьезную военную державу». Отличительной чертой опиумных войн было и то, что военно-экономическая кампания против Китая во многом поддерживалась за счет тех же поставок наркотика, т.е. в определенном смысле война была «самофинансируемой». В более упрощенной форме такая колониальная политика провалялась при продаже «огненной воды» аборигенам.

Известно, что подобные методы и сегодня применяются против геополитических конкурентов. По данным Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, после ввода американских войск в Афганистан производство опийного мака увеличилось почти в 40 раз¹. Основными направлениями наркотрафика стали Центральная Азия и Россия. Согласно целому ряду публикаций, контрабандным операциям способствуют американские спецслужбы.

Но в последнее время в западных обществах обнаружили, что, кроме внешних, существуют и «внутренние» враги. Данное «открытие» связана со следующими обстоятельствами: сегодня мир находится на пороге революционных перемен, и это не только формирование мультиполярного миропорядка. По мнению целого ряда крупных социологов, политологов и философов, сегодня наступает кризис в капиталистической системе в целом и ее недалекое будущее в большинстве сценариев оптимизма не внушает (см., например, [5]). Естественно и то, что плачевные результаты реализации этих трендов достаточно адекватно воспринимает и здравомыслящая часть западного общества, которая в условиях абсолютизации ценностей потребительского общества и информа-

¹ Любость Люлько, Как США посадили Россию на героин, <http://topwar.ru/36131-kak-ssha-posadili-rossiyu-na-geroin.html>.

ционного тоталитаризма, начинает остро реагировать на ухудшающую ситуацию. В результате ширятся протестные движения и другие проявления недовольства, что не может не тревожить власть предержащих. Однако даже сильно девальвированные «постдемократические» нормы приличия не позволяют открыто репрессировать протестантов. Вместе с этим терпеть «выходки внутренних врагов» стало просто невозможно. Есть все основания полагать, что для борьбы с инакомыслием стали применять и наркотики: ведь люди под их влиянием переносятся в другую реальность, где меньше проблем и больше приятных ощущений. Заметим, что еще ранее на возможность изменения вектора развития общества посредством биофармакологических технологий указывал и Френсис Фукуяма [6].

В контексте всего этого обращает на себя внимание тот факт, что в последние годы происходит повсеместная легализация продажи «легких наркотиков» как в Европе, так и в США (соответствующие законы приняты уже в более чем 20 штатах). Между тем еще в 1937г. употребление марихуаны в этой стране было запрещено федеральным правительством. Заметим, что наркотики идут как бы «вдобавок» (своего рода десерт) к постоянному информационному «промыванию» мозгов, а перед таким синергетическим натиском устоять весьма трудно. Подобный метод борьбы с инакомыслием следует признать весьма эффективным, и «передовой» инфонаркотический опыт предполагается распространить и на другие страны. По мнению миллиардера Ричарда Брэнсона, весьма перспективной в этом смысле выглядит Украина¹.

Известно, что ведение информационных войн является весьма дорогим и ресурсозатратным. Между тем, как и в случае «опиумных войн» против Китая, нарко-инфовойны нового типа (возможно, их следует отнести уже к третьему поколению) также являются самофинансируемыми и приносят большие прибыли. Известно, что мировой наркотрафик оценивается в сумму более чем \$0.8 трлн. ежегодно, т.е. сопоставим с рынком оборота нефти. Подсчитано также, что если произойдет легализации марихуаны во всех штатах Америки, то «уже в ближайшие годы общая рыночная стоимость индустрии марихуаны достигнет \$36,8 млрд., превысив на \$3 млрд. объем рынка органической пищевой

¹ <http://mir24.tv/news/society/12510260>.

промышленности»¹. Как видим, сегодня, как и во времена «опиумных войн», интересы политиков и наркоторговцев полностью совпадают.

Июнь, 2015г.

Источники и литература

1. Китайская военная стратегия (*составитель – В.В.Малявина*), – М.: Изд-во АСТ, 2002.
2. *Харро фон Зенгер*, Стратегемы, т.1-2. – М.: Изд-во Эксмо, 2004.
3. *Сергей Гриняев*, «Поле битвы – киберпространство», – Минск, 2004.
4. *Андрей Быстрицкий*, «Возрождение вида: «Гражданская журналистика против «профессиональной»: кто и как влияет на самосознание общества». Власть, # 19(1124), с. 26, 2015.
5. *Иммануил Валлерстайн, Рэндалл Коллинз, Майкл Манн, Георгий Дерлугьян, Крэйг Калхун*, Есть ли будущее у капитализма? – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
6. *Фрэнсис Фукуяма*, Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М.: Изд-во АСТ, 2008.

ՏԵՂԵԿԱՏՎԱԿԱՆ ԳՈՐԾՈՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ. ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆ ԵՎ ԱՐԴԻԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Գազիկ Տերտերով

Ամփոփագիր

Հոդվածում դիտարկվում են տեղեկատվական իրողությունների էվոյուցիան և արդի իրավիճակն այդ ոլորտում: Տեղեկատվական պատերազմները և գործողությունները, դրանց նշանակությունն արդի քաղաքականությունում և կենսագործունեության այլ ոլորտներում այսօր դարձել են լայն քննարկումների առարկա: Սակայն հաճախ նման պատերազմների էությունն ընկալվում և մեկնաբանվում է փոքր-ինչ պարզեցված, ինչն իր հերթին դժվարացնում է տեղեկատվական անվտանգության ապահովման ավելի քան բարդ խնդիրների լուծումը: Այնինչ այսօր ձևավորվում է տեղեկատվական պատերազմների նոր տեսակ, որոնք պահանջում են բազմակողմանի և մանրակրկիտ ուսումնասիրություն:

¹ *Валерий Куликов*, США и наркотики,
<http://ru.journal-neo.org/2015/05/10/devil-s-weed-is-getting-legal-in-the-us/>.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Гагик Тертеров

Резюме

В статье рассматривается эволюция информационных реалий и нынешняя ситуация в этой сфере. Информационные войны и операции, их значение в современной политике и в других сферах жизнедеятельности сегодня стали предметом широких обсуждений. Однако иногда складывается впечатление, что суть подобных войн представляется и трактуется несколько упрощенно, что в свою очередь затрудняет решения более чем сложных задач по обеспечению информационной безопасности. Между тем сегодня формируется новый тип информационных войн, которые требуют разностороннего и тщательного исследования.

INFORMATION OPERATIONS: HISTORY AND MODERNITY

Gagik Terterov

Resume

The article reviews the evolution of information realities and their current situation. The information wars and operations, their significance in modern politics and other areas have become subjects for extensive discussions. However, the essence of such wars is often perceived and interpreted in somewhat simplified manner, which in turn makes it difficult to resolve extremely complicated problems of information security. Meanwhile, a new kind of information warfare is emerging, which requires comprehensive and thorough study.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ТЕРРОРИЗМА

*Светлана Ануфриенко**

Ключевые слова: средства массовой информации, коммуникационная стратегия терроризма, цели террористов, современный терроризм, классический терроризм

Терроризм принадлежит к числу наиболее опасных и труднопрогнозируемых явлений современного мира. На рубеже XX и XXI веков международное сообщество столкнулось с резким возрастанием угрозы терроризма. Его идеология стала проявляться особенно отчетливо, а действия стали приобретать все более жестокие и изощренные формы.

Тема терроризма в средствах массовой информации (СМИ) всегда привлекает максимальное внимание общественности, поскольку это явление потенциально угрожает жизни каждого гражданина, независимо от его социального статуса, религии, национальности и т.д. Следовательно, СМИ играют важную роль в формировании знаний о данном феномене и связанных с ним событиях. Они способны выступать как мощным инструментом борьбы с терроризмом, так и служить свободной площадкой для представления идеологии терроризма.

Современный терроризм для достижений своих целей крайне нуждается в коммуникационном сопровождении. Исследования Г.Вейманна [1, pp. 99-102] и Р.Даулинга [2, pp. 12-24] показывают, что террористы тщательно подбирают место в процессе планирования и разработки теракта, учитывая потребности СМИ в пространстве и выразительной окружающей обстановке для получения ярких фотографий и телерепортажей. При подготовке террористической операции существенное внимание уделяется также времени выхода крупных национальных газет и новостных телепрограмм в эфир для получения максимального общественного отклика в минимальные сроки. Эксперт по терроризму Дж.Белл охарактеризовал сознательные усилия террористов в исполь-

* ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет».

зовании СМИ следующей меткой фразой: «Абдул, не стреляй! Мы не в прайм-тайме!» [3, р. 48].

Многие исследователи характеризуют взаимодействие СМИ и терроризма как «отношения лучших друзей», называя их неразлучными «родственными душами». Например, М.Кампхейзен и Е.Виссерс говорят о существовании симбиотических отношений между террористами и СМИ [4, р. 22]. С.Люмбаго и М.Грей полагают, что освещение в СМИ темы терроризма способствует активизации террористической деятельности [5, р. 45]. Бывшему премьер-министру Великобритании М.Тэтчер принадлежит известное высказывание о СМИ как «о поставщике кислорода, без которого террористы не смогли бы выжить» [6]. В случае лишения террористов доступа к СМИ исследователи прогнозируют существенное сокращение количества атак с их стороны и деструктивного влияния на общество. На взгляд С.Хиршмана, терроризм представляет собой стратегию «слабых против сильных», успешная реализация которой зависит от освещения в СМИ [7, с. 27]. Г.Почепцов сравнивает симбиоз СМИ и терроризма с «сиамскими близнецами», равнозначно рассматривая в качестве военного действия как сам теракт, так и его подробное освещение в средствах массовой информации [8, с. 119, 164]. По его мнению, терроризм покоится на существенной информационной составляющей и напрямую зависит от инструментария СМИ, которые являются полем для достижения целей террористов.

Центральная идея всех этих точек зрения состоит в том, что резонанс от террористических акций является обязательным компонентом каждого теракта. Без подробного освещения в средствах массовой информации он теряет всякий смысл. СМИ помогают террористам в постановке «драматического спектакля», фокусируя свое внимание в первую очередь на эмоционально-окрашенных моментах трагедии, которые вызывают всеобщую атмосферу страха и личной незащищенности. В случае лишения террористов доступа к СМИ исследователи прогнозируют существенное сокращение количества атак с их стороны и деструктивного влияния на общество.

Следует отметить, СМИ сравнительно недавно превратились в неотъемлемый элемент коммуникативной политической деятельности терроризма. Зарождение своеобразных отношений между ними А.Шмид объясняет развитием новых способов передачи информации, в частности, изобретением телеграфа

[9, р. 541]. По его мнению, терроризм и СМИ всегда развивались параллельно. Если известие о теракте в XIX веке могло стать достоянием общественности только через несколько дней или недель – в зависимости от расстояния, то в конце XX века время на передачу сообщений исчислялось уже в минутах, что способствовало активизации террористической деятельности.

Б.Хоффман связывает появление повышенного интереса террористов к СМИ с двумя значимыми технологическими событиями – возможностью широко использовать электрическую энергию в типографском производстве и вести регулярное спутниковое телевидение [10, pp. 136-137]. Первая информационная революция в 1870-х гг. позволила облегчить и усовершенствовать типографский процесс, сократить затраты на печать и, самое главное, дала возможность средствам массовой информации распространять свои сообщения с большей оперативностью, чем ранее. Именно с этого периода начинается взаимодействие СМИ и терроризма. Так, в царской России уже в конце XIX века революционная организация «Народная воля», применявшая стратегию «пропаганды действием» посредством убийства высокопоставленных государственных лиц, использовала печатные СМИ в качестве средства распространения своих идей в массы.

Второй информационный прорыв в конце 60-х – начале 70-х годов XX века связан не только с возникновением спутникового телевидения, но и с изобретением видеозаписи и компактного переносного оборудования, что позволило осуществлять радио- и телетрансляции непосредственно с места события на огромные территории в режиме реального времени. Одним из первых терактов, вызвавших международный резонанс, был захват и убийство спортивной команды Израиля на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972г. Невиданный охват аудитории и мгновенная скорость передачи новостей в полной мере продемонстрировали эффективность СМИ как канала по передаче информации о террористах и их политических целях. Кроме того, выяснилось, что виртуальная реальность имеет более сильное воздействие на аудиторию, чем сам факт произошедшего теракта.

Это трагическое событие в равной степени повлияло как на тематическое содержание новостей и их верстку, так и на схему проведения террористических акций, организаторы которых стали непременно учитывать элементы зре-

личности и драмы. По мнению Д.Рапопорта, СМИ доказали, что «они необходимы терроризму так же, как и оружие» [11, р. 33]. Б.Хоффман придает также немаловажное значение в стимулировании взаимодействия СМИ и терроризма появлению в начале 1990-х годов круглосуточных новостных телеканалов, таких, как *CNN*, *BBC*, *Fox News* и др. [10, pp. 150-151].

Представляется целесообразным добавить еще одно значительное событие, ознаменовавшее новый этап технологического развития в области массовой информации – всемирное распространение в конце XX – начале XXI вв. Интернета. Как справедливо подчеркивает Г.Вейманн, Интернет является идеальной площадкой для деятельности террористических организаций, так как характеризуется легким доступом, анонимностью коммуникации, быстрым обменом информацией [12, pp. 99-100].

В настоящее время многие крупные террористические группировки располагают электронными сайтами в Интернете, используя их как мощное дезинформационное и пропагандистское средство. Некоторые террористические организации имеют представителей по связям с общественностью, в обязанности которых входит изучение потенциала и функционирования разных типов СМИ в кризисной ситуации. В случае захвата заложников террористы детально продумывают коммуникационную стратегию, создавая максимум информационных поводов для устойчивого появления новых сообщений о теракте в СМИ. Основными способами достижения этой цели могут выступать неясные требования террористов, постоянная смена заявлений, приглашение на переговоры известных людей, политиков, журналистов, что обеспечивает устойчивый интерес аудитории и нагнетает напряжение.

Например, «ИГИЛ» широко использует все известные современные информационные ресурсы. Как точно подмечает В.Платов, хотя ИГИЛ и заявляет о намерении создать исламское государство средневекового типа, эта террористическая организация не гнушается применять современные инструменты информационных коммуникаций и передовые маркетинговые стратегии» [13]. В качестве основной медиа-площадки ИГИЛ выступает *Youtube*. Также для распространения своих идей и вербовки сторонников террористическая организация использует социальные сети – в первую очередь, *Facebook* и *Twitter*. Доказательством того, что вышеуказанное формирование уделяет зна-

чительное внимание информационному воздействию на массовую аудиторию, является функционирование целого ряда профессиональных медийных структур (медиа-агентство «Аль-Фуркан», медиа-фонд «Айнад», медиа-агентство «Итисаам», медиа-центр «Аль-Хайят»), созданных ИГИЛ для реализации своих преступных целей.

Заинтересованность террористов в средствах массовой информации обусловлена целым рядом факторов, которые складываются из целей и методов ведения террористической деятельности. Однако их изучение невозможно без понимания сущностных характеристик самого понятия «терроризм» в современной его интерпретации. Необходимо подчеркнуть, что на данный момент в научном сообществе не существует общепринятого, разделяемого большинством исследователей, мнения по поводу трактовки этого термина. Существенным препятствием является акцентирование внимания политологов, правоведов, психологов, философов и других ученых на его разных аспектах.

Известный американский терролог У.Лакер объясняет трудности интерпретации терроризма его основными составляющими – внезапностью, скандальностью и вопиющей жестокостью. По мнению ученого, исчерпывающего определения понятия «терроризм» не существует и в ближайшем будущем не предвидится, что, однако, не мешает изучению самого явления [15, pp. 79-80]. У.Лакер предлагает взять за основу дефиницию, рассматривающую терроризм как нелегитимное использование силы для реализации политических целей путем угрозы невинным людям. Это определение признается целым рядом отечественных и западных исследователей.

Некоторые ученые разделяют позицию У.Лакера, полагая, что попытки выйти за рамки лаконичного определения будут непродуктивны из-за глубокой внутренней противоречивости объекта исследования. В свою очередь, целый ряд других исследователей критикуют точку зрения об отрицании самой возможности выработать универсальное определение терроризма, что может, по их мнению, привести к обскурантизму и ложным выводам [15, p. 329]. Они приходят к заключению, что формулировка У.Лакера не имеет аналитической ценности из-за ее расплывчатости, которая допускает свободную интерпретацию термина и его распространение на другие формы вооруженной борьбы.

Несмотря на многочисленные дефиниции, предлагаемые разными исследователями, можно проследить единую линию в выделении ключевых элементов терроризма. А.Шмидт и А.Юнгман, проанализировав 109 определений терроризма, выявили наиболее часто встречающиеся его характеристики: 1) насилие (83,5%); 2) политика (65%); 3) страх (51%); 4) угроза (51%); 5) воздействие на психологическое состояние (41,5%); 6) выбор целей и жертв (37,5%); 7) спланированная в международном масштабе и системно организованная деятельность (32%); 8) методы ведения боя, тактика, стратегия (30,5%) [16, р. 15]. По нашему мнению, некоторые из перечисленных компонентов тесно переплетаются между собой, т.е. вытекают один из другого («страх», «насилие», «угроза») или являются понятиями одного уровня («методы ведения боя», «системно организованная деятельность», «воздействие на психологическое состояние»), а значит, могут подлежать объединению.

Сущностные черты терроризма, наиболее часто отмечаемые многими исследователями, отчетливо проявляются в целях, объекте, способе и нелегитимности насильственных действий, а именно: 1) наличии политических мотивов; 2) использовании силы преимущественно против невооруженных лиц; 3) достижении целей посредством создания атмосферы страха; 4) негосударственным применении насилия.

Обобщение этих признаков позволяет выработать определение терроризма, который, на наш взгляд, представляет собой стратегию и тактику действий, основанных на систематическом преднамеренном запугивании населения со стороны негосударственных акторов посредством разрушения собственности, физического уничтожения или нанесения морального ущерба, направленных преимущественно против гражданских объектов и используемых как механизм давления на органы государственной власти для достижения политических и иных целей [17, р. 63].

Однако, вне зависимости от широкого спектра точек зрения по поводу определения терроризма, большинство ученых придают особое значение его насильственной коммуникационной деятельности, в результате которой невольными участниками теракта кроме самих террористов становятся еще две стороны – жертвы и аудитория. Так, С.Комбс называет терроризм синтезом

войны и театра, драматизирующим насилие, которое разыгрывается на глазах у аудитории с целью вызвать страх [18, р. 8].

По мнению Ф.Хакера, террористы, стремясь к признанию и легитимности их действий, играют с аудиторией и для аудитории и в то же время нуждаются в ее участии [19, р. 34]. Данный автор рассматривает терроризм как своеобразный способ общения с обществом, который может быть осуществим только при участии СМИ. Отталкиваясь от известной модели коммуникации Г.Лассуэлла – Кто? Что? По какому каналу? Кому? С каким эффектом? – он предлагает свою коммуникационную модель, вписывающуюся в контекст терроризма: терроризм (отправитель) → сообщение (сообщение) → насилие (канал) → жертва (получатель) → СМИ (канал) → общественность (получатель) → эффект (цель) [20]. Согласно этой схеме, терроризм имеет целью более широкую зону поражения, чем непосредственные жертвы, а передача насилия через СМИ усиливает эффект от террористического действия.

На политическом уровне также не удастся достичь согласия в формулировании универсального международно-правового определения терроризма. Многие ученые объясняют неспособность политиков прийти к консенсусу по этому вопросу не техническими, а политическими причинами, поскольку отсутствие общепринятой трактовки терроризма препятствует созданию эффективной автоматической системы экстрадиции террористов. С одной стороны, это позволяет им укрываться в странах, не подписавших соответствующие конвенции, с другой стороны, дает возможность государствам в случае отстаивания своих политических интересов обосновывать отказ в выдаче преступников статьями документов, содержащими протекционистские оговорки и двусмысленности.

Объяснение данного явления следует искать также и в геополитической плоскости. Во многих современных западных исследованиях утверждается, что в результате изменения баланса сил после Холодной войны появились государства четырех типов: стержневые – благополучные государства, переходные – движущиеся в «правильном направлении» по пути демократии и в сторону Запада, государства-изгои – враждебные Западу, и государства-неудачники – страдающие от внутренних неурядиц, такие, как, например, Россия. Как отмечает Ф.Толипов, «терроризм может оказаться орудием геополитики», в резуль-

тате чего «объединительная война международного сообщества с терроризмом наталкивается на разъединительное, конфликтогенное по характеру, геополитическое соперничество государств» за важные стратегические регионы мира [21, с. 96, 99]. Общенациональные средства массовой информации, как правило, действуют в соответствии с политикой, проводимой их правительствами.

СМИ обращают внимание преимущественно на наиболее крупные теракты, случившиеся в странах, которые по тем или иным причинам являются важными стратегическими объектами или играют значительную роль в международных делах, а также когда теракт затрагивает глобальную экономику. В качестве примера можно привести конфликты в Африке, Лаосе, Камбодже, которые не вызывают особого интереса у представителей СМИ и не волнуют международное сообщество, между тем как события в Персидском заливе оценивались как прямая угроза всему миру. В результате разная интерпретация терроризма со стороны руководителей ведущих государств приводит к политике «двойных стандартов», созданию посредством СМИ образов «плохих» и «хороших», «опасных» и «полезных» террористов, что позволяет «легитимизировать» их действия на территории некоторых стран.

Многие западные исследователи придерживаются мнения, что взаимодействие терроризма и СМИ возможно только в открытых плюралистических государствах. Как замечает П.Уилкинсон, когда «говорят о терроризме в демократических государствах, обязательно говорят и о СМИ» [22, р. 12]. Согласно этой точке зрения, в авторитарных обществах терроризм не может существовать из-за невозможности достижения своих целей через СМИ. Именно свобода слова и средств массовой информации, являющиеся основным элементом любого демократического общества, обеспечивают террористам необходимую публичность. Р.Коэн-Альмагор считает, что демократия – лучшая арена для тех, кто желает достичь своих целей насильственным путем [23, pp. 251-252]. Однако это не подразумевает наличие гармонии между терроризмом и демократией. Напротив, их отношения представляют собой «игру с нулевой суммой» – если побеждает один, то автоматически проигрывает другой.

Ограничение свободы слова на освещение терактов рассматривается учеными и журналистами как разрушение одного из фундаментов демократического общества и главного его достижения. Введение цензуры отвечает интере-

сам террористов, которые доказывают, что небольшая группа людей может уничтожить традиционные ценности государства. В результате террористы умело поощряют стремление СМИ освещать события так, как они происходят, без изъятий и сокращений, играя на подсознательном страхе журналистов утратить свое право на свободное выражение идей.

Мы полагаем, что точка зрения о взаимодействии терроризма и СМИ только в демократических государствах была верна до конца 80-х – начала 90-х годов XX века. В настоящее время в условиях массового распространения новых коммуникационных систем и формирования открытого информационного пространства производство и распространение сообщений уже не может жестко контролироваться ни одним государством. Соприкосновение террористов и СМИ становится возможным даже при наличии строгой цензуры и ограничения свободы слова через Интернет, телефонную связь, иностранные информационные агентства. События в Узбекистане в Ферганской долине в мае 2005г. показали, что средства массовой информации способны формировать общественное мнение о событиях даже при закрытом доступе журналистов к зоне боевых действий и отсутствии достоверной информации [24].

Утверждение о взаимодействии терроризма и СМИ только в демократических государствах говорит о субъективном подходе исследователей к этой проблеме. По сути, оно предполагает, как минимум, три разных варианта интерпретации данного тезиса. Первый вариант: терроризм в недемократических государствах существует в информационном вакууме. Эта гипотеза полностью противоречит общепризнанному научному мнению о том, что без участия СМИ террористическая деятельность становится бессмысленной. Более того, в последнее время можно констатировать рост информационной активности террористов, например, на Ближнем Востоке.

Второй вариант: терроризм в недемократических странах в целом невозможен. Исходя из этой позиции, проблематично объяснить наличие террористических очагов в недемократических странах, например, Южно-Азиатского региона, Ближнего и Среднего Востока.

Третий вариант: акты проявления насилия против мирного населения в недемократических государствах должны рассматриваться в рамках иных терминов, например, партизанской войны, национально-освободительного движе-

ния и т.д. В этом случае существует опасность использования данной гипотезы в качестве политики «двойных стандартов» как повода, позволяющего поднимать вопрос о легитимности насилия со стороны террористов в странах, где международное сообщество усматривает мнимые или реальные тенденции к авторитаризму и несовершенству правовой системы.

Следует также обратить внимание на факты существования цензуры и ограничения свободы слова в самих демократических государствах, особенно при освещении антитеррористических операций. По словам немецкого ученого П.Вальдмана, сегодня в США «вся информация, касающаяся борьбы с терроризмом, практически на 100% контролируется Пентагоном» [25]. Все сообщения, попадающие в распоряжение американских и зарубежных СМИ, являются результатом работы аналитиков Министерства обороны. Таким образом, данная точка зрения не действует в целом ряде случаев, что осознают и некоторые западные исследователи. Так, Дж.Карлтон заявляет, что «все государства – независимо от того, демократические они или авторитарные, не будут иметь иммунитета в будущем от нападений террористов» [26, с. 35].

В XXI веке терроризм превратился в мощное средство политического давления на отдельные страны посредством общественного мнения. Ни одно государство в мире, включая США, не может игнорировать точку зрения международного сообщества – политиков, журналистов и гражданского населения. Сегодня степень эффективности террористической деятельности во многом зависит от ее распространения далеко за пределы отдельных стран с целью получения наибольшей огласки. Сильный резонанс трагического события способен повлиять на представителей властных структур при принятии волевого решения, заставив их пойти на уступки террористам. Стоит подчеркнуть, что независимо от выбора между «жестким» и «мягким» ответом на террористическую акцию, политическое противоборство оказывается все равно проигранным государством при негативном освещении его действий в СМИ.

В настоящее время значение СМИ в стратегии терроризма существенно возросло по сравнению с началом XX века, что связано с глубокой трансформацией его форм, целей и способов борьбы. По мнению М.Вьевьерки, точку зрения которого мы разделяем, граница между «классическим» и «современным» терроризмом проходит по рубежу 70-80-х годов XX века [27, р. 98]. В этот пери-

од произошел второй революционный прорыв в области развития СМИ, а также участились случаи террористических акций во всем мире с захватом заложников и взрывами в общественных местах, что повлекло за собой принятие целого ряда международных конвенций по борьбе с терроризмом.

Одной из особенностей современного терроризма является изменение и направленность на разные категории объектов насилия. Если в конце XIX-начале XX вв. теракты были нацелены на представителей конкретных социальных групп, имеющих власть и способных реализовать требования террористов, то сегодня насильственные действия применяются в первую очередь к случайным людям. Человеческие жизни стали выступать в качестве символических мишеней как средство для навязывания террористами политической повестки дня.

Необходимо подчеркнуть, что в этом случае насилие осуществляется в отношении одних лиц, а психологическое воздействие – в отношении других. Как отмечает Л.Трубицына, переживание экстремальной ситуации, подробно освещаемой в СМИ, может привести к массовой травматизации населения [28, с. 30]. В состоянии сильного эмоционального стресса человек зачастую не способен оценить объективную опасность и тяжесть ситуации, обращая внимание на субъективное их восприятие. Пассивность аудитории в момент травмирующего события чаще влечет за собой более тяжелые последствия.

Деструктивное воздействие СМИ, прежде всего, связано со способом и тональностью интерпретации драматических событий. Средства массовой информации часто применяют приемы усугубления последствий травмы, подчеркивая и усиливая ощущение беспомощности.

Более того, конечный результат, преследуемый террористами, достигается за счет действия третьих лиц – органов власти. Таким образом, террористы нуждаются в вовлечении как минимум трех сторон для реализации своих целей – непосредственных жертв, гражданского населения и властных структур, что становится возможным посредством совершения теракта, освещения его в СМИ и давления на правительство. В этой линейной цепочке СМИ занимают центральное место, выступая в качестве посредников, передающих послания террористов. При нарушении этой логики террористический акт оказывается изолированным от общества и представляет трагедию для сравнительно небольшого числа людей.

Опасной тенденцией является также превращение гражданских лиц не только в объект, но и субъект атаки. Безответственное освещение терроризма в СМИ способно спровоцировать двоякую деструктивную поведенческую реакцию у представителей определенных слоев населения, в особенности психически неуравновешенных личностей, прежде всего, из числа молодежи.

С одной стороны, резонанс в СМИ может способствовать распространению идей и целей террористов, появлению новых последователей, сочувствующих или желающих воспроизвести сходную ситуацию. По мнению Г.Почепцова, единичное насильственное действие террористов выступает в роли катализатора новых терактов [8, с. 165]. В качестве иллюстрации своей точки зрения он предлагает следующую схему: террорист 1 → событие 1 → новость 1 → террорист 2 → событие 2 → новость 2 и т.д.

С другой стороны, материалы в СМИ о безнаказанности террористов и унижении нации способны вызвать у пострадавших стремление к возмездии, стимулируют проявления агрессивно-экстремистских действий, возрастание случаев расправы, самосуда по отношению к представителям тех национальностей или конфессий, с которыми ассоциируется принадлежность террористов. Применение насилия гражданским населением, зачастую против невиновных людей, в ответ на террористическую акцию напоминает стратегию терроризма. Принцип «кровь за кровь» расшатывает стабильность в обществе и затрудняет урегулирование ситуации со стороны государственных органов.

Следующая особенность современного терроризма заключается в резком возрастании количества жертв при совершении теракта. Если на протяжении трех последних десятилетий XX века знаменитое высказывание американского ученого Б. Дженкинса «террористы хотят, чтобы на них смотрело много людей, а не умирало много людей» [29, р. 4] относительно соответствовало действительности, то в XXI веке стало очевидным, что терроризм ужесточает свои методы, стремясь как можно к большему числу жертв. Современный терроризм исключает понятие «мирное население», что зачастую становится основным пропагандистским аргументом террористов на право убивать всех, кто не участвует вместе с ними в борьбе.

Стремление террористов к совершению акций со смертельным исходом как можно большего числа лиц следует искать также в снижении восприимчи-

ности населения к почти ежедневно повторяющимся террористическим актам. На данный момент степень эффективности террористической деятельности зависит не от количества проведенных терактов за определенный промежуток времени, а от количества человеческих жертв. На фоне роста общего числа информации об убийствах и катастрофах внимание аудитории акцентируется только на крупных террористических акциях. Таким образом, можно прогнозировать дальнейшую эскалацию террористических проявлений с использованием более драматичных насильственных действий для навязывания темы терроризма в качестве главной международной новости в повестки дня.

Ключевым моментом в разграничении классического и современного терроризма выступают также намерения действующих лиц. В основе теракта обычно лежат сразу несколько взаимосвязанных друг с другом причин. Среди наиболее распространенных ученые выделяют политические, религиозные и идеологические цели. Однако подобная типология не раскрывает истинных мотивов террористов, которые могут использовать этнополитические, конфессиональные, мировоззренческие и иные конфликты только в качестве оправдания своей деятельности. Преувеличение значения второстепенных задач, как правило, опирающихся на идеи справедливости и борьбы за свободу, и замалчивание иных неблагоприятных целей является характерной чертой современного терроризма.

В связи с этим необходимо указать на недооценку преследования личных интересов в мотивах действий террористов. Как справедливо подмечает С.Расторгуев, «все террористические акты последнего времени имели четкую экономическую подоплеку» [30, с. 404]. В настоящее время терроризм стал очень прибыльным, высококоммерческим занятием. Он способен управлять ценами на нефть, влиять на биржевые котировки, разорять туристические агентства и авиационные компании. По точному определению Ж.Бодрийяра, классический (суицидный) «терроризм был терроризмом бедных, тот, о котором мы говорим сейчас, – терроризм богатых» [31, р. 411]. Необходимо подчеркнуть, что оперативное освещение теракта в средствах массовой информации облегчает осуществление намеченных спекуляций.

Для понимания подлинных намерений современного терроризма целесообразно ввести дополнительную классификацию, разделив цели террористов

на открыто декларируемые (эксплицитные) и недекларируемые (имплицитные). Последние, как правило, играют несравнимо большую роль в установлении тесных взаимоотношений терроризма и СМИ. Отсутствие в обществе четкого осмысления различий между декларируемыми целями, их идеологическим обоснованием и личной мотивацией террористов облегчает им пропаганду спекулятивных заявлений, ложных угроз и разного рода мистификаций.

К скрытым мотивам террористов, прежде всего, необходимо отнести преднамеренное создание, распространение и поддержание перманентного состояния страха, чувства небезопасности у населения выбранной территории. По словам А.Мерари, у террористов нет другой явной причины убийства невинных людей, кроме как стремление вызвать панику [32, р. 235]. Таким образом, современный терроризм направлен, прежде всего, на общество, которое и является его основной жертвой.

Истинные намерения современного терроризма заключаются в достижении одновременно целого ряда целей по тотальной дестабилизации обстановки во всех сферах жизнедеятельности государства на национальном, региональном и международном уровнях. Роль СМИ в осуществлении этого глобального плана приоритетна. Средства массовой информации в стратегии терроризма предназначены для решения следующих основных задач:

Во-первых, террористы нуждаются в поддержке международного сообщества, что становится осуществимым посредством благожелательного освещения в СМИ их целей, а не действий. Акцентирование внимания СМИ на декларируемых причинах, заставляющих, по утверждению террористов, использовать крайние меры, способствует росту симпатии к ним со стороны аудитории. В результате неодобрение насилия отступает на задний план.

Во-вторых, террористы хотят, чтобы СМИ создавали им образ всемогущества, безнаказанности и непобедимости, парализуя сопротивление противника и внушая ему, что любые антитеррористические меры с его стороны тираничны и непродуктивны.

В-третьих, террористы стремятся через СМИ добиться роста недовольства граждан действиями властей и правоохранительных органов. Под давлением общественного мнения правительство способно действовать необдуманно, со-

вершая ошибочные действия или воздерживаясь от принятия необходимого волевого решения, что может привести к ликвидации демократических институтов и затруднит нормальное функционирование государственных органов.

Июнь, 2015г.

Источники и литература

1. *Weimann G., Winn G.*, The Theater of Terror: Mass Media and International Terrorism, USA, 1994.
2. *Dowling R.*, Terrorism and the Media: A Rhetorical Genre, "Journal of Communication", #36(1), pp. 12-24, 1996.
3. *Bell J.*, Terrorist Scripts and Live-Action Spectaculars, "Columbia Journalism Review", #17, pp. 47-50, 1978.
4. *Camphuijsen M., Vissers E.*, Terrorism and the Mass Media: A Symbiotic Relationship?, "Social Cosmos", #3(11), pp. 14-24, 2012.
5. *Lumbaca S., Gray D.*, The Media as an Enabler for Acts of Terrorism, "Global Security Studies", #2(1), pp. 45-54, 2011.
6. *Holmes D.*, Plenty of Oxygen: Terrorism, News Media and the Politics of the Security State, World Communication Association Conference, Brisbane, 2007, from web-cache.googleusercontent.com/search?q=cache:iiLDlZoKKyYJ:facstaff.uww.edu/wca/Conferences/WCA07/WCA%252041%2520Papers/27%2520David%2520Holmes.doc+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru
7. *Хиршман К.*, Меняющееся обличье терроризма, Международный терроризм и право, Отв. ред. Ю.С. Пивоваров, М., 2004.
8. *Почепцов Г.Г.*, Информационно-политические технологии, М., 2003.
9. *Schmid A.*, Terrorism and the Media: The Ethics of Publicity, "Terrorism and Political Violence", #1(4), pp. 539-556, 1989.
10. *Hoffman B.*, Inside Terrorism, New York, 2006.
11. *Rapoport D.C.*, Inside Terrorist Organizations, London, 2001.
12. *Weimann G.*, How Modern Terrorism Uses the Internet, "The Journal of International Security Affairs", #8, pp. 91-105, 2005.
13. *Платов В.*, Информационные ресурсы ИГИЛ, «Новое Восточное Обозрение», 8 июня, 2015, Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2015/06/08/informatsionny-e-resursy-igil/>
14. *Laqueur W.*, Terrorism, London, 1977.
15. *Gibbs J.*, Conceptualization of Terrorism, American Sociological Review, #5, pp. 329-340, 1989.
16. *Schmid A., de Graf J.*, Violence as Communication: Insurgent Terrorism and the Western News Media, London, 1982.
17. *Anufrienko S.V.*, Mass media as a vital element of modern terrorism, "Middle East Journal of Scientific Research", #2(18), pp. 206-209, 2013.
18. *Combs C.*, Terrorism in the twenty-first century, London, 2003.
19. *Hacker F.*, Crusaders, criminals, crazies: terror and terrorism in our time, New York, 1976.

20. Введенская Т.Ю., Дзигумская Е.А., Международный терроризм: психологический аспект, Материалы научной конференции «Проблемы политической психологии», Киев, 1997. Режим доступа: <http://www.psyfactor.org/terror2.htm>.
21. Толипов Ф., Испытание геополитики терроризмом и антитерроризмом, «США-Канада: экономика, политика, культура», #3, с. 94-107, 2002.
22. Wilkinson P., The Media and Terrorism: A Reassessment, "Terrorism and Political Violence", #2(9), pp. 51-64, 1997.
23. Cohen-Almagor R., The Terrorists' Best Ally: The Quebec Media Coverage of the FLQ Crisis in October 1970, "Canadian Journal of Communication", #2(25), pp. 251-284, 2000.
24. Uzbek media stay silent on violence, "BBC News", 2005, from <http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/asia-pacific/4551769.stm> Published, May 16, 2005.
25. Агаев В., Безопасность и свобода, «Немецкая волна», 2002, Режим доступа: <http://www.dw.de/безопасность-и-свобода/a-630573>, 12 сент., 2002
26. Лазарев Н.Я., Терроризм как тип политического поведения, Социс, #8, с. 32-36, 1993.
27. Wieviorka M., Classical Terrorism to "Global" Terrorism, "International Journal of Conflict and Violence", #1(2), pp. 92-104, 2007.
28. Трубицына Л.В., Средства массовой информации и психологическая травма, «Проблемы медиапсихологии. – М., 2002.
29. Jenkins B., International Terrorism: A New Mode of Conflict, USA, 1975.
30. Расстргуев С.П., Терроризм как элемент информационной операции, «Информация. Дипломатия. Психология», Отв. ред. Ю.Б. Кашлев. – М., 2002. – С. 404.
31. Baudrillard J., Valentin M., L'Esprit du Terrorisme, "The South Atlantic Quarterly", #101(2), pp. 403-415, 2002.
32. Merari A., Terrorism as a Strategy of Insurgency, "Terrorism and Political Violence", #5(4), pp. 213-251, 1993.

ԶԱՆԳՎԱԾՄԱՅԻՆ ԼՐԱՏՎԱՄԻՋՈՑՆԵՐՆ ԱՀԱԲԵԿՉՈՒԹՅԱՆ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՄԱՅԻՆ ՌԱԶՄԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ

Սվետլանա Անուֆրիենկո

Ամփոփագիր

Հոդվածում հետազոտվում են այն պատճառները, թե ինչու են ահաբեկիչները շահագրգռված զանգվածային լրատվամիջոցներում լուսաբանվելու հարցում: Ուսումնասիրվում են պատմական այն գործոնները, որոնք նպաստել են տեղեկատվական ուղեկցության հանդեպ ահաբեկիչների հետաքրքրվածության աճին: Հեղինակը վերլուծում է ահաբեկչության առանձնահատկությունները և նրա փոխակերպումը 20-րդ դ. վերջին՝ փաստելով, որ անջրպետը դասական և արդի ահաբեկչության միջև անցնում է 1970-80-ական թվականներով: Հենց այդ ժամանակ է լայնորեն սկսել զարգանալ մեդիա-ինդուստրիան, որը թույլ էր տալիս ահաբեկիչներին վիթխարի հան-

րային ռեզոնանս ստանալ և ճնշում գործադրել պետական իշխանության մարմինների վրա՝ հանրային կարծիքի միջոցով: Հետևություն է արվում այն մասին, որ ՋԼՄ դերը գերակա է արդի ահաբեկչության նպատակների հասնելու գործում:

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ТЕРРОРИЗМА

Светлана Ануфриенко

Резюме

В статье исследуются причины заинтересованности террористов в освещении в средствах массовой информации (СМИ). Изучаются в исторической ретроспективе факторы, способствующие появлению повышенного интереса террористов к информационному сопровождению. Автор анализирует особенности терроризма и его трансформацию в конце XX века, констатируя, что водораздел между классическим и современным терроризмом проходит по рубежу 1970-х-80-х годов. Именно тогда стала широко развиваться медиа-индустрия, позволившая террористам получать огромный общественный резонанс и оказывать давление на органы государственной власти посредством общественного мнения. Делается вывод о том, что роль СМИ в достижении целей современного терроризма является приоритетной.

MASS MEDIA IN THE COMMUNICATION STRATEGY OF TERRORISM

Svetlana Anufrienko

Resume

The article explains the reasons why terrorists seek getting coverage by mass media. The historical retrospective of the factors that increase terrorists' interest in information support expounded. The author analyzes the traits of terrorism and its transformation in the end of the 20th century and arrives at the conclusion that the boundary between classical and modern terrorism lies at a point between 1970s and 1980s. It was the time when media industry started to flourish and enabled terrorists to achieve immense social outreach, to exert pressure over the government structures through manipulation by public opinion. A conclusion is made that modern terrorism attributes high priority to the role of mass media in achieving its goals.

ГЕНОЦИД АРМЯН: ИМПЕРАТИВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ВЕК СПУСТЯ

*Александр Манасян**

Ключевые слова: Егерн/Геноцид армян, запрет на обсуждение темы геноцида, истоки геноцидогенного поведения турок, этноцид армян Восточного Закавказья, армянство Азербайджана, международно-политические последствия Егерна, новые геноцидогенные государства, международный терроризм

24 апреля 2015г. армянский народ поклонится памяти невинных жертв Геноцида. В этот день с нами будет все прогрессивное человечество, для которого 1915 год и 24 апреля стали символами осуждения и предотвращения наиболее тяжелого преступления против человечества – геноцида. Осуществляемый Османской империей на протяжении десятилетий до 1915 года, а республиканской Турцией – после него, Геноцид – глубочайшая рана армянского народа, которая не зарубцуется, если преступник не удостоится всеобщего осуждения, если не раскается и не вернет армянам все то, что отнял у них предательскими убийствами. Спустя десятилетия молчания о Геноциде это тяжелейшее преступление сравнительно недавно стало предметом открытых политических дискуссий. Многие темные страницы этого преступления ждут, когда на них прольется свет, многие уже известные факты этой общечеловеческой катастрофы нуждаются в переосмыслении. Вкратце представим наши наблюдения о некоторых из них. Основные выводы данной статьи исходят из того, что широко используемая и стереотипизирующая общественное восприятие формула **«Геноцид армян в Османской империи 1915-1923гг.»** не соответствует фактическому и политическому содержанию этого преступления против человечества.

* Член-корреспондент НАН РА, доктор философских наук, профессор.

Первое наблюдение: формула «Геноцид армян в Османской империи 1915-1923гг.» не отражает географию преступления

Обсуждаемая формулировка географически связывает данное преступление исключительно с Османской империей, вопреки общеизвестному и неоспоримому факту: турки и при султанах, и после его смещения проводили политику уничтожения армян и за пределами империи – в северо-западных областях Ирана [1, с. 24], Нахиджеване и Восточном Закавказье. У игнорирования этого факта есть свое объяснение.

Десятилетиями Запад работал над тем, чтобы освободить своего союзника, Турцию, от греха – преступления начала XX века, оставляя его на совести покинувшей историческую арену Османской империи. Факт игнорировался и советской Москвой, отводившей Турции и Советскому Азербайджану роль факельщиков революции в своих планах по экспорту «красной революции» на мусульманский Восток. В шестидесятые годы XX века, когда уже было снято табу на затрагивание данной темы, Москва согласилась на использование формулировки *«Геноцид армян в Османской империи 1915-1923гг.»*, строго следя за тем, чтобы не упоминались армянские погромы в Нахиджеване и Восточном Закавказье, упоминание которых могло помешать внедрению политической мифологии о «ленинской дружбе» армян и азербайджанцев. Так из состава преступления выпали армянские погромы, осуществленные в 1918г. вторгшимися на Южный Кавказ турецкими регулярными войсками и местными турками. Так игнорирующая это преступление формулировка *«Геноцид армян в Османской империи 1915-1923гг.»* прижилась в информационных потоках и литературе.

Сегодня, когда европейские державы сделали признание Геноцида армян условием урегулирования своих отношений с Турцией, невозможно умалчивать, что резня армян в Западной Армении [2], Нахиджеване и Восточном Закавказье – разные этапы одного геноцида. Тот же самый преступник, та же жертва [3]. Этот очевидный факт игнорируется, между тем он мог быть главным доводом по разоблачению турецкой политики отрицания в вопросе признания геноцида. И вот почему.

До сих пор основной довод турецкого пакета отрицания Геноцида, которым Анкара отвечала на предъявляемые обвинения, заключается в том, что у турок, якобы, не было предумышленной программы геноцида, они депортиро-

вали армян из-за их неблагонадежности в отношении находящейся в состоянии войны Османской империи. По пути на караваны депортированных армян нападал всякий сброд, вследствие чего происходили «несчастные случаи», которые, как утверждает официальная Анкара, нельзя приравнивать к геноциду. Армянские погромы в Нахиджеване и Восточном Закавказье неоспоримо разоблачают эти утверждения. В 1918г. не турецкий и курдский сброд, а турецкая регулярная армия на всем протяжении пути в Баку сжигала армянские населенные пункты и убивала их мирных жителей, а потом делала то же самое в Баку. Этот факт, подтверждаемый множеством свидетельств и документов, не оставляет места для фальшивого довода о неблагонадежности армян в турецкой папке «обоснований»¹. Веками жившие на землях своих предков армяне Нахиджевана и Восточного Закавказья не были гражданами Османской империи, чтобы быть обвиненными в неблагонадежности, и не представляли никакой угрозы для империи или Турции. Их не депортировали, а убивали прямо на месте только за то, что они армяне.

Второе наблюдение: в 1923г. Турция не прекратила проводить политику геноцида, как это представляется в формулировке «Геноцид армян в Османской империи 1915-1923гг.».

Другой вопрос – уточнение хронологических границ Геноцида. 24 апреля 1915г. – символический день поминовения жертв Геноцида, и это не дата начала турецкой политики армяноцида, как это представляется в обсуждаемой формулировке. Армянские погромы начались в империи за десятилетия до 1915г. 1915 – год самых жестоких событий – народ выделил как год Великого Геноцида, Егерна.

Однако политическое содержание турецкого преступления в большей степени искажается не тем, что 1915 год намеренно или по ошибке считается годом начала геноцида, сколько ограничением геноцидальной политики 1923-м годом – окончанием истории Османской империи². Продолжающиеся до сих

¹ Значительная часть документов представлена в изданном в 2003г. в Ереване сборнике документов «Армянские погромы в Бакинской и Елисаветпольской губерниях в 1918-1920гг.».

² Мы этим не открываем ничего нового. В посвященной данной теме литературе есть множество обращений к этому вопросу. Джон Киракосян, чтобы еще больше акцентировать этот факт, зафиксировал его в заглавии своей книги «Младотурки перед судом истории (с 1915 года до наших дней)» (Ереван, 1983) и выделил в книге специальную главу «Османская империя пала. Армяноцид продолжился». Поразительно, что формулировки и определения в наших официальных документах обходят этот факт. См. [4].

пор попытки вытеснить происшедшее из мировой истории, умалить или отрицать преступление, присвоение имущества жертв Геноцида, попытки задушить Армению и Арцах в кольце блокады, присвоение или уничтожение многовекового армянского культурного наследия, насильственное верообращение и отуречивание спасшихся от геноцида – все это продолжение политики Османской империи, которое со дня своего основания и до сих пор осуществляет республиканская Турция – государство, учрежденное политическими силами этой страны, принимавшими непосредственное участие в Геноциде.

Третье наблюдение: турецкий народ и турецкие власти в равной мере ответственны за происшедшее, потому что принимали одинаковое участие в преступлении

Сегодняшние турки унаследовали свое политическое поведение в международных вопросах от своих предков – перекочевавших в средние века в Переднюю Азию огузов и сельджуков, не знавших других способов завладеть плодородными полями и пастбищами этого региона и осесть здесь, помимо убийства и вытеснения хозяев этих земель, разгрома и грабежа их поселений, в которых участвовали всем племенем. Этот кровавый *modus vivendi* сохранился и после того, когда на захваченных территориях они основали сначала средневековые государственные образования, а потом и империю. Но даже после этого турки сохранили сформировавшиеся еще в кочевой период основные характеристики своего поведения, которые ограничивают национальное развитие экстенсивным развитием – стереотипом количественного роста и территориального распространения. Заметим, что в специализированной литературе не удостаивалась внимания та связь, которая существовала между образом жизни вторгшихся в регион и в дальнейшем называющих себя османами или мусульманами огузами, сельджуками и фактом отсутствия у них национальной идентичности. Национальная идентичность определенного этнического сообщества формируется исторически. Кочевничество как экстенсивный метод экономики неспособно обеспечить этническому сообществу историю, богатую «фактами идентичности». Повторяющаяся «история» перехода с одного пастбища на другое или возвращения с альпийских лугов на зимовье по определению не может быть богата политическими событиями, которыми насыщенная история любо-

го оседлого народа, избравшего интенсивный путь развития. Исходя из этого, становятся понятны скудость исторической памяти турка и легкое забвение истории, утратившей для него ценность пройденного пути в лихорадке захвата новых пастбищ. Для проникших в регион вследствие преследования монголов кочевых тюркских племен ИСТОРИЯ (вчера, прошлое) не имела такой ценности, как для оседлых народов. Для них важно СЕГОДНЯ. У проникших в Переднюю Азию кочевых тюрков могли быть бытовые привычки, сказки, воспоминания и легенды, связанные с битвами за пастбища, но у них не могло быть, так сказать, внутренней политической истории, что стало причиной неопределенности их идентичности или ущербной идентичности и в последующие века. После перехода к оседлости началом их политической истории можно считать захват Бурсы в 1326г. во главе с Османом и провозглашение ее столицей нового государства. В условиях отсутствия собственной письменности, литературы и национальной истории ислам заполнил лакуну культурной идентичности. Арабы и персы, от которых тюрки переняли ислам, обладали тысячелетиями политической истории и письменной культуры. Османский тюрк, вчерашний кочевник, кроме «культуры» захвата и разрушения, не обладал какой-нибудь высокочеловеческой ценностью, которую можно было бы предъявить другим или самому себе, и вплоть до XX века вынужден был представляться с визиткой идентичности «я мусульманин» или «я османец». Широко распространенное в литературе мнение о том, что, якобы, ислам вытеснил национальную идентичность тюрков и предал забвению их историю, лишено оснований [5]. У них, в отличие от оседлых народов, не было «внутренней политической истории», которую можно было бы позабыть под прессом ислама. Турок оказался в регионе, народы которого, без исключений, были носителями более высоких цивилизационных ценностей. В случае приобщения и приятия этих ценностей он слился бы с местными. Он не способен был встать на путь научной и культурной конкуренции и должен был обрести себя в политических интригах по подчинению народов, в усовершенствовании в привычных для себя областях власти и насилия. Турок не только остался неучастным к цивилизационным достижениям народов империи, но и всячески препятствовал их развитию. Столетия владычества империи для всех входящих в нее народов стали возвратом к мрачным временам. Поведение сегодняшней Турции по отрицанию Ге-

ноцида, ее агрессивная пропаганда неприятия исторического факта свидетельствует, что ее геноцидогенный характер не изменился и в этом плане представляет глобальную цивилизационную угрозу.

В экспансионистском имперском арсенале, помимо кровавого оружия, оказалось и новое средство – демографическая атака¹. Турецкий власти и турецкая толпа по идущей со времен кочевых походов традиции остались едины в вопросе грабежа, эксплуатации, погромов иноконфессионального и инонационального населения империи, захвата чужих земель. Толпа осталась ключевым явлением, характеризующим турецкое национальное поведение, что отражается в единстве политики, проводимой в отношении «иных» турецкими властями и турецкой массой². У народа, усвоившего «культуру» грабежа и резни, и основанного им государства не могло быть исторической перспективы, и уже в XIX веке было очевидно, что Османская империя не только выпала из общего цивилизационного процесса, но и мешала ему [7]. На рубеже XIX-XXвв., именно в условиях кризиса этой обреченной на гибель государственности, сформированный на традициях нещадной эксплуатации и разграбления поработенных народов и обеспеченный законами данного государства образ жизни переродился в осознанное геноцидальное поведение. Носители этого сознания и поведения представляли собой не маленькую группу государственных чиновников или узкий слой общества. Реальный виновник в геноциде армян, греков, ассирийцев – составляющая большую часть турецкого общества прослойка, в руках которой были рычаги власти и в Османской империи, и в республиканской Турции, и которая сегодня продолжает воспроизводить саму себя во всех

¹ Арсенал демографической политики империи не исчерпывался разрушением поселений местных народов и их резней для захвата плодородных пастбищ, предоставлением самых разных льгот и преимуществ туркам.

Введенный в 1365г. султаном Мурадом Первым так называемый налог кровью (*девширме*), по которому христианские народы «отдавали» своих 12-14-летних мальчиков султану для службы в янычарских полках, был также направлен на осуществление целей демографической политики. Этих юношей передавали на воспитание турецким семьям, обращали в другую веру, готовили из них обученных воинов, чтобы использовать в войнах именно против христиан.

² В своей книге «Турецкое национальное «Я» и армянский вопрос» Танер Акчам уделил этому вопросу особый раздел под названием «Участие гражданского населения в геноциде» [5, сс. 114-119]. Достаточно полистать посвященную данной теме фактографическую или аналитическую литературу, чтобы убедиться, что *толпа* – ключевое явление в турецкой политической культуре. Один из очевидцев бакинских событий в марте 1918г., согласно Майклу Смуту, назвал эту озверевшую людскую массу черной толпой – *qara deste*. См. [6, с. 95].

слоях общества – от государственной элиты и подчиненных ей административных звеньев до «рядового турка»¹. И сегодня эта масса, а вовсе не оппозиционная ей малочисленная группа, определяет государственную политику турок в вопросе отрицания Геноцида. Это обстоятельство объединяет, с одной стороны, турецкий народ, с другой – Османскую империю и республиканскую Турцию в их ответственности за преступления против человечества. То же самое обстоятельство сводит воедино понятия «геноцидная Турция» и «геноцидный турок», которые воспринимаются в качестве синонимов народами данного региона и вне него и закреплены в передающихся из уст в уста и широко известных поговорках типа «Здесь прошел турок»², «Турок остается турком» и т.д. Для турецкого случая формулировка «Геноцид – государственная политика» очевидно недостаточна – из-за массового участия турок в этом преступлении. Эта истина зачастую не озвучивается из-за ненужной благовоспитанности и деликатности, в том случае, когда только ее осознание поможет турецкому народу узнать самого себя и скинуть с себя бремя вины. Пока отрицающие преступление геноцида будут составлять большинство в турецком обществе и предопределять государственную политику, склонность к этноциду останется характеристикой турка и его государственности. Вот почему адресованные Турции призывы о признании Геноцида – это еще и призывы к турецкому народу.

Четвертое наблюдение: Турция основала и продолжает основывать геноцидные государства, легализуя геноцидную практику в международном масштабе

Геноцидогенный характер турецкой цивилизации в XX веке проявился не только в уничтожении армян, греков и ассирийцев в Османской империи и за ее пределами, но и в форме основания государств, опирающихся на ту же этноцидную культуру. Она уже основала государства – носители ее цивилизационного гена: Турецкую Республику Северного Кипра за счет уничтожения греков, а Республику Азербайджан – за счет геноцида армян Нахиджевана и Восточного За-

¹ Примечательно, что Талаат в своих мемуарах, в том числе чтобы облегчить собственную вину, признается, что погромы осуществлялись народом и рядом должностных лиц (см. мемуары Талаата паши (перевод с турецкого), Институт востоковедения АрмССР, 1963, сс. 78-79, 129-130).

² Широко известное в Европе и нашем регионе выражение «The Turks have passed by here All is in ruins and mourning», как известно, принадлежит Виктору Гюго.

<http://www.lewrockwell.com/2013/09/eric-margolis/ruins-and-mourning>.

кавказья. Воздействие этноцидной турецкой политической культуры на расчленение Югославии и нынешние процессы на Ближнем Востоке очевидно. Первым государством, основанным по турецкому проекту, была так называемая Азербайджанская Демократическая Республика, основанная в сентябре 1918г. турецкой армией, дошедшей до Баку дорогой армянских погромов¹.

Несмотря на имевшие место в XX веке в нашем регионе метаморфозы государств под названием «Азербайджан», в них неизменно сохранялось то геноцидное поведение массы этнических турок, которое исторически было в силу самого факта того, что они были носителями этой культуры и в их руках оказалась власть в Азербайджанской Демократической Республике, Советском Азербайджане и нынешней Азербайджанской Республике. В советские годы большевистский центр, ставший заложником сталинского проекта по созданию новой азербайджанской нации, сознательно «не замечал» политику Баку по вытеснению армян из республики за счет преследования по национальному признаку, которая уже в семидесятые привела к исходу армян из Нахиджевана, а в 1988г., начиная с Сумгаита, приобрела характер массовых армянских погромов по всей республике. Как в Османской империи и Турции, так и в Советском Азербайджане мишенью геноцидной политики были не только армяне. Одновременно проводилась политика насильственной ассимиляции коренных исламских народов. Единственным способом противостоять этому был переход в своеобразное национальное подполье, в котором сегодня находится большинство лезгин, талышей, татов и других коренных народов. В последние годы существования СССР с этнической карты некогда многонационального Советского Азербайджана исчезли все мусульманские народы, насильственно ставшие «азербайджанцами». То, что происходило в созданной турецкой армией Азербайджанской Демократической Республике, то, что происходило в основном 11-й русской Красной армией Советском Азербайджане, и то, что происходит в современном Азербайджане, – ничем не отличается от процессов, ко-

¹ Погромы были нацелены на изменение демографического положения в регионе. Были сожжены десятки армянских и удинских населенных пунктов. Например, если в 1914г. в Нухинском, Гёкчинском, Шемахинском и Арешском уездах жили 73.526 человек, то в 1921г. эта цифра уменьшилась почти вшестеро (12.716 человек). Если в Нухинском уезде армяне в 1917г. составляли 20,2% населения, то после турецкой военной кампании и воцарения мусаватистов – 2,4%. Практически та же картина наблюдалась в других уездах. В уезде Агдаш, например, где армяне составляли 19,5% населения, их почти не осталось (0,7%). Кстати, той же участи удостоились русские населенные пункты, особенно в Сальянском и Ленкоранском уездах. По данным за 1914г. 40.800 жителей этих уездов были по национальности русскими, в 1921г. там осталось всего 14.921 русских (данные приводятся по [8, с. 642]).

торые происходили и происходят в Турции. Формула президента постсоветского Азербайджана Гейдара Алиева «Одна нация, два государства» – подтверждение того, что геноцид совершает все тот же турок – будь то в Анкаре или в Баку. Формула фиксирует ту общность, которая объединяет турок¹. И заключается она в том, что турок и на захваченных им территориях Передней Азии, и на Южном Кавказе, где он скрывался под масками то «мусульманина», то «кавказского татарина», то «азербайджанца», последовательно проводил и проводит политику убийства других национальностей региона. Не случайно, что блокаду Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики Турция и Азербайджанская Республика осуществляют совместно. Не случайно, что в развязанной против Нагорно-Карабахской Республики войне армянские населенные пункты были главной целью бомбардировок и артобстрелов. Не случайно, что в Баку азербайджанцев-убийц – преступников сумгаитской резни и зарубившего коллегу топором Рамиля Сафарова – героизируют так, как в Турции героизируют главных виновников Геноцида армян – Талаата и Энвера. Тот же народ, то же политическое поведение. Геноцид армян в Восточном Закавказье и Нахиджеване – проявление той же турецкой политики Геноцида армян, осуществленное государствами с ярлыком «Азербайджан», последним из которых является нынешняя Азербайджанская Республика.

Пятое наблюдение: почему крупные державы не наказали виновников Геноцида?

Еще в мае 1915г. Россия, Франция и Великобритания выступили с совместным заявлением, в котором охарактеризовали зверства над армянами в Османской империи как «новые преступления против человечества и цивилизации» и солидаризировались в том, что турецкое правительство должно быть наказано за это преступление². Казалось, крупные державы сразу после Первой мировой войны должны были привести это наказание в исполнение, чтобы предотвратить повторение этого преступления. Казалось, что опасность этого преступления против человечества и цивилизации осознается. Выяснилось, однако, что это не так. Угроза распространения смертельного для человечества турецкого этноцидного вируса была проигнорирована. Запад пожертвовал общечеловече-

¹ Турок, но не тюрков. Это чрезвычайно важное уточнение, поскольку теоретики Анкары и Баку часто пытаются сделать соучастниками своих преступлений другие тюркские народы, утверждая, что обвинение турок в Геноциде – оскорбление и обвинение в адрес тюркского этноса в целом.

² The Messenger online http://www.messenger.com.ge/issues/2161_august_2_2010/2161_econ_two.html.

скими интересами во имя сомнительной программы использования Турции против Советской России, и в 1923г. в Лозанне забросил в долгий ящик свой же Севрский договор, предполагающий восстановление армянской государственности на части армянских земель [9, р. 16]. Нужно особо подчеркнуть, что предусматриваемая Севрским договором поддержка армян в вопросе восстановления государственности на их же исторических землях не означала наказания для преступника. Это всего лишь должно было означать, что крупные державы защищают законное право армян восстановить свою государственность на собственной родине. Однако в 1923г. в Лозанне они не сделали даже этого минимального шага. Армянские земли были оставлены геноцидной Турции. Преступление не только не было наказано, но фактически получило поощрение. Более того. Запад за счет проводимой им политической линии прощения турок (в действительности – поощрения) на протяжении десятилетий стал участников турецкой программы тотального замалчивания Геноцида армян, изъятия происшедшего из истории. Только Адольф Гитлер в 1939г. нарушил это молчание вопросом «а кто об этом помнит?», но не для осуждения турок, а чтобы последовать их примеру. Большевистская Россия не отставала от Запада. Всего через несколько лет после Геноцида, пытаясь перетянуть на свою сторону «борющуюся с империализмом» Турцию, Москва подарила ей Карс, Ардаган, Сурмалу, священную гору Арарат, никогда ранее не принадлежавшую Османской империи. Затем последовали новые дары. По требованию Турции Москва насильственно отобрала армянские Нахиджеван и Нагорный Карабах, введя их в пределы границ Советского Азербайджана¹.

Казалось, союзница нацистской Германии Турция понесет достойное наказание после Второй мировой. Но общечеловеческие интересы и ценности вновь были принесены в жертву, на этот раз в политических играх «Советский Союз-Запад». Союзница нацистской Германии, Турция закончила войну без потерь. Армянские земли и на этот раз были оставлены ей.

Распад СССР предоставил Западу новый повод проявить четкую позицию в вопросе изъятия геноцида из практики межнациональных отношений, осуждения геноцидальных актов, наказания геноцидных правительств и государств.

¹ Мы не случайно пишем «введя в пределы границ Советского Азербайджана». По Карсскому договору Нахиджеван не был передан Азербайджану как территория, у него должна была быть своя суверенная власть. Он был передан под протекторат Советского Азербайджана. И только.

Казалось, лишенный армян Нахиджеван, многочисленные «сумгаиты»¹, осуществленные объединившимися в «Народном фронте Азербайджана» турецкими погромщиками, должны были не оставить у Запада сомнений относительно определения происшедшего как геноцид. Однако западные столицы уклонились от оценок и довольствовались очередными декларациями.

Более того, Запад, с 1988г. морально поддерживающий вставший на путь освободительной борьбы против виновников геноцида Арцах-Карабах и требующий от Москвы найти такой способ урегулирования проблемы, который бы соответствовал взглядам арцахских армян, в 1991г., когда развал СССР принял необратимый характер, отвернулся от Карабаха. Выяснилось, что он поддерживал Карабахское движение исключительно с целью развала СССР, видя в этом движении детонатор распада советской сверхдержавы. Оказалось, что программа по отторжению республик от СССР еще с 1988г. была на повестке дня. Азербайджанская Республика, в которой нетурецкие мусульманские народы подверглись геноциду за счет насильственной ассимиляции, а армяне – путем кровавой резни, была признана в рамках бывшего Советского Азербайджана, вместе с не принадлежащим ему Нахиджеваном и вставшим на путь освободительной борьбы Арцахом. Этим политическим решением Запад не только предал декларируемые им идеалы демократии, но и поощрил геноцидное государство и спровоцировал карабахскую войну, позволив Баку начать «справедливую» войну за «освобождение» земель, не принадлежащих ему согласно действующим договорам, превратив принцип территориальной целостности в средство завуалирования геноцида. Баку был прощен, имея при этом груз более явных нарушений международного права и общечеловеческих нравственных норм. Запад вообще проигнорировал геноцид азербайджанских армян. И все это – из-за той самой нефти, которую он мог бы гораздо легче получить от Азербайджана, который был бы наказан за геноцид армян, где из национально-го подполья были бы высвобождены коренные народы Восточного Закавказья и который был бы поставлен на путь демократического развития.

¹ Примечательно, что организация, консолидировавшая толпы погромщиков, называлась именно *Народным фронтом*, тем самым подтверждая единство турецкой массы и властей Азербайджана в вопросе погромов и резни. То же самое в свое время было и в Турции, где так называемая антиимпериалистская освободительная борьба приняла форму погромов армян и других коренных народов, а вовлеченные в «общее дело» преступники и бандиты сами себя называли *народным ополчением* (кувай миллийе). См. [5, сс. 132-144] (Эта книга – русский перевод одноименной книги, изданной в 1992г. в Турции.)

Шестое наблюдение: Егерн – понятие, обозначающее геноцид народа на своей родине

В особом рассмотрении нуждается определение турецкого преступления. Несомненно, оно соответствует международно признанному понятию «геноцид». В содержательном плане это понятие охватывает те общности, которые характерны для разных геноцидных актов, и не отражает особенности подобных актов. Только евреям удалось добиться того, чтобы термин «холокост», фиксирующий специфику геноцида, совершенного по отношению к ним нацистской Германией, получил бы международное распространение. Холокост как тип геноцида выделяет способ убийства людей, принадлежащих к одной нации или общине, – сожжение в газовых камерах. У Геноцида армян тоже есть своя особенность: весь народ был вырезан на своей родине. Из-за совершенного турками злодеяния армяне лишились родины. Эту особенность Геноцида армян отражает понятие *Егерн*, и пришло время, чтобы это понятие, означающее «геноцид народа на его родине», было введено в оборот и закреплено в международных документах.

Седьмое наблюдение: бумеранг истории

Геноцидальные акты были и до XX века. Но Геноцид армян выделяется тем, что преступление было совершено при такой международной политической системе, которая обладала потенциалом предотвращения варварства или наказания виновных. Этот потенциал уже был – в лице победивших в Первой мировой войне крупных держав. Не было осознания опасности распространения заразы геноцида и совместной политической воли для борьбы с ним. Ответственные за международную безопасность крупные державы не осознали, какую судьбоносную ошибку они допустили, не уничтожив бациллу геноцида после 1915г. Это была не просто ошибка. Это было преступное равнодушие по отношению к ответственности, которой наделила их история. Они не только простили, но и поощрили убийц, предав преступление молчанию и провалив готовый проект по восстановлению армянской государственности на ее исторической родине. Это не могло не сказаться на всей системе международных отношений и дальнейшем ходе истории, не могло пройти бесследно ни для преступников, ни для тех, кто их «покрывал».

Турок обрел комплекс безнаказанности и вседозволенности, а также уверенность в том, что геноцид, насилие, вседозволенность в межнациональных и

международных отношениях можно сделать обычным, по сути – легализованным инструментом политической практики. Турецкий прецедент совершенного против человечества и оставшегося безнаказанным тяжелейшего преступления после Второй мировой войны стимулировал повторение преступления со стороны всех тех сил, которые имели склонности решать свои проблемы сходным образом. Эпидемия террористических актов, геноцидов, насилия сегодня распространилась по всему миру, и нужно быть человеком очень недалекого ума, чтобы не видеть, что в новейшей истории их исток – совершенное турками и оставшееся безнаказанным преступление против человечества. Нужно обладать очень недалеким умом, чтобы не видеть, что по своей безнаказанности, нетерпимости, ксенофобии и вседозволенности терроризм отождествляется с геноцидом, становится его видоизмененной версией. Кипр, Азербайджан, Югославия, Руанда, Камбоджа... Нью-Йорк – 11 сентября, Торговый центр, Париж – 7 января, «Шарли Эбдо»... Это те губительные бумеранги, которые крупные державы метнули истории в начале прошлого века, и которые сегодня возвращаются и бьют по ним и по всему человечеству.

У этой проблемы есть и другая сторона. Очевидно, что безнаказанный виновник геноцида обретает еще более искаженную психику и более агрессивное поведение. Но меняется не только он. Меняется также психика и поведение тех, кто покрывает преступление, и тем более – поощряет его. Уже который год высшие политические власти США избегают называть преступление своим именем, превращая признание Геноцида армян в предмет недостойной сделки со ссылкой на то, что Турция их стратегический партнер. Это не может не исказить психику той нации, которая одобряет или с пониманием относится к поведению своих властей в вопросе осуждения турецкого преступления или первоначальной моральной поддержки Карабаха, сменившейся стремлением передать его геноцидному Азербайджану, и которая, тем самым, вольно или невольно становится соучастницей подобного поведения. В вопросе Карабаха это касается и Европы, которая по примеру США признала Азербайджанскую Республику вместе с юридически и фактически не принадлежащими ей Нахиджеваном и Нагорным Карабахом. Возможность продолжить геноцид войной Баку получил от Запада, который сегодня направляет сторонам конфликта непонятные послания о паритетах, притворяясь, что не замечает, что реальный агрессор – поощряемый им же преступник.

Что мешает крупным державам и прежде всего Западу видеть факты в истинном свете? Как и в начале прошлого века, сегодня у них отсутствует трезвое осознание того, что геноцид самоубийствен для человечества.

Нет осознания того, что нельзя для получения текущей и преходящей выгоды делать вопрос о наказании виновника геноцида предметом политических сделок и вместо наказания еще и поощрять его.

Апрель, 2015г.

Источники и литература

1. *Левон Вардан*, Хроника Армянского Пятнадцатого, Бейрут, 1975 (на арм.яз.).
2. *Ruben Safrastyan*, Ottoman Empire: the genesis of the program of genocide (1876-1920), Yerevan, 2011.
3. *E.L. Danielyan*, Armenian Civilizational heritage versus Turkish-Azerbaijani falsification if history and historical geography, «Լրաբեր» («Вестник») общ.наук, №1, 2014, p. 49.
4. *Киракосян Дж.*, Младотурки перед судом истории (с 1915 года до наших дней). – Ереван, 1983.
5. *Танер Акчам*, «Турецкое национальное «Я» и армянский вопрос». – М., 1955.
6. *Майкл Смит*, Память об утратах и азербайджанское общество // Азербайджан и Россия: общества и государства. – М., 2001.
7. The Economic Decline of Empires, edited by Carlo M. Cipolla. – New York, 2010, p. 227.
8. БСЭ, т. 1, 1926.
9. *W.A. Shabas*, Genocide in International Law, Cambridge, 2000, p. 16.

ՀԱՅՈՑ ՑԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅՈՒՆ. ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՎԵՐԻՄԱՍՏԱՎՈՐՄԱՆ ՀՐԱՄԱՅՆԱԿԱՆԸ ՄԵԾ ԵՂԵՆՆԻՑ ՄԵԿ ԴԱՐ ԱՆՑ

Ալեքսանդր Մանասյան

Ամփոփագիր

Եղեռնը՝ հայ ժողովրդի ցեղասպանությունն իր հայրենիքում, տասնամյակներ տևած լուրջությունից հետո համեմատաբար վերջերս է դարձել բաց քաղաքական քննարկման առարկա: Վերիմաստավորման կարիք ունեն բազմաթիվ փաստեր, ոճրին առնչվող հասկացություններ և ձևակերպումներ, այդ թվում և լայնորեն տարածված և հանրային ընկալումը կաղապարող «Օսմանյան կայսրությունում Հայոց ցեղասպանությունը 1915-1923թթ.» բանաձևը, որը չի համապատասխանում մարդկության դեմ գործված այդ հանցագործության փաստական ու քաղաքական բովանդակությանը: Առայսօր հանցակազմից դուրս է մնում Արևելյան Անդրկովկասի հայության ցեղասպանությունը: Համարժեք գնահատական չեն ստացել ինչպես Եղեռնի միջազգային-քաղաքական հետևանքները, այնպես էլ այս հարցում համաշխարհային տերությունների անպատասխանատվությունը՝ որպես միջազգային անվտանգության գլխավոր երաշխավորների, ինչը հանգեցնում է նոր ցեղասպանածին պետությունների ստեղծմանը և այդ հանցավոր վարքագծի լեգալացմանը:

ГЕНОЦИД АРМЯН: ИМПЕРАТИВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ВЕК СПУСТЯ

Александр Манасян

Резюме

Егерн – Геноцид армянского народа на своей родине – после длящегося десятилетиями периода замалчивания сравнительно недавно стал предметом открытого политического обсуждения. В переосмыслении нуждаются многие факты, относящиеся к злодеянию, понятия и формулировки, в том числе широко распространенная и задающая рамки общественного восприятия проблемы формула «Геноцид армян в Османской империи в 1915-1923гг.», которая не соответствует фактическому и политическому содержанию преступления. По сей день вне состава преступления остается геноцид армянства Восточного Закавказья. Адекватно не оценены как международно-политические последствия Егерна, так и безответственность в этом вопросе мировых держав как главных гарантов международной безопасности, которая ведет к учреждению новых геноцидогенных государств и легализации этого преступного поведения.

THE ARMENIAN GENOCIDE: AN IMPERATIVE FOR POLITICAL RECONCEPTUALIZATION A CENTURY AFTER THE MEDZ YEGHERN

Aleksandr Manasyan

Resume

Yeghern - the Genocide of Armenians in their homeland - only recently became a subject for open political discussion, after decades of silence. Numerous facts, concepts and statements concerning *Yeghern* (The Armenian Genocide) await new interpretation. On the eve of the 100th anniversary of the Armenian Genocide we draw the attention of the world community to some of these facts. The principal conclusion of this analysis stems from the concept according to which the widely held and publicized formula of "The Armenian Genocide in the Ottoman Empire in 1915-1923" does not fully reflect the factual and political content of this crime against humanity. In particular, the massacres of the Armenians in Transcaucasia in 1918 and 1920 escaped the *corpus delicti* of the crime of genocide. The international political consequences of *Yeghern* as a crime against humanity have not been fully assessed. In the same manner the consequences of the superpowers' irresponsibility toward the phenomenon of *Yeghern* has not been comprehended yet in all respects. This is the main reason why new genocidal states have been established and this kind of criminal behavior paves its way to be legalized.

ПЕРВОСТЕПЕННЫЕ ЗАДАЧИ НА ПУТИ ЭФФЕКТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ

*Алексей Шанявский**

Ключевые слова: Армения, Россия, Евразийский экономический союз, Европейский союз, Евразийская экономическая комиссия, эффективная интеграция, первостепенные задачи, ЕАЭС, ЕС, ЕЭК

Введение

С наступлением 2015г. Республика Армения обрела новый международно-правовой статус: страна стала государством-участником самого перспективного интеграционного проекта на постсоветском пространстве с момента распада СССР. Согласно подписанному в октябре 2014г. соглашению, Армения со 2 января 2015г. стала полноправным членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС), ранее образованного тремя странами: Белоруссией, Казахстаном и Россией [1]. На прошедшем 16 апреля 2015г. в Санкт-Петербурге международном форуме «Евразийская экономическая перспектива» член коллегии (министр) Евразийской экономической комиссии К.А.Минасян назвала одной из главных задач Армении в текущем году процесс адаптации к стандартам Союза; также она отметила, «что есть еще ряд проблемных вопросов в процессе присоединения, которые требуют доработки. В частности, речь идет о вопросах трудовой миграции и косвенного налогообложения. Но они обсуждаются, и по ним идет поиск оптимальных решений» [2]. При этом не менее актуальными на сегодняшний день представляются и другие вопросы. Прежде всего, требует ускорения процесс приведения законодательства Армении в соответствие с правилами ЕАЭС. Вместе с тем имеется потребность в установлении РА надежного транспортного сообщения с остальными странами-участницами Евразийского экономического союза. Кроме того, требуется минимизировать последствия

* Магистрант факультета Международных отношений, Санкт-Петербургского гос. университета.

ухудшившейся с началом 2015г. финансово-экономической ситуации в стране. Наконец, остается открытым вопрос, сумеет ли Армения в текущем году стать площадкой для диалога Европейского и Евразийского союзов.

Цель данной статьи состоит в установлении первостепенных задач на пути эффективной интеграции Республики Армения в Евразийский экономический союз.

Первые итоги участия Армении в ЕАЭС

Анализируя нынешнее состояние Евразийского экономического союза, приходится констатировать, что первые серьезные успехи в экономической интеграции стран-участниц Союза еще впереди. Согласно отчету, размещенному на сайте Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), объем взаимной и внешней торговли государств-членов ЕАЭС в январе-феврале 2015г. по сравнению с аналогичным периодом 2014г. сократился на 31,1 и 29,8% соответственно [3]. Несмотря на такое неблагоприятное начало, Республика Армения стала единственной страной среди государств-участников Евразийского экономического союза, которой удалось сохранить самые высокие показатели внешней торговли. Экспорт армянских товаров за период января-февраля текущего года сократился всего на 7,8%, а взаимная торговля с Россией, главным партнером по ЕАЭС, упала на 22,2%, что также является самым низким показателем статистики взаимной и внешней торговли государств-участников Евразийского экономического союза [3].

По мнению экспертного сообщества, основной причиной такого положения стала девальвация российской валюты, вызванная как падением мировых цен на нефть, так и негативными последствиями введенных странами Запада санкций против России. Это неминуемо отразилось не только на членах Союза, но и на других странах постсоветского пространства, основной торговый оборот которых связан с Россией.

Столкнулась с этой проблемой и Республика Армения, которая с приходом 2015г. начала испытывать серьезные финансово-экономические трудности, вызванные, однако, сразу двумя внешними факторами. Первой причиной, как указано выше, стала резкая девальвация российской валюты в ноябре-декабре 2014г. Главным последствием падения рубля для армянской экономи-

ки явилось снижение частных трансфертов в страну. Объем денежных переводов армянских трудовых мигрантов из России за январь-февраль 2015г. сократился на 40,4%. При этом доля переводов из Российской Федерации (РФ) в Армению, составляет около 69,4% от совокупного объема частных трансфертов Республики и равняется 15% ВВП страны [4]. Второй причиной, неблагоприятно отразившейся на макроэкономических показателях Армении с началом 2015г., стало падение мировых цен на цветные металлы, торговля которыми является одной из основных статей армянского экспорта.

Несмотря на приведенные причины, ряд экспертов (Арамян А., Меграбян Р.) преждевременно указали, что сложившееся в экономике Армении положение в первую очередь связано со вступлением Республики в ЕАЭС. В действительности же существуют внешние причины, которые постоянно оказывают влияние на внутреннее состояние армянского государства. К ним, например, можно отнести продолжающуюся частичную транспортную блокаду Армении. Следовательно, переживаемые страной трудности нельзя полностью связывать с членством в Евразийском экономическом союзе.

Данной позиции придерживается К.А.Минасян, которая, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Голос Армении», подчеркнула, что уменьшение товарооборота между Арменией и Россией произошло по причине кризисной ситуации в российской экономике и никак не зависело от факта вступления или не вступления Республики Армения в ЕАЭС [5]. Необходимо отметить, что еще до присоединения Армении к Евразийскому экономическому союзу Российская Федерация на протяжении многих лет являлась главным торговым и инвестиционным партнером Республики, поэтому мнение о взаимосвязи нынешнего падения активности в армянской экономике в результате вступления страны в ЕАЭС не имеет под собой серьезных оснований. Более того, «инструментарий» Евразийского экономического союза призван эти трудности по возможности минимизировать [6].

В настоящее время финансово-экономическое положение Армении продолжает ухудшаться, и при отсутствии своевременных и последовательных решений рискует перерасти в реальное препятствие на пути эффективной интеграции республики в ЕАЭС. Принимая во внимание вышесказанное, следует выделить первостепенные задачи, от решения которых зависит то, насколько

действенно будет проходить процесс адаптации Армении к условиям Евразийского экономического союза в 2015г.

Первостепенные задачи Армении на пути интеграции в ЕАЭС

1. Увеличение товарооборота со странами-членами ЕАЭС

При признании сокращения объемов взаимной торговли Армении и Евразийского экономического союза главной проблемой становится очевидным, что именно наращивание товарооборота способно минимизировать негативные последствия, сложившиеся в первом квартале 2015г. Этот процесс становится возможным благодаря стабилизации курса российской валюты, а также замедлению инфляции в экономике России, что в перспективе должно положительно отразиться на покупательской способности основного потребительского рынка ЕАЭС [7]. Вместе с тем, не следует пренебрегать рынками Белоруссии и Казахстана: согласно статистике импорта между странами-участницами Союза, за январь-февраль 2015г. доля армяно-белорусской и армяно-казахстанской торговли оценивается в 0,1%, что свидетельствует о наличии значительных резервов для увеличения товарооборота с этими странами [8].

В настоящее время перед Арменией открыта беспрецедентная возможность поспособствовать реализации стратегии импортозамещения, принятой российским правительством в ответ на западные санкции 6 августа 2014г. Ниша, образовавшаяся в результате введенных Россией продовольственных контрсанкций, оценивается в \$200-320 млрд., при этом Армения, может рассчитывать на определенную долю этого рынка [9]. Именно поэтому среди первостепенных задач республики во втором и третьем кварталах 2015г. должна стать всесторонняя поддержка бизнеса и товаропроизводителей, чья продукция является востребованной на рынке стран ЕАЭС, и в первую очередь – России.

На состоявшейся 27 марта 2015г. встрече Союза работодателей Армении было отмечено, что ущерб 20 экспортеров коньяка, вин, консервов, фруктов и овощей по итогам торговли с декабря 2014 по февраль 2015г. составил порядка \$8 млн. Как отметил председатель Союза Г.Макарян, «на фоне обесценивания курса российской валюты цена продукции на рынке России не изменилась, в результате чего армянские экспортеры получают малую прибыль либо вовсе работают в убыток» [10]. Эта ситуация усугублялась и тем, что последовавшее за

девальвацией российского рубля падение курса армянского драма может привести к серьезным проблемам с погашением кредитов фермерскими хозяйствами, большинство из которых было оформлено в американской валюте. Такое положение армянских производителей повышает вероятность снижения темпов производства и реализации идущей на экспорт продукции. Начальник управления по развитию промышленности Министерства экономики Армении А.Еганян заявил, что правительство изучает сложившуюся ситуацию и планирует обсудить её с частным сектором для выработки механизма содействия [10].

Справедливо отметить, что для реализации подобной поддержки руководством Армении в феврале 2015г. была подана заявка в Евразийский банк развития (ЕАБР) на получение кредита бюджетной поддержки, а также на привлечение средств Антикризисного фонда для реализации ряда проектов в области дорожного строительства, ирригации, энергетики и сельского хозяйства. Однако, по заявлениям главы ЕАБР Д.В.Панкина, сделанным в ходе интервью корреспонденту информационного агентства «Арка» 14 апреля 2015г., данные обращения до сих пор находятся на рассмотрении [11]. В этой связи еще одной задачей Армении в настоящее время должна стать активизация контактов профильных министерств и Центробанка РА с руководством Евразийского банка для ускорения принятия положительного решения вопроса о пополнении армянского бюджета ликвидностью.

Возможным вариантом привлечения средств в экономику Армении может стать уникальное в своем роде экспортное положение республики в отношении торговли с Европейским союзом, Канадой, США и Японией, основанное на Обобщенной системе преференций (*GSP* и *GSP+*) [12]. Согласно льготным режимам торговли, более 6 тысяч товарных наименований экспортируются из Армении по нулевым или сниженным таможенным пошлинам. Следовательно, компании из стран ЕАЭС, став резидентами армянской экономики или открывая совместные предприятия, теоретически могут воспользоваться данным экспортным положением.

Такой вариант привлечения инвесторов, в том числе и в сельское хозяйство, отметила член коллегии (министр) ЕЭК К.А.Минасян на проходившем 30 марта 2015г. в Ереване круглом столе «Рынок евразийского экономического союза без барьеров». По её словам, «Армения и сейчас остается привлекатель-

ной страной для инвестиций, потому что имеет, во-первых, более либеральное законодательство (если мы говорим об экспорте), во-вторых, льготные торговые режимы, в том числе *GSP+*, что является важным фактором, который реально работает и может работать для того, чтобы Армения привлекала инвесторов. Необходимо просто показать бизнесу те возможные ниши, в которых Армения реально имеет потенциал. К примеру, сельское хозяйство, где есть неограниченные возможности для привлечения инвестиций» [5].

II. Приведение законодательства Армении в соответствие с правилами ЕАЭС

Одной из основных причин падения армянского товарооборота по итогам января-февраля 2015г. следует назвать также как правовую и техническую неподготовленность таможенных служб республики, так и неосведомленность бизнеса и импортеров о новых правилах оформления грузов и уплаты пошлин в связи с началом работы Евразийского экономического союза. Председатель Союза работодателей Армении Г.Макарян назвал виновником сложившейся ситуации правительство, которое своевременно не разъяснило вступающие в силу новые правила таможенного оформления. По его замечанию, «предприниматели вынуждены самостоятельно изучать, как оформлять тот или иной товар, ввозимый в страну» [13]. Это произошло потому, что ни запущенная 22 декабря 2014г. горячая линия по вопросам ЕАЭС, ни специально сформированное 25 декабря 2014г. правительством Армении Министерство международной экономической интеграции и реформ просто не успели принять соответствующие меры. В дополнение к этому негативную роль сыграли каникулы правительства Армении, продолжавшиеся до 14 января 2015г., о чём как об одной из многих причин спада экспорта было сказано в официальном разъяснении Министерства экономики РА [14].

Следует отметить, что на конец первого квартала нынешнего года остался нерешенным ряд проблем, связанных с таможенно-тарифным и нетарифным регулированием. Впоследствии сложившаяся в данной сфере ситуация оказалась настолько злободневной, что была дважды рассмотрена в марте текущего года. Впервые – на круглом столе «Развитие сотрудничества с Арменией в рамках ЕАЭС – особенности и перспективы», проводившемся Торгово-промышленной палатой России 4 марта 2015г. Во второй раз данный вопрос был под-

робно рассмотрен в рамках проходившего 30 марта в Ереване совещания «Рынок Евразийского экономического союза без барьеров», организованного Евразийской экономической комиссией совместно с Союзом промышленников и предпринимателей Армении. Участники данной встречи признали, что адаптационный период, связанный с членством Республики в ЕАЭС, проходит на фоне институциональных препятствий и ограничений при интеграции армянского бизнес-сообщества в единое экономическое пространство. В результате этого большинство предпринимателей не знают, как им поступать в той или иной ситуации. Итогом совещания стала договоренность о том, что Союз промышленников и предпринимателей Армении станет официальным консультативным членом Евразийской экономической комиссии [5].

Вследствие этого не менее важной задачей Армении должно стать окончательное приведение национального законодательства в соответствие с правилами и нормами Евразийского экономического союза. Причем сделать это необходимо до начала активной фазы экспорта продовольственной продукции, чтобы не подвергать дополнительному риску планы по наращиванию товарооборота. Реализации этой задачи могут способствовать средства, выделенные Россией в рамках технического содействия вступлению страны в ЕАЭС. Согласно одобренному 26 марта 2015г. Министерством финансов Армении соглашению с Российской Федерацией, «средства будут предоставлены по шести основным направлениям, предусмотренным «дорожной картой» по присоединению Армении к Таможенному союзу и ЕАЭС, в частности, сферам таможенного администрирования, технического регулирования, реализации санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мероприятий, статистики, промышленности и общего информирования. В рамках предусмотренных средств российская сторона обеспечит Армению необходимым для предоставления соответствующих услуг оборудованием, техникой, программным обеспечением. В то же время российская сторона обеспечит обучение и повышение квалификации армянских специалистов» [15].

III. Установление надежного транспортного сообщения со странами ЕАЭС

Следует признать, что сегодня проблема отсутствия у Армении общих границ с партнерами по евразийской интеграции утратила свою остроту, но не потеря-

ла актуальность. Выход из данной ситуации был найден практически сразу после подписания президентом Армении С.А.Саргсяном Договора о присоединении страны к Евразийскому экономическому союзу. Согласно договоренностям с Грузией, достигнутым в октябре 2014г., Армения в настоящее время поставляет свою продукцию в страны ЕАЭС через грузинскую территорию без таможенных последствий, однако с оформлением стандартной транзитной декларации и специального идентификационного ярлыка, на тот случай, если в пути её будут сопровождать грузы из других стран [16].

Вместе с тем существующие варианты доставки армянских товаров на территорию партнеров по ЕАЭС и наоборот продукции стран Союза на рынок Армении с учетом планов повышения взаимного товарооборота в обозримой перспективе представляются все менее надежными и несут дополнительные риски на пути эффективной интеграции Республики Армения в Евразийский экономический союз.

Среди угроз полноценному транзиту, осуществляемому в настоящее время морским путем от порта «Кавказ» до грузинского портового города Поты (далее по железной дороге до границы с Арменией) и сухопутным маршрутом Военно-Грузинской дороги с пересечением российской границы на КПП «Верхний Ларс», можно выделить широкий спектр как сезонных, так и постоянных проблем. Например, с трассой Военно-грузинской дороги связаны природно-климатические опасности – сходы оползней, селей или лавин, снегопады, метели и камнепады, – которые снижают пропускную способность дороги и увеличивают количество аварийных ситуаций. Другой проблемой армянских перевозчиков на этом направлении становится постоянно увеличивающийся грузопоток из Турции, также следующий транзитом в направлении России через грузинскую территорию [17]. Принимая во внимание тот факт, что именно на сухопутный маршрут приходится более половины армянского экспорта в страны ЕАЭС, следует признать, что данные обстоятельства могут оказать негативное влияние на рост товарооборота. В свою очередь морскому сообщению угрожает похожая проблема. Дело в том, что магистрали между Арменией и грузинскими портами, а также из Армении в российском направлении фактически «сходятся» в центральногрузинском (тбилисском) железнодорожном узле, где в настоящее время отмечается рост транзитных грузопотоков из Азербай-

байджана и Казахстана [18]. Кроме того, по сравнению с сухопутным маршрутом, морской является более затратным с точки зрения времени и финансов, что связано с перевалками груза в портах.

Самым вероятным решением сложившейся транспортной дилеммы могло бы стать возобновление прямого железнодорожного сообщения Армении и России через территорию Грузии и Абхазии. Однако учитывая нынешнюю сложную ситуацию в отношениях Грузии и России, связанную с Абхазией и Южной Осетией, восстановление данного маршрута в ближайшее время едва ли возможно. Вместе с тем начавшийся в 2012г. на уровне специального представителя премьер-министра Республики Грузия по вопросам взаимоотношений с Россией З.И.Абашидзе и заместителя министра иностранных дел Российской Федерации Г.Б.Карасина диалог Грузия–Россия дает надежду, что решение данного вопроса будет найдено в обозримом будущем.

Подтверждением этого предположения может выступать факт постоянно увеличивающегося товарооборота между двумя странами. Если в 2013г. Россия была четвертым крупнейшим торговым партнером Грузии, то по итогам 2014г. переместилась на третье место, а объем российско-грузинской торговли достиг \$852,6 млн., что на 9,5% больше по сравнению с результатами предыдущего года [19]. В свою очередь, Армения, имеющая в настоящее время льготный режим торговли с Грузией и заинтересованная в стабильном транспортном обеспечении национального бизнеса, может выступить посредником между грузинской и российской стороной. Таким образом, данная задача должна стать определяющей для армянского руководства, поскольку от её успешного решения зависит будущее полноценного участия Армении в Евразийском экономическом союзе.

В настоящий момент Республика Армения делает ставку на увеличение автомобильных перевозок. Подтверждением этому служит недавнее соглашение с Республикой Грузия о строительстве нового пограничного моста, так как существующий «Мост дружбы», который был построен еще в советское время, уже не справляется с возросшим транспортным потоком [20]. Несмотря на то, что в имеющихся на сегодня условиях это вполне оправданное решение, стоит отметить, что в перспективе оно не решает основы транспортной проблемы, и только возобновление железнодорожного сообщения способно эффективно интегрировать Армению в ЕАЭС.

IV. Армения как площадка для диалога ЕАЭС и Европейского союза

Современную интеграционную политику Республики Армения следует признать исключительным явлением. Стране, которая до сегодняшнего дня находится в полублокаде, используя сформировавшуюся в 1990-е годы стратегию комплементаризма¹, удалось наладить довольно тесные и взаимовыгодные связи со многими государствами западного мира, не испортив при этом отношений с Россией, являющейся для Армении стратегическим партнером и союзником, обеспечивающим гарантию национальной безопасности.

Решение армянского государства двигаться в направлении евразийской интеграции и формирования ЕАЭС, объявленное в сентябре 2013г. и закрепленное в октябре 2014г., не помешало Армении продолжить конструктивный политический диалог с Европейским союзом. Результатом этого диалога может стать политическое соглашение об ассоциации республики с ЕС, подписание которого, по предварительной информации, состоится в мае 2015г. на саммите «Восточного партнерства» в Риге [21].

Имея подобное исключительное положение, Республика Армения могла бы содействовать возобновлению «похолодевших» отношений России и Евросоюза и в перспективе принять самое деятельное участие в формировании единого экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока», в котором по-прежнему есть заинтересованность в Европе [22]. О готовности Армении стать посредником между ЕАЭС и ЕС заявил президент страны С.А.Саргсян. Выступая 9 апреля 2015г. на встрече с итальянскими парламентариями в Риме, он сказал: «Будучи членом ЕАЭС и имея в составе этой структуры самые близкие Евросоюзу стандарты, мы можем стать мостом между европейскими странами, в том числе Италией, и 170-миллионным рынком Евразийского экономического союза» [23]. Однако армянское государство оказалось не одиноким в этой идее и возможным конкурентом республики может стать еще одна страна – участница Союза.

Следует сказать, что помимо Армении на роль посредника между ЕАЭС и ЕС пытается претендовать Республика Белоруссия. По словам первого замести-

¹ Подробнее о стратегии комплементаризма см.: *Минасян С.*, Внешняя политика постсоветской Армении: 20 лет одновременно на нескольких стульях // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. №1, сс. 85-92; *Микаелян Г.*, Внешняя политика Армении: попытка совместить интересы США, Европы и России // *Центральная Азия и Кавказ*. 2009. №3(63), сс. 137-146.

теля министра иностранных дел Белоруссии А.Ю.Михневича, «белорусы сознательно и ответственно рассматривают перспективы сближения между недавно созданным Евразийским экономическим союзом и Евросоюзом и готовы максимально вкладываться в этот процесс» [24]. В качестве основного довода в пользу своего преимущества как площадки для решения вопросов о возможном сотрудничестве ЕАЭС и ЕС Белоруссия указывает свою активную миротворческую деятельность на постсоветском пространстве. Данный аргумент, вероятно, показался Европейскому союзу убедительным, и уже появилась информация, что члены союза стали обсуждать возможное размораживание отношений с Белоруссией [25].

Вследствие этого одной из актуальных задач Армении в этом календарном году, требующей постоянного внимания в свете возможной конкуренции с Белоруссией, должно стать формирование авторитетного имиджа республики как эффективной площадки для конструктивного диалога руководителей Евразийского и Европейского союзов.

Заключение

Изучая первые шаги в участии Армении в Евразийском экономическом союзе, мы пришли к выводу, что перед республикой открылись значительные перспективы и возможности, постепенная реализация которых позволит ей в обозримом будущем стать стабильным, инвестиционно-привлекательным и безопасным государством региона Южного Кавказа. Вместе с тем, на пути полноценного членства страны в ЕАЭС существует ряд проблем и возникших в связи с этим задач, от решения которых зависит, насколько быстрым и эффективным будет являться процесс интеграции Армении в единое евразийское пространство.

Анализируя имеющиеся в настоящее время проблемы Армении как страны-участника ЕАЭС, можно выделить следующие первостепенные задачи, решению которых необходимо уделить самое пристальное внимание в 2015г. Первой и самой главной задачей является привлечение в армянскую экономику инвестиций, так как без достаточного объема кредитно-денежной поддержки будет невозможно полноценно решить следующие по значимости проблемы. Второй задачей представляется увеличение армянского экспорта на территорию стран-партнеров по ЕАЭС, в связи с чем встает необходимость в под-

держке государством тех отраслей производства и бизнеса в Армении, продукция которых востребована на рынках Союза. Третьей задачей республики должно стать окончательное завершение процесса гармонизации национального законодательства с нормами и правилами, применяемыми на территории Евразийского экономического союза, так как отсутствие единого правового поля является серьезным барьером для армянского бизнес-сообщества и грозит дополнительными рисками на пути увеличения товарооборота. Четвертой и одной из главных на ближайшее время задач должно стать окончательное решение надежности транспортного сообщения Армении с остальными странами Евразийского союза, в противном случае любые попытки повысить уровень эффективности интеграции Республики в ЕАЭС будут сводиться к максимальным в нынешних неблагоприятных условиях значениям. Пятой задачей, перспектива выполнения которой может серьезно увеличить международный авторитет Армении, должно стать исполнение страной роли площадки для развития взаимовыгодного диалога Евразийского и Европейского союзов.

Подводя итоги всему вышеизложенному, мы приведем слова заведующей отделом по экономическим вопросам Института стран СНГ МИД России, экономиста А.Мигранян, заявившей: «Членство в Евразийском союзе не решает экономические проблемы ни России, ни Казахстана, ни Беларуси, ни Армении. Оно является окном возможностей» [26]. Соответственно, если РА сможет оперативно и качественно решить стоящие перед ней задачи, то вслед за недолгим периодом адаптации к новым условиям существования перед ней откроются самые широкие возможности, связанные с участием в Евразийском экономическом союзе.

Май, 2015г.

Источники и литература

1. Армения присоединяется к Евразийскому экономическому союзу // Информационное агентство «Итар-Тасс» 2015. 2 янв. <http://tass.ru/ekonomika/1681738> (Дата обращения: 08.05.2015).
2. Министр ЕЭК Карине Минасян: «Минимизировать последствия экономического кризиса для стран ЕАЭС можно только путем углубления интеграции» // Евразийская экономическая комиссия. 2015. 17 апр. <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-04-2015-1.aspx> (Дата обращения: 09.05.2015).

3. Об итогах внешней и взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. 2015. 15 апр. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/express/Feb2015.pdf (Дата обращения: 09.05.2015).
4. Частные трансферты в Армению за январь-февраль снизились на 40,4% до \$122,3 млн. // Финансово-банковский портал «armbanks.am». 2015. 18 апр. <http://www.armbanks.am/2015/04/18/86851/> (Дата обращения: 09.05.2015).
5. Гезалян Л., Чтобы услышали, бизнес не должен молчать // Общественно-политическая газета «Голос Армении». 2015. 6 апр. <http://golosarmenii.am/article/27378/chtoby-uslyshali--biznes-ne-dolzhen-molchat> (Дата обращения: 09.05.2015).
6. Мартиросян С., О некоторых проблемах экономики Армении // Интернет-портал «Ритм Евразии». 2015. 12 март. <http://www.ritm Eurasia.org/news--2015-03-12--o-nekotoryh-problemah-ekonomiki-armenii-17046> (Дата обращения: 10.05.2015).
7. Инфляция в России замедлилась – чего ждать потребителям? // Интернет-проект «ИноСМИ.ru». 2015. 10 мая. <http://inosmi.ru/russia/20150510/227954911.html> (Дата обращения: 10.05.2015).
8. Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. 2015. 27 апр. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/Analytics_I_201502.pdf (Дата обращения: 10.05.2015).
9. Армения может рассчитывать на нишу на рынке импортозамещения России, оцениваемом в \$200-320 млрд. // Газета «Еркрамас». 2015. 28 янв. <http://www.yerkramas.org/article/86882/armeniya-mozhet-rasschityvat-na-nishu-na-rynke-importozameshhenii-rossii--ocenivaemom-v-200-320-mlrd-> (Дата обращения: 10.05.2015).
10. Петросян Т., Экспортеры сельхозпродукции попросили власти Армении поддержать производителей // Интернет-СМИ «Кавказский Узел». 2015. 29 март. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/259638/> (Дата обращения: 10.05.2015).
11. Дмитрий Панкин: ЕАБР готов расширять масштабы инвестиционной деятельности в приоритетных для Армении областях // Информационное агентство «Арка». 2015. 14 апр. http://www.arka.am/ru/news/interview/dmitriy_pankin_eabr_gotov_rasshiryat_masshtaby_investitsionnoy_deyatelnosti_v_prioritetnykh_dlya_arm/ (Дата обращения: 10.05.2015).
12. Армения. Регулирование внешней торговли // Портал внешнеэкономической информации Минэкономразвития РФ. http://www.ved.gov.ru/exportcountries/am/about_am/laws_ved_am/laws_trade_am/ (Дата обращения: 11.05.2015).
13. Петросян Т., Новые правила таможенного оформления в Армении создали сложности для импортеров // Интернет-СМИ «Кавказский Узел». 2015. 13 янв. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/255466/> (Дата обращения: 11.05.2015).
14. Comments about foreign trade indicators of January 2015 // Ministry of Economy of the Republic of Armenia. 2015. 21 Feb. <http://www.mineconomy.am/eng/561/1/news.more.html> (Дата обращения: 11.05.2015).
15. Россия безвозмездно предоставит Армении \$47 млн. и 130 млн. рублей для содействия вступлению страны в ЕАЭС // Информационно-аналитическое агентство «PanARMENIAN.Net». 2015. 27 март. <http://www.panarmenian.net/rus/news/189870/> (Дата обращения: 11.05.2015).
16. Армения заявила о готовности поставлять свои товары в страны ЕАЭС через территорию Грузии // Международное информационное агентство «Россия сегодня». 2014. 18 окт. <http://ria.ru/world/20141018/1028912693.html> (Дата обращения: 12.05.2015).

17. *Арешев А.*, «Железная дорога» грузино-абхазского примирения // Независимая международная газета «Ноев Ковчег». 2015. Янв. №1. <http://noev-kovcheg.ru/mag/2015-01/4878.html> (Дата обращения: 12.05.2015).
18. *Чичкин А.*, Россия – Грузия – Армения – Иран: требуются новые коридоры // Сайт Научного общества кавказоведов (НОК). 2015. 30 март. <http://www.kavkazoved.info/news/2015/03/30/rossia-gruzia-armenia-iran-trebujutsja-novye-koridory.html> (Дата обращения: 12.05.2015).
19. *Агаджанян М.*, Россия – Грузия – Армения: «Тихая» интеграция прокладывает дорогу к общему рынку // Сайт Научного общества кавказоведов (НОК). 2015. 6 март. <http://www.kavkazoved.info/news/2015/03/06/rossia-gruzia-armenia-tihaja-integracia-prokladyvaet-dorogu-k-obshchemu-ryнку.html> (Дата обращения: 13.05.2015).
20. Парламент Армении одобрил строительство моста в Грузию // Интернет-СМИ «Кавказский узел». 2015. 5 мая. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/261795/> (Дата обращения: 13.05.2015).
21. Представитель ЕС анонсировал начало переговоров о подписании соглашения с Арменией // Интернет-СМИ «Кавказский Узел». 2015. 11 апр. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/260427/> (Дата обращения: 13.05.2015).
22. Германия выступает за «большую Европу» от Владивостока до Лиссабона // «Независимая газета». 2015. 7 февр. <http://www.ng.ru/news/493167.html> (Дата обращения: 13.05.2015).
23. Президент С.Саргсян: Армения может стать мостом между Евросоюзом и 170-миллионным рынком ЕАЭС // Интернет-СМИ «Panorama.am». 2015. 10 апр. <http://www.panorama.am/ru/politics/2015/04/10/serzh-sargsyan1-rome/> (Дата обращения: 14.05.2015).
24. *Павловец Ю.*, Белоруссия может стать мостом между ЕАЭС и ЕС // Интернет-портал «Ритм Евразии». 2015. 10 апр. <http://www.ritmeurasia.org/news--2015-04-10--belorussija-mozhet-stat-mostom-mezhdu-eaes-i-es-17470> (Дата обращения: 14.05.2015).
25. ЕС может пригласить Лукашенко на саммит Восточного партнерства в Риге // Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг». 2015. 20 февр. <http://top.rbc.ru/politics/20/02/2015/54e7414f9a7947b23a1f6a0c> (Дата обращения: 14.05.2015).
26. *Шогибян О.*, Торговля между странами-членами ЕАЭС сократилась // Газета «Еркрамас». 2015. 2 апр. <http://www.yerkramas.org/article/89166/torgovlya-mezhdu-stranami-chlenami-eaes-sokratilas> (Дата обращения: 14.05.2015).

**ԵՎՐԱՍԻԱԿԱՆ ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ՄԻՈՒԹՅԱՆԸ
ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴՅՈՒՆԱՎԵՏ
ԻՆՏԵԳՐՄԱՆ ԱՌԱՋՆԱՀԵՐԹ ԽՆԴԻՐՆԵՐԸ**

Ալեքսեյ Շանյավսկի

Ամփոփագիր

2015թ. Հայաստանի Հանրապետությունը ձեռք բերեց նոր միջազգային-իրավական կարգավիճակ. երկիրը դարձավ ԽՍՀՄ փլուզումից հետո հետխորհրդային տարածքում ամենահեռանկարային ինտեգրացիոն նախագծի մասնակից պետություն:

Ուսումնասիրելով Եվրասիական տնտեսական միությանը Հայաստանի մասնակցության առաջին քայլերը՝ հողվածագիրը հետևություն է անում, որ հանրապետության առջև բացվել են զգալի հեռանկարներ և հնարավորություններ, որոնց աստիճանական իրագործումը թույլ կտա նրան տեսանելի ապագայում դառնալ կայուն, ներդրումային առումով գրավիչ և անվտանգ պետություն Հարավային Կովկասի տարածաշրջանում: Միննույն ժամանակ, ԵԱՏՄ-ին երկրի լիարժեք անդամակցության ճանապարհին կան մի շարք խնդիրներ, որոնց լուծումից է կախված այն, թե որքան արագ և արդյունավետ կլինի միասնական եվրասիական տարածքին Հայաստանի ինտեգրման գործընթացը:

ПЕРВОСТЕПЕННЫЕ ЗАДАЧИ НА ПУТИ ЭФФЕКТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Алексей Шанявский

Резюме

С наступлением 2015г. Республика Армения обрела новый международно-правовой статус: страна стала государством-участником самого перспективного интеграционного проекта на постсоветском пространстве с момента распада СССР. Изучая первые шаги в участии Армении в Евразийском экономическом союзе, в статье делается вывод, что перед республикой открылись значительные перспективы и возможности, постепенная реализация которых позволит ей в обозримом будущем стать стабильным, инвестиционно-привлекательным и безопасным государством региона Южного Кавказа. Вместе с тем, на пути полноценного членства страны в ЕАЭС существует ряд проблем и возникших в связи с этим задач, от решения которых зависит, насколько быстрым и эффективным будет являться процесс интеграции Армении в единое евразийское пространство.

PRIMARY TASKS ON THE WAY TO EFFECTIVE INTEGRATION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA IN EURASIAN ECONOMIC UNION

Alexey Shanyavsky

Resume

The article reviews the first results of participation of the Republic of Armenia in the Eurasian Economic Union. The interlink of the current economic situation in Armenia and crisis trends in Russia, the largest economy of EAEU, are analyzed. The primary tasks on the way to effective Eurasian integration of the Republic of Armenia under the current circumstances are identified. Potential solutions to existing problems are offered, implementation of which will determine how quickly the Armenian state would overcome the adaptation process and become a full-fledged member of the Eurasian Economic Union.

ПЯТЬ ИЗМЕРЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

предложения для Армении

*Игорь Багрян**

Ключевые слова: компоненты государственной экономической политики, кризис, эффективность развития, инфраструктурные проекты, планирование развития

Введение. Постановка проблемы

Критерием эффективности государственной экономической политики является ее соответствие наиболее актуальным задачам общественного развития в текущем и будущем отрезках времени. Достижение эффективности обеспечивается тремя факторами: структурой компонент-измерений экономической политики; соотношением между ними; содержанием, которое вкладывается в каждую компоненту.

Кризисные ситуации в экономике на национальном и, особенно, на глобальном уровне заставляют кардинально пересматривать существующие представления об этих трех факторах. Выход из кризиса наступает тем скорее и эффективнее, чем на более глубокой методической основе происходит разрушение старых стереотипов.

Цель первой части работы – дать сжатое концептуальное описание процесса последовательного формирования компонент-измерений экономической политики и связанных с ними представлений.

Вторая часть работы посвящена объединению в единую систему посткризисных представлений об иерархической связи между этими компонентами, которые в той или иной степени уже нашли отражение в посткризисных публикациях, и дать на этой основе рекомендации для Армении.

* Советник ЦБ РА.

1. Хронология: этапы формирования и существующая содержательная интерпретация

Современный посткризисный анализ этого процесса позволяет установить, что все они четко связаны с созданием нового качества в общественной деятельности, возникающего как результат развития, то есть как результат причинно-следственной связи: развитие – качество. Можно сказать, что развитие – это особый вид динамики, завершающейся возникновением нового качества. Сказанное нашло свое отражение в названиях первых двух измерений.

Создание предпосылок для развития – Мейнстрим I

Исторически содержание этого первого измерения (компоненты) экономической политики определилось фетишизацией, культом рынка, идущим от формулы рынка А.Смита: пороки каждого – благосостояние всех. В этой формуле рынку отводилась роль волшебного философского камня, переплавляющего отдельные эгоистические стремления к максимизации дохода в рост общественного благосостояния.

Сама формула, несмотря, а, может быть, и благодаря своей сжатости, содержит два противоречивых ёмких тезиса. Первый из них фиксирует факт порочности, доминирования эгоистичного стремления к максимизации дохода. Другой утверждает принципиальную возможность получения добра (общественное благосостояние) из зла-Эго: здесь принципиально важной является не легитимизация эгоизма, а опора на него как на главную движущую силу.

В теоретико-методическом отношении эта формула опиралась на теорию экономического равновесия Л.Вальраса, ставшую основой мейнстрима I. В рамках этой теории доказывается возникновение равновесных цен, устанавливающих балансовые соотношения между затратами и доходами субъектов рынка, стремящихся максимизировать свой доход.

Анализ математической постановки экономического равновесия сделал очевидными достаточно жесткие требования к рынку, которые должны гарантировать его усредняющую роль. Важнейшим из них является равноправие субъектов рынка по двум аспектам: организационном – не допускается возможность влияния на цены; информационном – вся необходимая информация одинаково доступна всем. Обеспечение выполнения этих требований возлагается на государство, и оно составляет суть первой предпосылки для развития (1.1.).

Вторая предпосылка для развития связана с необходимостью обеспечения для субъектов экономики и общества в целом прогнозируемости ключевых макроэкономических показателей: инфляции, курса национальной валюты, параметров налоговой системы (1.2.).

Третье требование вытекало из необходимости проектировать и реализовывать важнейшие инфраструктурные проекты, лежащие вне компетенции рынка (1.3.).

Приведенные три требования к государственной экономической политике: (1.1); (1.2); (1.3) составляют содержание 1-го измерения этой политики – создание предпосылок для развития.

1.2. Планирование развития

Экономическая теория, связанная с первым измерением государственной экономической политики, впоследствии стала мейнстримом – доминирующим течением.

В данной работе она обозначена как мейнстрим I, так как следующий этап развития экономической теории связан с институционализмом, который стал доминировать вначале в США, а затем на всем Западе – мейнстрим II.

В рамках мейнстрима I предполагали, что выполнение трех требований к государственной экономической политике (1.1); (1.2); (1.3) является не только необходимыми, но и достаточными условиями развития экономики, то есть при соблюдении этих требований рынок становится самодостаточным институтом. Однако очень скоро международная конкуренция в экономической сфере, обостренная политическим и военно-стратегическим факторами, убедительно доказала, что возможности рынка весьма ограничены. Рынок по своей природе статичен и способен лишь медленно эволюционировать.

Этот факт четко отобразился в моделях равновесного экономического роста, в которых выходной показатель – валовый внутренний продукт (*GDP*) выступает функцией факторов: труд, капитал, инвестиции. В наиболее развитой форме эти модели включают отдачу от вложений в возможности человека – человеческий капитал.

Современная, особенно посткризисная критика обоснованно отмечает, что в этих моделях принципиально отсутствует возможность возникновения

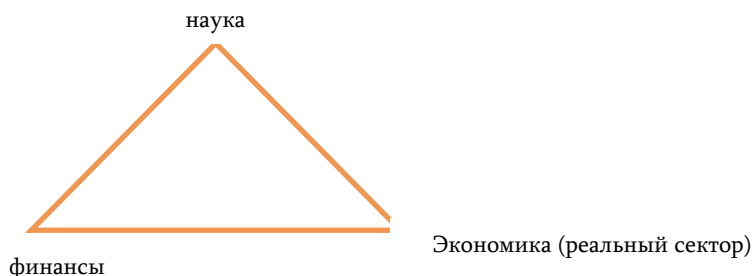
положительных («экономическое чудо») или отрицательных (кризис) качественных изменений). Эти модели несут в себе информацию о возможностях бескачественных эволюционных изменений.

Это обстоятельство обусловило новое требование к государственной политике – планирование качественных изменений или, что то же самое, создание процесса развития.

На современном этапе это требование приобрело форму широко известного на Западе и во всем мире принципа: планирование развития (*development planning*). Это планирование в неявной форме опирается на тезис о том, что развитие объекта выражается в изменении его структуры.

На начальном этапе планирование развития рассматривалось как изолированное планирование будущей структуры трех ключевых институтов общества: наука, экономика (реальный сектор), финансы. В соответствии с таким подходом ответственность за планирование развития исчерпывалась отдельными государственными органами.

На следующем этапе пришло понимание того факта, что развитие всех трех институтов резко ускоряется, если рассматривать развитие взаимосвязано. В соответствии с этим подходом возникает новая функция системного планирования развития как компоненты государственной политики. Этот подход были формализован специалистами американской корпорации *RAND* в форме понятия национальной инновационной системы США, объединяющей все три института в единый треугольник.



(1)

Целостность функции планирования развития выражается в целостности НИС как результата государственной политики, обеспечивающей цикличное выполнение функций:

- генерация идей
- трансформация идей в экономический продукт
- спрос на новые экономические продукты

Этим функциям соответствуют институты:

- наука, образование, искусство
- финансовая система, малый и средний наукоемкий бизнес
- крупный капитал (олигархи), региональные и городские хозяйства, государственные министерства.

Сегодня уже бесспорно, что каждая страна, опираясь на международный опыт, должна найти свою модель НИС, которая является важнейшим критерием уровня развития страны.

1.3. Институциональное развитие. Мейнстрим II.

Формирование каждого нового измерения (компонента) государственной экономической политики протекало на фоне обострения понимания существенной недостаточности уже существующих измерений.

Казалось, первые два измерения – создание предпосылок для развития и планирование развития – исчерпывают все возможные компоненты государственной политики. Однако практика показала, что для эффективности государственного управления далеко не безразлично в каких организационно-правовых формах осуществляется реализация компонент государственной политики. Это обстоятельство стимулировало возникновение нового направления экономической теории – *институционализма*, который выделил в качестве объекта исследования организационно-правовые структуры – институты. При этом понятие «правовые» рассматривалось в широком смысле: не только как формально-юридическое представление, но и неформальные общепринятые нормы.

Образно институт можно представить себе как мост, один конец которого связан с востребованной обществом функцией, а другой – с психологическими особенностями национального менталитета. Согласно нобелевскому лауреату Д.Норту, институт – это добровольно принятый Кодекс поведения. Дж.Ходжсон – современный лидер институционализма, автор «Манифеста современной эко-

номической теории», считает, что психологической основой института выступает привычка, рутинное поведение. Общие для больших групп людей или народа в целом рутинные подсознательные программы являются основой института.

Известный американский экономист У.Гамильтон пишет, что институт выражает преобладающий и постоянный способ мышления, который стал привычным для группы людей или народа. Институциональная структура снижает информационную неопределенность при принятии решений в повседневной жизни, за счет их рутинной автоматизации.

В процессе воспитания личности институциональная структура переводит на подсознательный, иррациональный уровень большую часть мыследеятельности человека. Этот фактор обуславливает как положительные, так и отрицательные последствия. Положительной стороной рутинизации принято считать явление профессионализма. С позиций институционализма любую социальную систему от личности до общества в целом можно рассматривать как совокупность рутинных, подсознательных программ-институтов, задающих реакции этой самой системы. Сказанное составляет суть теории фирмы, устойчивость которой обусловлена набором рутинных программ, выражающих уровень ее профессионализма.

Отрицательный аспект рутинизации выражается в подавлении творческого начала в человеке. Об этом аспекте очень жестко высказался лауреат нобелевской премии Ф.Найт: «Самое вредное это не незнание чего-либо, а необходимость помнить чертову уйму вещей, которые в большей части не верны (не нужны)».

Единственным способом преодоления последствий рутинизации является рефлексия – внешний, отстраненный анализ рутинных стереотипов. Рефлексия выступает основой осознанного изменения институциональной структуры. Необходимость осознанной рефлексии вытекает из фундаментального факта обратной связи между государственной политикой и институциональной структурой.

Сегодня уже стал общепринятым тезис о том, что не инвестиции, а институциональная структура является решающим фактором развития экономики и общества. Затраты, которые несут субъекты экономики принято разбивать на две части: прямые и сопутствующие – трансакционные. Первые непосредст-

венно связаны с технологическим процессом производства товаров или услуг, а вторые обусловлены правовой и ментальной средой, в которую погружены субъекты рынка.

Неэффективная институциональная среда приводит к росту трансакционных затрат. По оценке американских экспертов, соблюдение законов в самом первом приближении оценивается в \$1,2 трлн. и примерно 40% из них имеют больше негативных последствий, чем положительных.

Проблема эффективности институциональной структуры стала на современном этапе ключевой как для развитых, так и развивающихся стран. Решение этой проблемы выводит на следующее, четвертое, измерение государственной экономической политики – культурологическое.

1.4. Культурно-цивилизационный (культурологический) фактор влияния на институциональную систему

Современная экономическая теория предъявляет следующие жесткие требования к формируемым в ходе государственной политики институтам. Прежде всего, это требование доверия к институту со стороны вовлекаемого в сферу его действия населения. Решающая значимость фактора доверия к государственным институтам (доверие по вертикали) и друг другу (по горизонтали) стала ключевым тезисом в работах известного американского социолога – экономиста Ф.Фукуямы.

Гораздо раньше об основополагающей значимости фактора доверия для национальной государственности в контексте чувства справедливости говорилось в книге Платона «Государство». Это чувство Платон считает ключевой чертой человеческой психики, определяющей возможность создания эффективного государства.

Другое ключевое требования к проектируемым институтам сформировалось в процессе обобщения устойчивых «экономических чудес», изменяющих статус страны в международном сообществе. Было подмечено, что радикальный экономический успех наступает только в случае предварительной консолидации общества. А это в свою очередь требует активизации в психике человека центростремительных, консолидирующих стимулов. Наиболее ярким примером такого стимула является стремление выпускать качественную продукцию.

Основоположник институционализма Т.Веблен утверждал, что в психике человека весомое место занимает «инстинкт мастера», стимулирующий делать свою работу качественно, независимо от оплаты. В развитой форме этот институт диктует стремление к самосовершенству – становлению Мастером. Можно сказать, что «инстинкт мастера» является ключевым «подарком» человечеству, обуславливающий его духовное развитие.

Уровень развития общества и экономики является прямым следствием соотношения между «инстинктом мастера» и стремлением к максимизации дохода. И германское, и японское экономические чудеса стали результатом официально поставленной перед народом задачи: германское (японское) – значит качественное. Теоретическому обоснованию сказанного посвящена концепция (парадигма) менеджмента идеологического отца японского экономического чуда Эдварда Деминга.

Из сказанного вытекает, что институциональная система должна установить иерархию между стимулами к созданию качественной продукции и стремлением к максимизации дохода.

1.5. Национальная безопасность

Вышеперечисленные четыре измерения государственной экономической политики образуют иерархическую систему в обратном хронологическом порядке: от четвертого к первому. Эта иерархия носит не детерминированный, однозначный характер, а контекстный, когда иерархия верхнего уровня задает возможные варианты нижнего. При этом между четвертым (культурологическим) и третьим (институциональным) измерениями существует обратная связь.

Современный этап осуществления государственной экономической политики отличает четкое понимание того ключевого обстоятельства, что все указанные четыре компоненты должны находиться в постоянной оболочке системы национальной безопасности. А именно: культурологическое измерение, связанное с национальным менталитетом, должно находиться в контексте духовно-психологической безопасности, частью которой выступает информационная безопасность; институциональное измерение – в контексте организационно-правовой безопасности; планирование развития и создание предпосылок для развития – в контексте экономической и финансовой безопасности.

2. Контекстная иерархия компонент экономической политики. Предложения для Армении

2.1. Концептуальная схема государственного управления экономикой. Основное условие институциональной политики

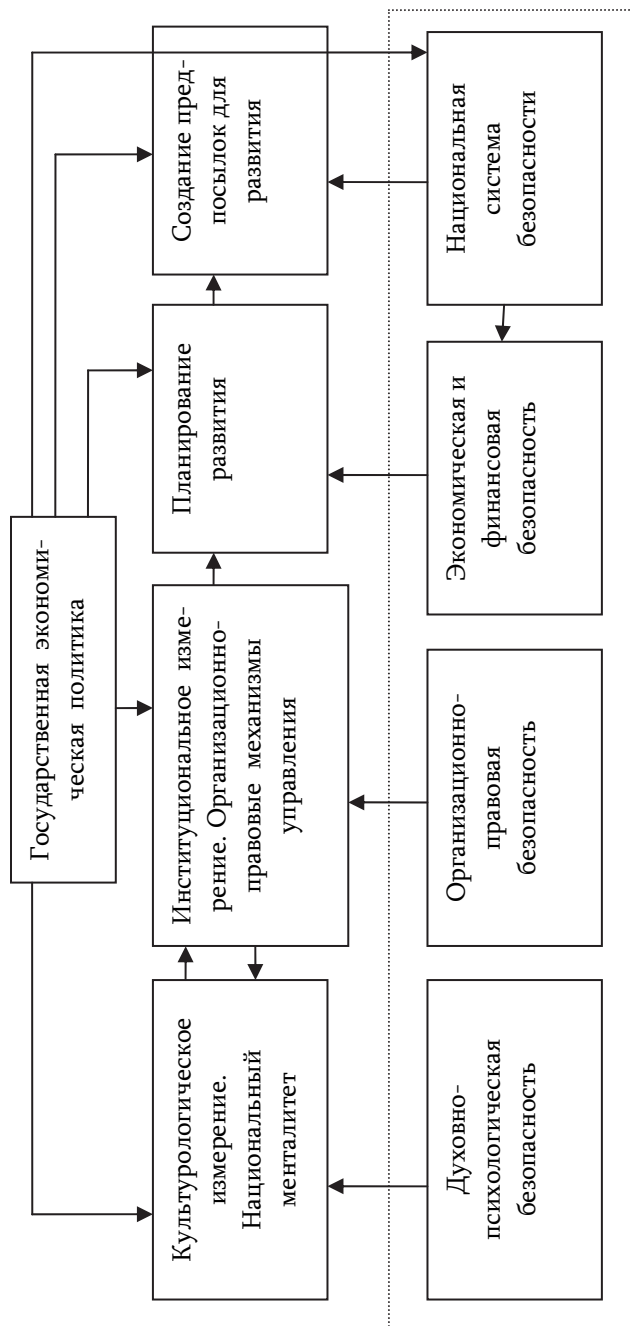


Схема (2)

Схема (2) является вариантом, примером укрупненного схематического представления системы государственного управления. Развернутое представление этой системы выразится в форме содержательного и структурного описания каждого блока. Это представление должно учитывать следующее фундаментальное обстоятельство.

Действующие в настоящее время схемы государственного управления в странах с достаточно длительной предысторией государственности являются результатом, отражением этой предыстории. Вследствие этого логика этих схем имеет усложненный, искривленный рисунок, обусловленный давлением исторической конъюнктуры. Сказанное означает, что буквальное заимствование отдельных внешних институтов, вырванное из контекста их исторической организационно-правовой оболочки, является путем в «институциональную ловушку» – ситуация, о которой уже давно предупреждают лидеры институционализма. Воспроизведение всего чужого организационно-правового контекста принципиально невозможно, так как, по сути, означает воспроизведение чужого исторического пути на совершенно другой культурологической почве.

Кроме того, существует еще более важное обстоятельство: страна, строящая свою систему государственного управления с «чистого листа», имеет серьезное преимущество в смысле возможности избрать более совершенную, логически более ясную концептуальную схему.

Сказанное можно обобщить в виде формулы требования к политике заимствования институтов: единство по идеологическим основам и максимальный учет национальной конкретики.

2.2. Современная идеология государственного управления экономикой

Главной основой современной идеологии государственного управления выступает вечное классическое право личности на творческое самовыражение в любой сфере общественной жизни, в том числе экономики. Обычно правоведы дополняют это утверждение условием: если это не противоречит аналогичному праву других личностей. Однако здесь необходимо иметь в виду, это дополнение носит избыточный характер: подлинно творческое самовыражение не только не мешает, а наоборот, способствует такому же самовыражению других личностей. Творческое самовыражение обязательно вовлекает в духовно-

психический рост других личностей. Противоречие наступает только в случае, если личность пытается утвердиться, возвыситься за счет принижения других. Именно право на творческое самовыражение является основой западной культуры и цивилизации. Право частной собственности на средства производства и институт рынка необходимо рассматривать лишь как возможные варианты реализации высшего права на творческое самовыражение.

Государственная экономическая политика должна выражаться в таких организационно-правовых формах (институтах), которые вызывают доверие у населения. Как уже отмечалось в разделе 1.4, это условие выражает суть теории социального менеджмента лауреата Нобелевской премии американского социолога-экономиста Ф.Фукуямы. В этом же разделе отмечалось, что доверие в социально-экономической сфере является следствием более глубокого чувства справедливости, о котором говорится в книге Платона «Государство».

Платон вслед за другими великими мыслителями древности утверждает, что чувство справедливости является объективно присущей нормальной психике важнейшей чертой, только на основе которой может функционировать государство, другие социальные институты. Игнорирование этого чувства ведет к деградации по двум направлениям: к потере управляемости по вертикали власти и, как следствие, к развалу государства; разрушению психики отдельных субъектов, выражающейся в падении общественной морали.

Удовлетворение чувства справедливости и доверия к власти – важнейшее требование к государственной институциональной политике.

1.2. (*)Требование и предложения, вытекающие из предыдущего раздела.

Идеология государственного управления экономики

*Создание оптимальной среды для малого и среднего бизнеса как формы обеспечения высшего права личности на творческое самовыражение в сфере экономики.

Право личности на творческое самовыражение в сфере экономики получило свое выражение в форме института малого и среднего бизнеса, прежде всего наукоемкого.

Этот институт можно считать состоявшимся только в том случае, если он выполняет функцию связующего звена по направлениям:

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{финансовый сектор – реальный сектор} \\ \text{крупный капитал – реальный сектор – наука} \\ \text{наука – реальный сектор} \end{array} \right. \quad (3)$$

Система (3) является условием такой связности экономики, финансов, науки, которая обеспечивает устойчивое развитие общества. В социальном отношении институт малого и среднего бизнеса является пространством, на котором формируется мнение народа – обратная связь с государственным управлением.

Из сказанного вытекает, что любые нарушения в функционировании этого института или его несостоятельность ведут к серьезным деформациям в национальном менталитете и подрывают доверие государственной власти. Государство призвано оградить малый и средний бизнес от любых форм агрессии, в том числе крупного капитала и криминальных структур. Но функцией защиты далеко не исчерпывается ответственность государства за формирование и развитие этого института. Прежде всего, необходимо, чтобы правовое поле в сфере экономики было четко направлено на реализацию системы (3).

Именно в этой сфере максимально целесообразно использовать опыт стран, в которых институт малого и среднего бизнеса имеет наиболее развитые формы, прежде всего, Германии и Японии. Здесь необходимо опираться на максимально глубокое аналитическое исследование влияния государственной политики на малый и средний бизнес. Критерием развитости этого института можно считать долю наукоемких предприятий (малое инновационное предприятие – МИП) в общем числе занятых: Япония – 79%; Англия – 60%, Германия – 60%. Именно МИП в наибольшей степени выражает связующую функцию института малого и среднего бизнеса.

Анализ организационно-правовой (институциональной) среды малого и среднего бизнеса относится к сфере организационно-правовой безопасности. Анализ возможных угроз и их источники, а также разработка и реализация мер защиты – к сфере экономической и финансовой безопасности. Каждая из этих сфер безопасностей представляет собой контур, включающий экономические правовые органы, а также соответствующие структуры министерства государственной безопасности.

Предварительно необходимо привести его структуру в соответствие с современным стандартом, то есть сформировать управления: духовно-психологическая безопасность, включающей информационную; организационно-правовая безопасность; экономическая и финансовая, внешнеполитическая и стратегическая. Прежде всего, необходимо, чтобы правовое поле в сфере экономики было четко направлено на формирование связей системы (3). В частности, законодательное стимулирование, вплоть до принуждения крупного капитала размещать заказы среди малого и среднего бизнеса.

Отдельный интерес представляет опыт германской банковской системы взаимосвязи с малым реальным сектором. Это также тема отдельного исследования.

Ответственность за каждый контур, каждую сферу безопасности должна быть официально возложена президентом или премьер-министром на должностное лицо в ранге не ниже министра. Ответственные за каждый контур безопасности автоматически становятся членами Совета Национальной Безопасности (СНБ). Только в этом случае он будет соответствовать своей миссии: управлять стратегией развития страны.

* Принцип социально-политического партнерства – современная форма удовлетворения чувства доверия к власти в развитых странах.

Этот принцип относится ко всем системным макроэкономическим программам государства и выражается в выполнении условий:

- предварительная тщательная проработка всех психологических аспектов, которые могут вызвать недоверие населения;
 - организация диалога с выявлением критических мнений всех заинтересованных сторон
 - привлечение к выполнению или управлению программой общественно значимых лиц, которым населения доверяет.
- (4)

Для реалий Армении, когда сформировался критический потенциал недоверия к государственной власти выполнение системы (4) является более чем жестким требованием. Это относится, в частном, к пенсионной реформе. В соответствии с системой (4) широкий учет мнений населения необходимо было

организовать до формирования протестных движений. Очевидно, что недостаточно глубоко были проработаны психологические аспекты восприятия в условиях существующих реалий, когда протест возникает независимо от объективной полезности государственной программы.

Но самое главное в другом: фактор недоверия относится не столько к условиям реформы (одной из которых является создание «длинных денег», сколько к использованию формируемых средств по назначению. Для нейтрализации этого недоверия целесообразно объявить о привлечении в управляющую средствами пенсионного фонда организации общественно значимых лиц, которым население доверяет. Это один из вариантов.

Целесообразно также объявить, продекларировать, что государство будет последовательно придерживаться принципа социально-политического партнерства (система (4)).

2.3. Создание предпосылок для развития

Отличие этого раздела, так же как и следующего 2.4 (планирование развития), от аналогичных разделов 1.1; 1.2 первой части работы в том, что здесь эти компоненты государственной политики с самого начала рассматриваются в контексте верхних уровней: культурологического, институционального, национальной безопасности. На основе этого рассмотрения будут сделаны предложения для Армении.

В первой части работы были приведены три ключевых предпосылки для развития:

- (1.1.)– организационное и информационное равноправие субъектов рынка
- (1.2.)– прогнозируемость макроэкономических показателей инфляции, курса национальной валюты, параметров налоговой системы
- (1.3.) – разработка и реализация общенациональных инфраструктурных проектов.

****Предложения***

(1.1.) Для реализации этого требования (первая предпосылка развития) в Армении был внедрен западный институт – комиссия по контролю над монополистической деятельностью. Эффективность этой комиссии существенно недос-

таточно для решения задачи разумного ограничения монополистических субъектов (олигархов), называемых Дж.Гелбрейтом «планирующая система».

Объясняется это тем, что подобные институты действуют на Западе в общем организационно-правовом и культурном контексте, определяющем место и роль крупного капитала, которого (контекста) в Армении нет. Этот контекст должен вытекать из осознания того факта, что институт олигархов является не только, а зачастую не столько экономическим, сколько политическим. Крупный капитал в силу своей удельной мощи может с одной стороны активно влиять на государственную политику, а с другой – ограничивать свободу творческого самовыражения в форме малого и среднего бизнеса. В западной культуре в процессе эволюционного развития создана специфичная организационно-правовая среда, оптимизирующая деятельность крупного капитала.

У Армении нет ни времени, ни необходимости воспроизводить всю эту систему, которая также не идеальна. Для нашей действительности более адекватен вариант прямого действия (*action direct*). С этой целью необходимо модифицировать наше правовое поле в сфере экономики, включив в него ответственность крупного капитала перед обществом. По своей сути эти правовые акты должны лицензировать право быть олигархом, с которым государство находится в договорных отношениях, допускающих возможность жестких мер в случае нелояльного поведения олигарха. Такой подход соответствует задачам организационно-правовой и экономической безопасности, одной из главных целей которых выступает обеспечения правила: крупный капитал для государства, а не наоборот. В США также наблюдаются усиление этой тенденции, начатой со времен Ф.Рузвельта, в форме проекта закона Додди-Френка, инициированного администрацией Б.Обамы.

(1.2.) Суть второй предпосылки развития состоит в обеспечении для реального сектора и общества в целом прогнозируемости макроэкономических показателей: инфляции, курса национальной валюты, параметров налоговой системы.

Первые две традиционно находятся в компетенции Центральных банков (ЦБ), остальные – правительства. Однако еще до кризиса ведущими специалистами МВФ была отмечена неадекватность проблемы ценового регулирования для ЦБ (Кеннет Рогофф «Миф о ЦБ»). Этот тезис, верный для развитых и раз-

вивающихся стран, приобрел для Армении гротескно очевидный характер. Любому рядовому гражданину предельно ясен факт влияния на цены крупного капитала. Продолжение игнорирования этого факта подрывает доверие общества к государственным институтам.

*На мой взгляд, необходимо создать Совет по макроэкономической стабильности, включающий помимо ЦБ и правительства, олигархов, связанных с импортом и экспортом.

Этот Совет должен публиковать прогноз по макропоказателям и нести за него ответственность.

(1.3.) Проблема транспортных и энергетический коммуникаций носит для Армении особо острый характер

- Для решения этой проблемы наиболее актуальна железнодорожная линия: Варденис-Кафан-Мегри, с ответвлением на Карабах.

Стратегическое значение этого проекта нельзя ставить в зависимость от возможного открытия абхазского участка или снятия транспортной блокады со стороны Турции.

Одна из главных целей этого проекта – развитие Сюника и Карабаха и превращение их в локомотивы регионального развития.

- Весьма весомую экономическую и военно-стратегическую значимость имеет железнодорожная линия: Ахалкалаки-Гюмри. Объясняется это тем, что в ближайшей перспективе ожидается завершение строительства железнодорожного пути: Баку-Тбилиси-Батуми.

Наличие коммуникационной связи Ахалкалаки-Гюмри позволит Армении подключиться к этому железнодорожному пути.

- К числу стратегических проектов в сфере энергетики относится строительство нефтеперерабатывающего завода на границе с Ираном.

В зависимости от мощности этого завода Армения может стать страной транзитного экспорта для южного и северного Кавказа, а возможно и в большем региональном пространстве.

- Особую значимость имеет проблема создания системы сбора и переработки мусора. Эта система имеет два аспекта: технологический и организационно-психологический.

Технологический аспект связан с технологическим уровнем завода или заводов по переработке мусора. Здесь, на мой взгляд, необходимо ориентироваться на технологический опыт Швеции, как самой передовой в этой сфере страны.

Организационно-психологический аспект более важен. Он вытекает из известного факта разрушительного воздействия на психику уровня загрязнения городских и сельских коммуникаций. **Грязный населенный пункт подсознательно разрушает уважение к национальной государственности. Эффективная система переработки мусора может быть только в случае, когда население сознательно участвует в процессе и осознает его стратегическую значимость.** Здесь весьма полезен опыт Швейцарии и Германии.

2.4. Планирование развития

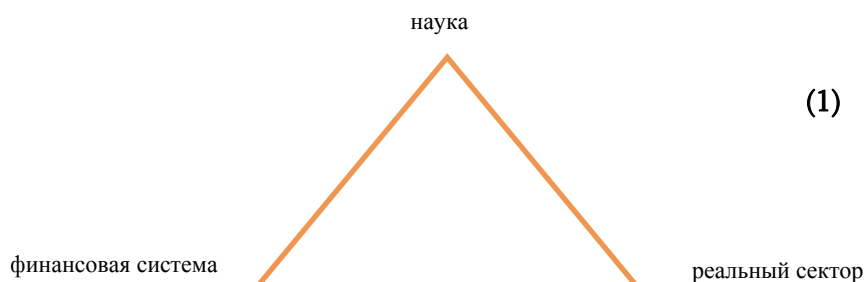
Эта функция является ключевой в западном менеджменте. Именно благодаря ей он имел определенное преимущество перед советской плановой системой, которая представляла собой отлаженную технологию направленного развития. Ее недостатком была излишняя детализация и как следствие недостаточный акцент на качественные, стратегические аспекты. Приоритетность этой функции выражает концептуальный тезис о том, что планированию подлежит, прежде всего, создание нового качества как результат процесса развития. Уровень развития этой функции жестко коррелирует с уровнем развития страны.

Для реалий Армении представляется совершенно необходимым концентрация этой функции в сфере экономики в ключевом государственном органе правительства. Таким органом должно стать реформированное Министерство экономики, которое, на мой взгляд, необходимо преобразовать в Государственный комитет по планированию развития.

Настоящую работу от начала до конца необходимо рассматривать как укрупненный, схематический системный набросок направлений его работы.

Планирование развития есть планирование качества, а оно в свою очередь является планированием структуры объекта управления. Объектами планирования развития на институциональном уровне являются варианты схем государственной политики, аналогичных схеме (2) с тщательной проработкой культурологического блока.

Собственно функция планирования развития имеет своим объектом, как это указывалось в разделе 1.2, схему (1) треугольник.



Планирование развития этого треугольника, состоит из двух уровней: по каждой вершине отдельно и все три вершины рассматриваются как единое целое – систему.

Каждый из трех институтов (вершины приведенного треугольника) развивается под влиянием двух векторов: саморазвития, обусловленного внутренними закономерностями, и государственной политики. Соотношение между обоими факторами определяется уровнем самодостаточности института.

В этом смысле наука является наиболее развитым институтом общества, в котором в максимальной степени сосредоточена функция рефлексии – осознание материальных и психологических аспектов общественных процессов. Этот факт выражается в наличии органа – Академии наук (АН), миссией руководства которой является определение направлений развития науки. С этой целью за АН закрепляется определенный объем бюджетных средств. Меньшая часть из них предназначена для выполнения высшим элитарным слоем науки (академики и член-корреспонденты) функции определения научных направлений.

Большая часть средств распределяется между конкретными исполнителями тематических работ, являющихся субъектами, полноценно распоряжающихся выделенными средствами на своих расчетных счетах. Администрация института или вуза берет на себя функцию создания на договорной основе информационной, расчетной, хозяйственной инфраструктуры для отдельных структурных исполнителей. Влияние государства на науку осуществляется через Комитет по науке. Он может влиять на структуру научных направлений с помощью средств, распределенных на конкурсной основе. Однако главная его

функция должна состоять в обеспечении связи: наука-реальный сектор как компоненты целостности треугольника (1).

Эта функция является фактором интенсивного взаимодействия Министерства экономики (Госкомитет по планированию развития) и Госкомитета по науке. Реализация этой функции осуществляется в форме института малых инновационных предприятий (МИП) и инфраструктуры их поддержки – технопарков, инкубаторов. Роль МИП в экономике развитых стран характеризуется их долями в общем числе занятых: Япония- 79%, Англия – 60%, ФРГ-60%.

В условиях Армении Госкомитет по науке может взять на себя совместно с Минэкономики решение следующих задач, связанных с МИП:

- разработку правового обеспечения процессов создания и функционирования,
- организацию экспертизы проектов на двух стадиях: на уровне идеи и бизнес-плана
- создание информационной базы по направлениям: квалифицированная информация по определенным тематикам (в Германии – ассоциация IB-SIS), данные по кластеру аналогичных проектов (мировая сеть – STN), потенциальных источников функционирования
- предельного сокращения бюрократических рамок создания МИП-все документы в одной инстанции (Англия, программа “Business Link”)

В процессе решения этих задач целесообразно максимально использовать опыт Франции (в частности, «Закон Франции об инновациях и исследованиях» от 12 июля 1981г.) и Германии (идеология фондов *Steinbeis*). Наиболее успешным практическим опытом реализации связи наука – реальный сектор следует считать опыт шведского города Линчепина (небольшой город – 135 тыс. человек с университетом). В результате внедрения собственной модели связи наука – реальный сектор его бюджет дошел до миллиарда долларов.

Суть модели выражается в следующих этапах.

В вузе или институте на низовом структурном уровне возникает идея, которая там же и обсуждается. На следующем этапе авторы идеи попадают в действующий на территории вуза или института Центр подготовки предпринимателя. Этот Центр может быть связан исключительно только с данным научно-

исследовательским звеном или обслуживать несколько институтов или вузов. В Швеции оплату финансирования этого Центра осуществляет государство. Смысл обучения в Центре – превращение первоначальной идеи в бизнес-план. На третьем этапе бизнес-план обсуждается в максимально широкой аудитории данного научного института или вуза. В случае успешной защиты бизнес-плана наступает четвертый этап: авторы переходят в бизнес-инкубатор, где им помогают создать венчурное предприятие. В Шведском варианте бизнес-инкубатор также финансирует государство.

Одно из самых главных направлений деятельности Министерства экономики (Госкомитет по планированию развития) состоит в планировании развития реального сектора как такого (отдельная вершина треугольник схемы (1) и связи финансовая система – реальный сектор.

Планирование развития для реального сектора в развитых странах получило название проектирования кластеров – система взаимосвязанных производств, с привязкой к конкретной территории. Название кластера определяется названием отрасли (отраслей) выпускающих конечную для данного региона продукцию. В Советском Союзе кластерам соответствовали территориально-промышленные комплексы. По своему содержанию технология планирования развития реального сектора не зависит от типа общественно-экономической системы. Для Армении несколько лет назад под руководством академика А.Аганбегяна были разработаны проекты более десяти кластеров и представлены руководству РА. Реализация проектов развития – кластеров, первоначально получило название промышленной политики (термин, введенный в Японии).

Особенность настоящего этапа, на которой настаивают все ведущие эксперты – тотальная финансиализация общественной жизни, выразившаяся, в частности, в чрезмерной самодостаточности финансовой системы. Принимая отрицательные свойства этого феномена, необходимо вместе с тем учитывать новые реалии в экономике.

В аспекте реального сектора это выразилось в замене идеологии промышленной политики на финансово-промышленную политику. Смысл новой идеологии в обязательном включении в процессы реализации и функционирования проектов развития реального сектора финансовых институтов.

Обобщая европейский и американский опыт объединения институтов финансового и реального секторов можно прийти к трем направлениям их взаимодействия.

Первое направление связано с взаимодействием банков с малым и средним бизнесом. Это направление наиболее эффективно действует в Германии.

Объясняется это тем, что в Германии с самого начала формирования банковской системы было отчетливое понимание следующего факта: малый бизнес может полноценно развиваться только в случае наличия благоприятной информационно-аналитической и кредитной среды. Такой средой для малого бизнеса выступили коммерческие банки, которым разрешили иметь в нем долевую собственность (*Patient capital* – терпеливый капитал). Этот опыт целесообразно внедрить в Армении, разработав соответствующее правовое поле. Патронажные банки могут взять на себя значительную долю задач менеджмента, в том числе маркетинговых.

Второе направление связано с участием банков в процессах создания кластеров. Это участие целесообразно иметь уже на стадии проектирования кластеров. Поскольку финансовых возможностей отдельных банков может оказаться недостаточно, необходимо разработать варианты создания консорциумов с участием государства.

Третье направление связано с необходимостью создания и развития института малых инновационных предприятий (МИП) – ключевого звена реального сектора. Участие банковской системы Армении в этом процессе может выразиться в учреждении венчурных фондов – основного источника финансирования МИП. Это также может потребовать модификацию правового поля.

Все три направления являются полем сотрудничества Министерства экономики и Центрального банка. Реализация этих направлений выступает, по мнению ведущих экспертов, важнейшим условием бескризисного развития финансового сектора и экономики в целом.

Все вышесказанное необходимо рассматривать как фрагмент общей задачи Министерства экономики (госкомитет по планированию развития), Госкомитета по науке, Центрального банка по созданию проекта национальной модели национальной инновационной системы (НИС).

2. 5. Система центров планирования развития Диаспора-Армения – решающий фактор консолидации нации

Этот тезис вытекает из факта распределенности духовного, интеллектуального, организационного, финансового потенциала в пространстве Диаспора-Армения. Технология выполнения функции планирования развития должна охватывать все центры Армянства, в которых сформировался достаточно выраженный научно-экономический потенциал. На сегодняшний день можно однозначно утверждать о наличии двух таких центров в России и США.

Технология выполнения функции планирования развития должна осуществляться в режимах консультации по отдельным вопросам и итеративного обмена укрупненными проектами развития РА в целом и различной глубины проработки проектов по отдельным сферам. Наличие такой технологии не только позволит повысить качество принимаемых решений, но и резко увеличить доверие к ним населения РА и всего Армянства.

А значит, выступит решающим фактором консолидации нации.

Апрель, 2015г.

ՊԵՏԱԿԱՆ ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԻՆԳ ՉԱՓՈՒՄ. ԱՌԱՋԱՐԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՄԱՐ

Իգոր Բաղիրյան

Ամփոփագիր

Պետական տնտեսական քաղաքականության արդյունավետության չափանիշը նրա համապատասխանությունն է հասարակական զարգացման ընթացիկ և ապագա ակտուալ խնդիրներին:

Արդյունավետությունն ապահովվում է երեք գործոնով՝ տնտեսական քաղաքականության բաղադրիչների կառուցվածքով; դրանց փոխհարաբերակցությամբ; այն բովանդակությամբ, որը դրվում է յուրաքանչյուր բաղադրիչում: Տնտեսության ճգնաժամային իրավիճակներն ազգային և գլոբալ մակարդակներում ստիպում են արմատապես վերանայել այդ գործոնների մասին առկա պատկերացումները:

ПЯТЬ ИЗМЕРЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ АРМЕНИИ

Игорь Багирян

Резюме

Критерием эффективности государственной экономической политики является ее соответствие наиболее актуальным задачам общественного развития в текущем и будущем отрезках времени.

Достижение эффективности обеспечивается тремя факторами: структурой компонентов-измерений экономической политики; соотношением между ними; содержанием, которое вкладывается в каждый компонент. Кризисные ситуации в экономике на национальном и на глобальном уровне заставляют кардинально пересматривать существующие представления об этих трех факторах.

FIVE DIMENSIONS OF THE STATE ECONOMIC POLICY: SUGGESTIONS FOR ARMENIA

Igor Bagiryan

Resume

Relevance of the state economic policy to the most pressing matters of societal development in current and future periods is a criterion for its effectiveness.

Effectiveness is achieved by three factors: structure of the economic policy components/dimensions; their interconnectedness and the contents of each component. Crisis situations in economy at national and global levels prompt cardinal revision of existing ideas on these three factors.

РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ

*Георги Коларов**

Ключевые слова: визит, союзник, армия, флот, президент, лидер, присутствие, офицер, корабль

В декабре 2014г. вице-премьер Российской Федерации Дмитрий Рогозин побывал с визитом в трех странах Латинской Америки, которые ориентируются на союзные отношения с Москвой. В Венесуэле он встретился с тогдашним министром иностранных дел Рафаэлем Рамиресом, с которым они обсудили вопросы взаимного интереса в сфере строительства жилья, нефтедобычи и военно-технического сотрудничества. Специально был подчеркнут факт, что взаимная торговля достигла уровня \$2,4 млрд. Львиную долю в ней занимает закупка со стороны Венесуэлы вооружения российского производства. Для дальнейшей оптимизации российских поставок вооружения на территории Венесуэлы планируется построить сервисный центр по обслуживанию российских вертолетов, где будет производиться ремонт не только техники, приобретенной Венесуэлой, но и принадлежащей другим латиноамериканским странам, которые покупают российское вооружение.

Пока застоторилось строительство завода на венесуэльской территории, на котором будут производиться автоматы «Калашников» по российской лицензии. Предполагается, что он будет сдан в эксплуатацию в конце 2015г. Промедление строительства вызвано как падением мировых цен на нефть (которое усложнило экономическую ситуацию в обоих странах), так и невыполнением обязательств со стороны генерального подрядчика. Последний был сменен.

В Бразилии Дмитрий Рогозин сначала встретился с вице-президентом Мишелом Темером – бразильским главой двусторонней Комиссии высокого

* Кандидат политических наук, докторант РУДН (Москва, Российская Федерация), преподаватель ЭУ (Варна, Республика Болгария) и РАУ (Ереван, Республика Армения).

уровня по сотрудничеству. Следующая встреча была с его коллегой – министром обороны Селсу Аморимом. Российскому вице-премьеру дали возможность познакомиться с работой наземной станции мониторинга и коррекции ГЛО-НАСС, которая находится на территории университета столицы Бразилиа. В этой связи бразильская сторона представила российскому гостю свои планы по развитию собственного космодрома. В целом, она предпочитает разрабатывать и размещать производство военной продукции на своей территории, чем закупать готовую из Российской Федерации. Это оптимальный вариант для развития военно-технического сотрудничества двух стран. Надо отметить, что в этом плане Москва входит в первую тройку партнеров Бразилиа, вместе со Стокгольмом и Парижем. Планируется подписаний новых договоров в сфере космической, атомной, авиационной промышленности, судостроения, радиоэлектроники.

Визит Дмитрия Рогозина на Кубу произошел одновременно с официальным оповещением мировой общественности о восстановлении дипломатических отношений между Гаваной и Вашингтоном. В связи с этим сам верховный кубинский руководитель Рауль Кастро обещал российскому вице-премьеру, что Куба строго будет соблюдать свои принципы политической независимости и суверенитета и дружбы с Российской Федерацией. Дмитрий Рогозин также принял участие в работе Российско-кубинской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Вслед за ним и министр обороны Российской Федерации генерал армии Сергей Шойгу тоже провел вояж по тем латиноамериканским странам – членам АЛБА, которые имеют выход на Карибское море. Сначала он прибыл в Венесуэлу. Там его приняли президент Николас Мадуро и министр обороны – генерал армии Владимир Падрино Лопес (в этой карибской стране, как и во всей Латинской Америке, коммунисты по традиции называют своих детей русскими именами, чаще всего Владимиром, Лениным, Сталиным и т.д. У венесуэльца террориста Карлоса, чье настоящее имя Илич Санчес Рамирес, есть братья Владимир и Ленин). Генерал «не скрывал, что российские самолеты Су-30МК, средства радиоэлектронной разведки и ракетные комплексы ПВО значительно усилили местную армию. Сейчас она переходит на новую систему тылового снабжения, и Венесуэла надеется на помощь российского миноборо-

ны в формировании современной системы материально-технического обеспечения вооруженных сил»¹. Оба министра обороны наблюдали боевые стрельбы из систем залпового огня «Смерч» и договорились о дальнейшем заходе российских военных кораблей в венесуэльские порты и приземлении боевых самолетов РФ на аэродромы Венесуэлы. Венесуэльский министр обороны также заявил о поддержке его страной твердой политики России по отстаиванию своих интересов в отношениях со странами Запада: «Мы видим те усилия, которые проводит империя для того, чтобы унижить народ России... Одновременно с этим мы с восхищением смотрим, как русский народ твердо отстаивает свою позицию... И, исходя из этих целей, мы хотим упрочить и умножить узы братства и дружбы с народом Российской Федерации»². В ходе переговоров Сергея Шойгу с Николасом Мадуро было установлено полное совпадение позиций по всем обсуждаемым политическим вопросам. Дети венесуэльских офицеров были приглашены в российские кадетские и суворовские училища.

Сегодняшняя венесуэльская военная верхушка – это офицеры, которые в конце 1970-х – начале 1980-х в молодом возрасте, под руководством Уго Чавеса, создавали секретную нелегальную военную организацию КОМАКАТЕ (имя организации составлено из первых букв офицерских званий, существующих в венесуэльской армии и находящихся в градации). Вначале она не имела ясной идеологии. Ее лидеры ставили на передний план социально-экономические проблемы общества. После празднования 200-летия со дня рождения Симона Боливара в 1983г. взгляды Чавеса и его мировоззрение стали ведущими для политической ориентации лидеров КОМАКАТЕ.

Поэтому организация была переименована в Революционное боливариистское движение (МБР-200). Кроме духовного наследия Освободителя, истоками формирования идеологии движения являлись мысли и действия учителя Боливара Симона Родригеса и героя венесуэльской гражданской войны середины 19-го века Эсекиеля Саморы. От первого были восприняты ценности гуманизма и просвещения, а от второго – идеалы социальной справедливости и стремление к ликвидации олигархического правления. В результате получилась идеология движения военных, которую можно определить как национально-

¹ www.zavtra.ru/content/view/v-latinskoj-amerike-zhdut-rossijskie-boevyie-korabli-i-samoletyi/.

² www.regnum.ru/news/polit/1894438.html.

демократическую, основанную на идейно-теоретическом наследии Боливара. Перед Чавесом и его соратниками был и выдающийся пример перуанского генерала Хуана Веласко Алварado, правление которого послужило стимулом для дальнейшего продвижения на практике идей движения. А также панамского генерала Омара Торрихоса, ценой жизни вошедшего в историю.

В феврале 1989г. в Каракасе произошли столкновения между вооруженными силами, с одной стороны, и столичными маргиналами – с другой. Последние протестовали против пакета мер, принятых под давлением Международного Валютного Фонда (МВФ), направленных на повышение цен. Тот факт, что президент и правительство направили армию и Национальную гвардию против собственного народа (и, таким образом, похоронили Конституцию 1961г. и систему представительной демократии, просуществовавшую около трех десятилетий), оказался той каплей, которая переполнила чашу терпения молодых лидеров Революционного боливаристского движения. С тех пор они стали подготавливать путч с целью свержения президента. Он состоялся 04.02.1992г. и потерпел неудачу. Однако президент страны – социал-демократ Карлос Андрес Перес все-таки был отстранен от власти в феврале 1993г. При этом соблюдались все законодательные нормы и демократические правила. Соответственно, интеллектуальная и политическая элита страны (в том числе, ультралевые, например известный политик и бывший партизанский командир болгарского происхождения Теодоро Петков) стала убеждать лидеров движения в ошибочности насильственных действий для улучшения жизни народа и прогресса Венесуэлы. В конце концов в апреле 1997г. движение решило участвовать в выборах, выдвинуть своего кандидата в президенты, а также переименоваться в движение «Пятая республика». Оно быстро превратилось в массовую общенациональную организацию. Однако, и тогда, и до сих пор основную роль в ней играют военные.

Движение официально выдвинуло Уго Чавеса кандидатом в президенты в 1998г. К нему присоединились Движение к социализму (МАС) Теодоро Петкова, «Родина для всех», «Избирательное движение народа», Венесуэльская коммунистическая партия и другие. В итоге Чавес завоевал 56,20% голосов и одержал блистательную победу над своим соперником. Таким образом, он вошел в президентский дворец через парадный вход, в соответствии с законом.

Победитель сразу объявил свой основной приоритет – демонтаж сложившейся социально-экономической и политической системы и строительство «Боливарианской республики социальной и партисипативной демократии». Он декларировал модель, которую посчитал самой подходящей для Венесуэлы – промежуточную между неолиберализмом и коммунизмом.

Суть проекта, выработанного Чавесом и его соратниками, состоит в специфическом месте вооруженных сил в такой стране, как Венесуэла. Он и его соратники стремились к власти для того, чтобы возродить боливарианский проект, который до этого так и не был реализован. Его стержень – пересмотр Конституции 1961г. Когда законным образом Чавес вступил в должность, он стал реализовывать свой боливарианский проект. Он объявил референдум, на котором венесуэльцы должны были проголосовать за созыв Конституционной Ассамблеи, чтобы реформировать Конституцию. На выборах в Ассамблею его сторонники одержали блестящую победу. Через месяц состоялся второй референдум, который утвердил конституционные перемены и поменял государственную специфику Венесуэлы. С 2000г. страна стала называться «Боливарианская Республика Венесуэла», чтобы подчеркнуть великое дело Боливара, которого соратники Чавеса считают основателем страны и отцом нации. Реформы, проводимые в стране, стали известными как «Боливарианская революция». Они символизируют связь между Боливаром и Чавесом.

Новая Конституция значительно расширила права военных. Они получили возможность голосовать и практически вышли из-под контроля парламента. Последний перестал утверждать присвоение очередных воинских званий. Высший командный состав вооруженных сил стал пользоваться иммунитетом. И военные оказались благодарными. Несмотря на призывы со стороны олигархии и пособников США, они сохранили верность новой Конституции и своему вождю. Именно вооруженные силы оказали помощь правительству в восстановлении государственного контроля над нефтяной отраслью, в нормализации поставок бензина и газа, продовольствия, в борьбе с саботажем. Так было до смерти Чавеса и прихода к власти Мадуро.

Как и вышеупомянутые латиноамериканские генералы – левые националисты, Чавес немедленно пошел на развитие и укрепление связей с Российской Федерацией (как преемницы Советского Союза) в качестве противовеса

недавней односторонней зависимости в отношениях с США.

Обе страны углубили сотрудничество по добыче и экспорту углеводородного сырья – в частности, было продлено давно действующее соглашение о том, чтобы Венесуэла осуществляла поставки оплаченной Россией нефти на Кубу, а Российская Федерация выполняла в том же объеме венесуэльские обязательства к западно-европейским государствам, значительно сокращая, таким образом, время поставки и транспортные расходы (кроме этого, Венесуэла стала сама поставлять нефть Кубе, в размере 53 000 баррелей в день, по преференциальным ценам). Также было налажено широкое сотрудничество по добыче и поставке нефти, что очень важно для обеих стран и помогает не отставать от научного прогресса в области этих технологий и удовлетворять требованиям потребителей нефтепродуктов из высокоразвитых стран. Чавес пригласил российских предпринимателей инвестировать в венесуэльскую экономику и конкретно в нефтедобывающую промышленность. Кроме того, Москва участвует в обновлении 150 нефтеперерабатывающих заводов в Каракасе, в строительстве газопровода, проходящего по всей Южной Америке, в строительстве огромного комбината для производства боксита и алюминия, который будет стоить один миллиард долларов. В этой связи надо отметить, что провокации в форме слухов, что российские нефтяные и газовые компании стали уходить из Венесуэлы после смерти Чавеса, были быстро разоблачены реальностью.

Самый важный для венесуэльской стороны аспект двусторонних отношений – установление и развитие военно-технического сотрудничества. Намечается довольно широкий спектр этого сотрудничества, вплоть до постройки русскими специалистами космодрома в Венесуэле. Это уже означает, что Венесуэла прочно вошла в сферу стратегических интересов Российской Федерации.

Во времени визита российского министра обороны часть венесуэльских военных подняла мятеж. Он, конечно, был financирован и руководим из США. Однако задачу путчистов очень облегчили ошибки Николаса Мадуро, прежде всего в социально-экономической политике, которые довели когда-то самую развитую страну в Латинской Америке до острой нехватки продовольствия и других элементарных товаров потребления. Это, со своей стороны, не могло не спровоцировать дополнительный всплеск преступности, который и до этого был довольно высоким. В результате, не могла не усилиться и эмигра-

ция высококвалифицированных кадров, прежде всего в США, Испанию и страны Тихоокеанского Альянса. Есть мнение, что без российской военной помощи и всестороннего сотрудничества с Москвой число мятежных генералов и офицеров было бы намного большее. Дело в том, что Николас Мадуро – не выходец из военной среды, и местные военные не пытаются к нему такой преданности, как к Уго Чавесу. Пока он покоится на лаврах своего предшественника, однако все больше проявляется его некомпетентность по многим вопросам экономики и управления. Так или иначе, визит Сергея Шойгу упрочил его на президентском посту и помог нейтрализовать (на этом этапе) путчистов.

Из Венесуэлы Сергей Шойгу полетел в Никарагуа. Принимая высокого гостя, президент страны Даниэль Ортега оценил роль США как деструктивную и обвинил их в создании беспорядка во всем мире. Он также поддержал усилия Владимира Путина по урегулированию конфликта на юго-востоке Украины. На встрече с ним, с главнокомандующим армии Никарагуа Хулио Авилесом, с начальником Генерального Штаба Оскаром Мухикой, и с Генеральным инспектором Адольфо Сепедой были подписаны соглашения о военном и военно-техническом сотрудничестве. Был открыт топографический центр с российским оборудованием и специалистами, которые его монтировали. И что представляется особенно важным, продолжится облегченный режим для захода российских военных кораблей в никарагуанские порты. А это очень важный фактор в обеспечении мобильности российского флота как конкретно в Карибском регионе, так и в целом, во времени дальних походов российских кораблей. Предполагается и участие России в строительстве военной инфраструктуры для обеспечения безопасности при строительстве Никарагуанского канала. Это уже означает постоянное базирование российских ВМС и ВВС на обоих побережьях страны – Атлантическом и Тихоокеанском. Для них должна быть создана и соответствующая инфраструктура. Это уже означает подъем никарагуанской экономики и создание многочисленных рабочих мест. А также постоянное взаимодействие с вооруженными силами сандинистов, которые в этой ситуации, наверное, останутся у власти достаточно долго. Здесь надо иметь в виду, что строительством канала управляет сын президента Лауреано Ортега, а за армией строго следит бывший министр обороны (сейчас бизнесмен), брат президента, команданте Умберто Ортега. Эта ситуация дает повод некоторым

экспертам говорить о так называемой «семье» во власти в Манагуа. Реально это не так – Даниэль Ортега вернулся после длительного отсутствия, благодаря победе на президентских выборах. Брат и сын всегда были рядом с ним, причем брат на протяжении нелегальной деятельности и вооруженной борьбы, а сын в течении долгих лет, проведенных в оппозиции. И они заслужили свой теперешний статус.

Братья Ортега долгие годы возглавляли «третью» или «повстанческую» тенденцию в СФНО (так называемые «терсеристас»), которая объединила две тенденции, возникшие до нее: «пролетарскую», носители которой стояли на марксистско-ленинских позициях, и «гера популяр пролонгада» («продолжительная народная война»), носители которой исповедовали идеи Че Гевары и основателя Сандинистского Фронта Национального Освобождения (СФНО) Карлоса Фонсеки Амадора. Он, Томас Борхе, Силвио Майорга, Фаустино Руис и Сантос Лопес основали организацию 23.07.1961г. Еще в первые годы своего существования Фронт возглавил крестьянское и студенческое движение в Никарагуа. В 1964г. была поставлена цель сформировать сандинистскую партию, качественным образом отличающуюся от остальных революционных группировок, чтобы не повторять их ошибок, а объединить их на борьбу за свержение диктатуры. После 1976г. СФНО развернул партизанское движение, проводил организаторскую работу, установил союзнические отношения.

Восстание в сентябре 1978г. было на грани успеха. После него последовал захват парламента и взятие заложников, которые потом были заменены на арестованных сандинистов. Режим Анастасио Сомоса пал 19.07.1979г. вследствие военных побед партизан, генеральной забастовки и всеобщего народного восстания. Революция в Никарагуа победила благодаря наличию в течение длительного времени революционной ситуации и присутствию зрелого субъективного фактора.

В политическом развитии никарагуанской революции – после ее победы и до поражения на выборах в 1990г. – можно наметить два основных периода. Первый – с победы революции до выборов в 1984г., когда управление СФНО получило легитимность. Тогда были достигнуты успехи в социально-экономическом развитии, и это повлияло на результаты выборов. Было сделано много, прежде всего в области демократизации и самоуправления. Именно

это раздражало правящие круги США, которые усилили нажим на никарагуанский народ путем экономических, политических и военных действий. По приказу президента Рейгана были заминированы основные никарагуанские порты. Так пришел второй период в развитии Никарагуанской революции. Противники СФНО внутри и вне страны получили поддержку со стороны США. Никарагуа и СФНО превратились в самую большую помеху для североамериканской политики в Западном полушарии. Было сделано все возможное, чтобы свергнуть сандинистов путем выборов. В конце концов, так и случилось 25.02.1990г. Сандинисты переоценили революционные устремления и энергию масс, неправомерным образом приписывая их всему никарагуанскому народу.

Тот факт, что СФНО взял власть революционным путем и потерял ее после выборов, является беспрецедентным в истории Латинской Америки. Таким образом, сандинисты доказали свое твердое намерение придерживаться принципов демократии и соблюдать Конституцию страны.

Подтверждение этому намерению стало трехкратное безуспешное участие Даниэля Ортеги на выборах президента, когда он оставался вторым, всегда собирая более 40% голосов. Столько он собрал и 05.09.2006г., однако на этот раз вышел на первое место, из-за разобщенности либеральных кандидатов. Они не сумели договориться для выдвижения единой кандидатуры и, таким образом, вновь дали шанс лидеру сандинистов, через 16 лет занять президентский пост.

Кроме того, не надо забывать, что к Даниэлю Ортеге вновь примкнул бывший отщепенец от сандинистов Эден Пастора, или так называемый «Команданте Серо». У него уникальный боевой опыт и он тоже будет содействовать укреплению вооруженных сил республики. Вопреки его скептическому отношению к СССР и социализму, а также стараниям не ссориться с США, их отношения с «семьей» на этом этапе дают основания считать, что есть все шансы на поступательное развитие страны и увеличение мощи ее армии. Союз братьев Ортега с Пасторой является гарантией для сандинистов, что они еще долго останутся у власти и в этой позиции увидят завершение своего грандиозного проекта – Никарагуанского канала. Его будут охранять и использовать российские корабли и самолеты. Некоторые из, наверное, со временем могут достаться никарагуанцам.

Два года после возвращения на президентский пост, в декабре 2008г. Даниэль Ортега и Росарио Мурильо посетили Москву и обсудили с президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым и с премьер-министром Владимиром Путиным вопросы возобновления и развития двусторонних отношений в сфере экономики, торговли, транспорта, образования, культуры, спорта, науки и техники, а также военно-технического сотрудничества. Любопытным является факт, что никарагуанская президентская чета посетила в российской столице и православный храм, настоятелем которого является духовник Владимира Путина и Дмитрия Медведева.

В конце июля 2014г. Владимир Путин реализовал вояж по Латинской Америке, в программе которого в последний момент включил Никарагуа. Это было первое посещение высшего российского (советского) руководителя в Манагуа, в истории двусторонних отношений. Таким образом, президент Российской Федерации заметно поднял рейтинг и самочувствие своего никарагуанского коллеги. Тот укрепил свои позиции, прежде всего, против бывших соратников.

Напомним, что раньше СССР поставлял Никарагуа ракетные и патрульные катера, а также собирал мобильные госпитали. Кроме того, многие никарагуанцы закончили российские (советские) военные учебные заведения и потом приложили свои знания и умения в строительстве современных вооруженных сил страны. Многие из них до сих пор находятся на военной службе.

Карибский вояж Сергея Шойгу закончился на Кубе. Во время встречи с председателем Государственного совета и Совета министров Республики Куба Раулем Кастро было подчеркнуто наличие тесных исторических связей между двумя странами и намерение укреплять узы сотрудничества. Российский министр обороны заявил, что двухсторонние отношения в военной и военно-технической сфере конструктивно развиваются. Он подчеркнул: «Мы признательны кубинской стороне за прием, оказываемый российским военным кораблям и судам во время захода в порт Гаваны. Заинтересованы в расширении сотрудничества в военно-морской области»¹.

Сергей Шойгу также констатировал богатый опыт подготовки кубинских офицеров в российских военно-учебных заведениях и увидел хорошие перспективы в этом направлении сотрудничества.

¹ www.regnum.ru/news/polit/1895387.html.

Специфика Кубинской революции состоит в том, что на первом этапе она была национально-освободительной, а на втором – социалистической. Ее победа была предопределена двумя факторами – внутренним и внешним. Внешний фактор – это существовавший СССР и социалистическая система, которая помешала попыткам США задушить ее и восстановить старый режим. В решающий момент советское руководство вступилось за Кубу, поставив мир на грань Третьей мировой войны, но не позволив осуществить североамериканское вмешательство.

Визит Сергея Шойгу на Кубе совпал с началом процесса восстановления отношений между Гаваной и Вашингтоном. Он является очередным подтверждением факта, что это улучшение не произойдет и не может произойти за счет второго сворачивания (после начала 90-х) отношений Гаваны с Москвой. Наоборот, на фоне отпадания идеологической составляющей в российско-кубинских отношениях (она все больше отпадает и из внутренней политики братьев Кастро) на передний план выходят сферы экономики, туризма, образования. Однако центральным, по прежнему, остается военно-техническое сотрудничество, которое дает Кубе шанс на сохранение независимости и восстановление территориальной целостности (в том числе и возвращение района вокруг американской базы в Гуантанамо), а России – важные преимущества в военном и геополитическом противостоянии с США и НАТО, которое, видимо, станет основной характеристикой следующей декады. Поэтому, нет сомнений, что оно будет продолжаться и после неизбежной смены поколений в кубинском руководстве. Молодая кубинская элита, хоть и не до такой степени ненавидит США, как участники Кубинской революции 1953-59гг., все равно, не настроена на сдачу позиций и превращение страны в полуколонию. На Кубе все еще живы люди, которые помнят, как мужское население Острова Свободы в предреволюционный период было превращено в обслуживающий персонал, а женское – в проститутку. Такого уже не будет.

Сергей Шойгу стал кавалером высочайших военных наград Венесуэлы и Никарагуа: Владимир Падрино Лопес вручил ему почетный орден «За заслуги в области обеспечения национальной безопасности», а Даниэль Ортега – «Большой крест армии Никарагуа».

После окончания визита, заместитель Сергея Шойгу по международному сотрудничеству – Анатолий Антонов заявил, что «Министерство обороны Рос-

сии обсуждает с некоторыми странами Латинской Америки вопросы по созданию на их территории пунктов материально-технического обеспечения (МТО) в интересах российской армии». По словам Антонова, пункты МТО «необходимы для оказания техподдержки кораблям ВМФ, которые находятся в длительных походах, обеспечения их продуктами, питьевой водой, а также для текущего ремонта кораблей»¹. Он подчеркнул, что «эти визиты были плановые, не экстраординарные. Это не результат санкций Европы и США»². Анатолий Антонов дал понять, что официальные визиты Дмитрия Rogozina и Сергея Шойгу в Венесуэлу, Никарагуа и Кубу являются реализацией продуманной линии по укреплению национальной безопасности Российской Федерации и региональной стабильности.

По этому поводу военный журналист Татьяна Русакова сделала следующую констатацию: «Данный визит – это просто очередная демонстрация миру того, что, несмотря на такую сложную политическую ситуацию, российское руководство не забывает Латинскую Америку. Если откровенно, то с экономической точки зрения визит не принесет крупных сделок»³. А эксперт Борис Джерелиевский отметил, что «это очень важный и своевременный визит. Мы возвращаем позиции, которые были у нас в Латинской Америке. Но одновременно с этим нарабатываем новые контакты, открываем новые формы взаимоотношений. Установление нашего политического, экономического, военного присутствия в Латинской Америке, в подбрюшье США, чрезвычайно важно. Это возможность симметричного ответа на действия США в Европе, на Ближнем Востоке»⁴.

Со своей стороны, геополитик Леонид Савин напоминает, что в Карибском бассейне «в ряде стран запрещено размещение иностранных военных баз. Поэтому подписание с Никарагуа соглашения об упрощении захода наших военных кораблей становится неким обходным маневром к усилению нашего военного присутствия в регионе... А строительство Никарагуанского канала говорит о необходимости еще более пристального внимания к региону»⁵.

¹ www.regnum.ru/news/polit/1895527.html.

² www.regnum.ru/news/polit/1895611.html.

³ www.regnum.ru/news/polit/1895457.html.

⁴ www.zavtra.ru/content/view/visit-2/.

⁵ www.zavtra.ru/content/view/visit-2/.

Журналист Анатолий Васерман указывает на Карибский кризис 1962г., «когда в ответ на размещение американских баллистических ракет в Турции мы договорились об ответном размещении своих ракет на Кубе»¹. Он правильно утверждает, что сейчас повторения этой ситуации уже не может быть. Вот и самая важная в случае причина для этого: вслед за Владимиром Путиным в Гавану поспешил его турецкий коллега Реджеп Тайип Эрдоган. Там он тоже провел очень сердечную встречу с Раулем Кастро и похвалил его новый президентский дворец (по оценкам Эрдогана, на его строительство потрачено больше денег, чем на президентский дворец в Анкаре). Видимо, после заключения договора о «Турецком потоке», сближение между Москвой и Анкарой происходит очень быстро и турки уже налаживают отношения «со старыми союзниками своего нового союзника».

Мы становимся свидетелями двух военно-политических и, конечно, военно-технических реальностей: с одной стороны, Российской Федерации понадобятся дополнительные военно-морские силы для претворения в реальность подписанных Сергеем Шойгу договоров; с другой стороны, «Мистрали» (первый Франция все равно отдаст, чтобы не угробить до конца свой военно-промышленный комплекс), по мнению многих российских военных экспертов, во главе с генерал-полковником Леонидом Ивашовым, являются **ненужными для четырех российских флотов. И они могут пригодиться в Карибском море.** В этих четырех государствах есть кому прочно защищать российские интересы. В отличие, например, от Эквадора, Сальвадора, Чили, Перу и других стран тихоокеанского побережья, где правят левые президенты, настроенные на развитие отношений с Россией, но где есть сомнения в лояльности к ним со стороны армии.

Что касается других латиноамериканских стран на атлантическом побережье, шансов на постоянного присутствия ВМС России там немного. В Аргентине, где во время своего визита Владимир Путин договаривался с Кристиной Фернандес Де Кирхнер о военно-морской базе, ее шансы остаться на президентском посту до конца своего мандата в последнее время стремительно уменьшаются из-за загадочного убийства прокурора Альберто Нисмана. На ее

¹ www.zavtra.ru/content/view/visit-2/.

место, скорее всего, придет прозападный президент. А с Уругваем такого договора пока нет и не планируется.

Май, 2015г.

Источники и литература

1. Коларов Г.И., Левый радикализм в Латинской Америке: социально-политические аспекты. – М.: Типография Пограничной Академии ФСБ, 2012.
2. Газета «Завтра», Москва, февраль 2015.
3. ИА Регнум, Москва, февраль 2015.

ՌԱԶՄԱՏԵԽՆԻԿԱԿԱՆ ՀԱՄԱԳՈՐԾԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՑՈՒՄԸ ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԵՎ ԼԱՏԻՆԱԿԱՆ ԱՄԵՐԻԿԱՅԻ ՄԻՋԵՎ

Գեորգի Կոլարով

Ամփոփագիր

Հոդվածում վերլուծվել են Ռուսաստանի Դաշնության փոխվարչապետ Դմիտրի Ռոզդոլինի և պաշտպանության նախարար Սերգեյ Շոյգուի այցելությունները Կարիբյան ավազանի երկրներ: Վենեսուելայի, Նիկարագուայի, Կուբայի և Բրազիլիայի նախագահներն այսօր Ռուսաստանի ամենահուսալի դաշնակիցներն են տարածաշրջանում, և այդ երկրներում կարելի է հաստատել կամ վերականգնել ռուսական ռազմական ներկայությունը. սա այցելությունների ամփոփիչ հետևությունն է: Հիմնավորվել են այն պատճառները, որոնցով լատինաամերիկյան մյուս պետություններում, որոնցում կառավարում են ձախակենտրոն և ձախ արմատական կառավարությունները, անհնար է ռուսական ռազմածովային կայանների և լոգիստիկ ու ռազմածովային նավատորմի տեխնիկական աջակցության կետերի տեղակայումը, կամ էլ դա կապված է ռիսկի գործոնի հետ՝ այդ երկրներում ապագա հնարավոր փոփոխությունների հետ կապված:

РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ

Георги Коларов

Резюме

В статье содержится анализ визитов вице-премьера и министра обороны Российской Федерации – Дмитрия Рогозина Сергея Шойгу – в страны Карибского бассейна. Президенты Венесуэлы, Никарагуа, Кубы и Бразилии на сегодняшний день являются од-

ними из самых надежных союзников России в регионе, и в этих странах можно установить или возобновить российское военное присутствие – это заключительный вывод анализа визитов. Обоснованы также причины, в силу которых в других латиноамериканских государствах, в которых правят левоцентристские и леворадикальные правительства, расположение российских военно-морских баз и пунктов логистической и технической поддержки военно-морского флота невозможно либо сопряжено с разной степенью риска из-за возможных там будущих перемен.

DEVELOPMENT OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND LATIN AMERICA

Georgi Kolarov

Resume

The article analyzes visits of Dmitry Rogozin, Deputy Prime Minister of Russia and Sergey Shoygu, Russian Minister of Defense, to the countries of Caribbean Sea coast. Presidents of Venezuela, Nicaragua, Cuba and Brazil remain among the most important allies of Russia in the region and the author concludes that it might be possible to establish or re-establish Russian military presence in these countries. The reasons are explained why other Latin American countries with left centrist and left-wing radical governments are not suitable for Russian Navy bases or logistic and technical support centers for navy, as they are related to various degrees of risk and potential changes in future.

Памятка автору

Журнал «21-й ВЕК» публикует статьи аналитического характера, в которых преобладают темы, затрагивающие актуальные проблемы Республики Армения. *Заказанные* редакционным советом журнала статьи и материалы являются собственностью Фонда «Нораванк».

Принимаемые редакцией статьи рецензируются. Публикации журнала выражают точку зрения их авторов.

Требования к представляемым материалам

1. Статьи должны быть представлены в виде распечатки и в компьютерном наборе (*MS WORD*) шрифтом «*Sylfaen*» размером 11 и не превышать 15 страниц.
2. Со статьей обязательно представляется автобиография (*CV*) автора, а также ключевые слова.
3. Страница статьи должна соответствовать формату A4 и иметь поля – по 2 см слева, справа, сверху и снизу. Межстрочный интервал – 1.5. Обязательно наличие резюме (на армянском, русском и английском).
4. Ссылки на использованную литературу приводятся в квадратных скобках, в сквозной нумерации по порядку их следования в статье, с указанием страниц(ы) после номера источника. Страница указывается на языке оригинала: «էջ» (на армянском), с. (на русском), р. (на английском, французском и т.д.). Например: [1], [2, с. 11-12]. В конце статьи, в разделе «Источники и литература», приводится список использованных источников по порядку их следования в статье на языке оригинала, шрифтом 10-ого размера, например:
 1. *Մարգարյան Ա.*, Երկրի մրցակցային ռազմավարությունը տնտեսական անվտանգության համատեքստում, «21-րդ դար», # 1, էջ 5, 2003:
 2. *Шарипова Р.*, Панисламизм сегодня: идеология и практика Лиги Исламского Мира, с. 15, М., 1986.
 3. *Yasha Lange*, Media in the CIS, Center for Civil Society International, Amsterdam, 1997, from <http://www.internews.ras.ru/books/media>, Sept. 28, 1998.
5. Ссылки на интернет-источники желательно давать в сносках.
6. При языке источника, отличном от армянского, латинского алфавита и кириллицы, ссылки приводятся латинской транслитерацией. В скобках указывается перевод и язык, например: *Al-Arman fi Lubnan* (Հայերը Լիբանանում, արաբ.).

Редакция

«21-й ВЕК» информационно-аналитический журнал
Редакционный совет

Учредитель – научно-образовательный фонд «НОРАВАНК»

Свидетельство № 221 Государственного регистра
Министерства юстиции РА, выданное 17.05.2001г.
Адрес: РА, 0026, г. Ереван, ул. Гарегина Нжде, 23/1
Сайт: www.noravank.am

e-mail: 21dar@noravank.am, office@noravank.am

Телефон: + (374 10) 44 38 46

Факс: + (374 10) 44 04 73

Ответственная за номер – Лусине Баграмян

Подписано к печати 31.07.2015г.

Номер 3 (36), 2015г.

Тираж 200

Бумага офсетная, формат 70x100 1/16

Усл. п. л. 15. Шрифт: Sylfaen

Издательство ООО «Гаспринт»